

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

*Материалы Всероссийской научно-практической
конференции (с международным участием)*

*5 декабря 2014 года
г. Нефтекамск*

Том 4

*Секции “Физико-математические
науки” и “Юридические науки”*

Актуальные проблемы науки:

Материалы I Всероссийской (заочной) научно-практической конференции (с международным участием); том 4 (секции «Физико-математические науки» и «Юридические науки») / под общ. ред. А.И. Вострецова. – Нефтекамск: РИО ООО «Наука и образование», 2014. – 112 с.

ISBN 978-5-9906169-0-5

ISBN 978-5-9906169-4-3 (т. 4)

В сборнике представлены материалы первой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы науки», где нашли свое отражение доклады студентов вузов и ссузов, магистрантов, аспирантов, докторантов, преподавателей, научных сотрудников по широкому спектру научных интересов: математике и информатике, юриспруденции, филологии, экономике, истории, иностранным языкам, психологии и др.

Материалы сборника представляют интерес для всех интересующихся указанной проблематикой и могут быть использованы при выполнении научных работ и преподавании соответствующих дисциплин.

Статьи напечатаны в авторской редакции.

© ООО «Наука и образование», 2014

ISBN 978-5-9906169-0-5

ISBN 978-5-9906169-4-3

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Федоров Д.М., Назаров Д.А., Самборук А.Р. СВС нанопорошков карбида титана с расплавом хлоридов натрия и калия	5
Хабибуллин Р.М., Старинова О.Л. Разработка и проектирование маломассогабаритного космического аппарата с солнечным парусом в системе автоматизированного проектирования Proengineer wildfire 5.0	8
Царёв А.А., Привалов А.Ю. Использование модификации модели MGI для моделирования самоподобного трафика в имитационной системе	13
Шорников А.Ю., Старинова О.Л. Моделирование пассивного движения космического аппарата с электрореактивной двигательной установкой вблизи тела с гравитационным полем сложной конфигурации	24
Юркин В.М. Термодесорбционные спектры кислорода, адсорбированного на фотоиндуцированных дырочных центрах	29

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Абашикина А.С., Левченко В.Е. Значение судебной практики РФ в правоприменении при разрешении гражданских дел	33
Ахметова Н.А. Исторический опыт противодействия коррупции в России	41
Габдуллин Т.Р. Проблема дефиниции личной безопасности	45
Головченко Г.А., Жинкин С.А. Ценность права и правовая ценность: от схождения к различию	47
Долгая С.Ю., Карягина О.В. Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступлениями против общественной нравственности в сфере половых отношений	50
Замарина Я.Ф., Илюхина Ю.Ю. Правовой статус объединения туроператоров	53
Игнатенко В.В., Карягина А.В. Право на эвтаназию в регламентации международных правовых актов	55
Кассихина Д.С., Карягина А.В. Медицинский работник как субъект преступления	57
Климова А.Н. К вопросу о соотношении принципа свободы договора с иными гражданско-правовыми принципами	60
Кобзарева Д.А., Костина О.В. Процедура медиации сквозь призму речевого взаимодействия адвоката и конфликтующих сторон	62
Колбасин С.И., Волкова О.Б. К вопросу о реализации конституционного принципа равенства в трудовых отношениях	64
Косенко В.О., Новоселов А.В. Преднамеренное банкротство как один из способов рейдерского захвата	67
Косицына О.В., Давыдова Н.Н. Актуальность значения гражданского истца в уголовном судопроизводстве	70
Косицына О.В., Бахарева О.А. Злоупотребление субъективными процессуальными правами при рассмотрении споров в гражданском процессе РФ	74

Криволапов Д.М., Лукьянчикова Е.Ф. Принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве	76
Левченко В.Е. Принцип независимости судей как конституционная гарантия объективности и справедливости разрешения споров в гражданском процессе	79
Локтева А.С., Лукьянчикова Е.Ф. Проблема реализации принципа свободной оценки доказательств	83
Ожигбесова В.М., Капицкий В.Н. Отграничение земельных споров от гражданско-правовых отношений	87
Пелых А.А., Карягина О.В. Значение ораторского искусства в деятельности юриста	90
Пошелов П.В., Пестерева Ю.С. Теоретические и практические проблемы статьи 354.1 УК РФ	92
Саносян Т.Р., Карягина О.В. Судебные ошибки: пути их исправления	95
Скрытченко Д.В., Карягина А.В. Ужесточение ответственности за преступления террористической направленности: необходимость или преждевременная мера?	97
Солдатикова А.А., Ананьева М.К. К вопросу о предпринимательских объединениях	99
Субхангулов Р.Р., Анфилатова А. Выявление и раскрытие преступлений, связанных с криминальным банкротством	101
Шаталова Е.С., Левченко В.Е. Аудио- и видеозаписи как самостоятельные средства доказывания в гражданском процессе	103
Янь Мэйвэй, Залесская О.В. Исторические этапы обучения китайских студентов в России (1949-2009 гг.)	107

СВС НАНОПОРОШКОВ КАРБИДА ТИТАНА С РАСПЛАВОМ ХЛОРИДОВ НАТРИЯ И КАЛИЯ

Для обеспечения синтеза наноразмерного карбида титана, предназначенного для ввода в расплав алюминия, были проведены исследования процесса синтеза карбида титана в присутствии флюса, состоящего из смеси KCl и NaCl. В качестве связующего вещества, являющегося одновременно источником газотранспортного агента, использовалась перхлорвиниловая смола (ПХВС) [1]. Базовая смесь состояла из 70% стехиометрической смеси титана и углерода и 30% стехиометрии титана и ПХВС, общей формулой $79\%Ti + 19\%C + 2\%ПХВС$. Для уменьшения размера зерна, синтезируемого TiC, в базовую смесь вводился флюс в количестве от 0 до 40%.

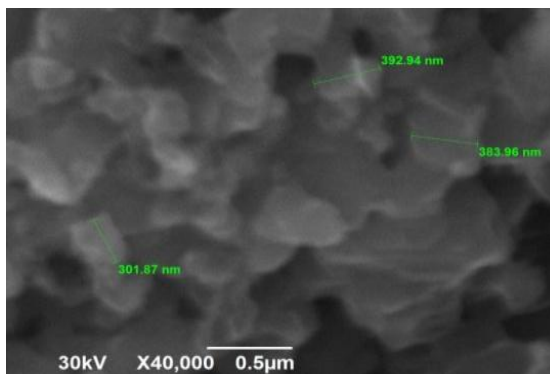
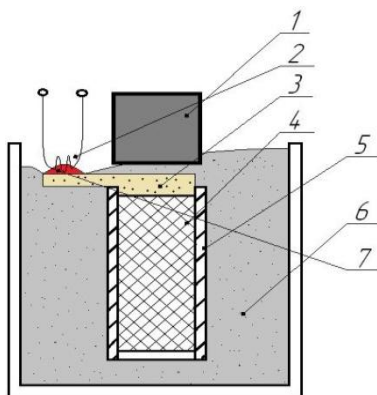

Рисунок 1 – Микроструктура TiC-10% (KCl+NaCl) (x40000).

Соли NaCl и KCl были использованы в качестве инертного разбавителя для проведения СВС в смеси $Ti + C + xNaCl, KCl$, где x составляло от 0,2 до 0,7 моль хлоридов на один атом Ti или C. Размер частиц исходных порошков Ti, C и NaCl не превышал 50, 0,1 и 150 мкм соответственно. Из порошковой смеси прессовались образцы диаметром 30 и высотой 40 мм [2]. Синтез проводился в открытом реакторе СВС шихта весом 30 г, помещались в кварцевую трубку, которая закапывалась и сжигалась в песчаной оболочке для предотвращения контакта продукта синтеза с воздухом и его быстрого охлаждения.

Температура горения при увеличении добавленного NaCl уменьшалась от 2500 до 1950 К. Температура плавления NaCl составляет 1094 К, поэтому при горении происходило плавление NaCl и Ti и их взаимная гомогенизация. Микроскопическое исследование показало, что образующиеся частицы TiC распределены в расплаве NaCl и изолированы друг от друга тонким слоем этого расплава, что предотвращало коагуляцию частиц TiC и их рост.

Цифрами на схеме изображены:

- 1 - удерживающий груз
- 2 - вольфрамовая спираль
- 3 - зажигательная смесь
- 4 - шихта
- 5 - кварцевая трубка
- 6 - песочная засыпка
- 7 - место поджига

Рисунок 2 – Принципиальная схема реактора СВС синтеза открытого типа

После отмывания NaCl водой измеренный размер частиц TiC составил 20 до 300 нм, в среднем около 100 нм. Размер частиц TiC уменьшается с ростом количества NaCl в смеси. В качестве оптимального указано содержание NaClx = 0,4 или около 30% масс.

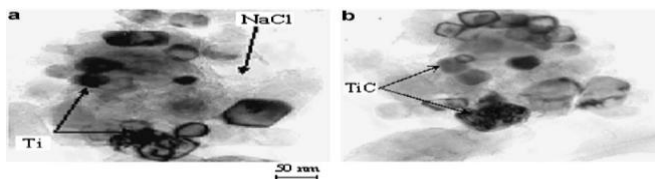

Рисунок 3 – Фотография наночастиц титана (а) и карбида титана (b), синтезированных в расплаве NaCl

Содержание NaCl + KCl, %	Время горения, с	Скорость горения, см/с
0	1,3	3,5
5	2	2,5
10	3,2	1,5
15	5	1
20	7,2	0,6
25	18,2	0,27
30	19,6	0,24
35	2	0,18
40	не горит	–

В таблице 1 представлены полученные экспериментальные данные для состава $Ti + C + (NaCl + KCl)$ с различным содержанием солей при реализации встречного режима фильтрации. В таблице содержатся экспериментальные данные параметров горения для состава $Ti + C + (NaCl + KCl)$. На рисунке 4 представлена зависимость скорости горения от процентного содержания солей в шихте.

Таблица 1 – Экспериментальные данные параметров горения для состава $Ti + C + (NaCl+KCl)$

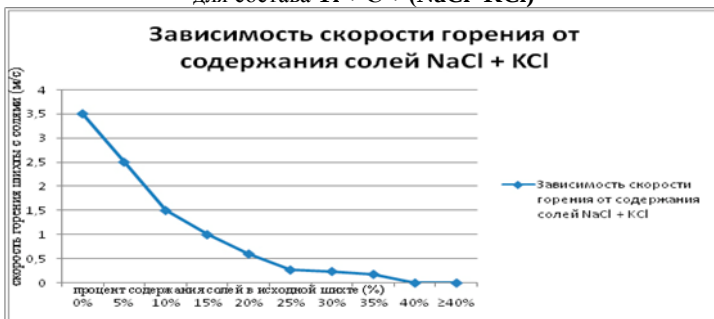

Рисунок 4 – Зависимость скорости горения от процентного содержания солей в шихте

В результате проведенных экспериментов выяснилось, что составы с исходным содержанием в шихте солей более 35% не горят при встречной фильтрации.

На рисунке 5 представлена фотография полученного порошка состава $Ti + C + NaCl + KCl$ (30%).

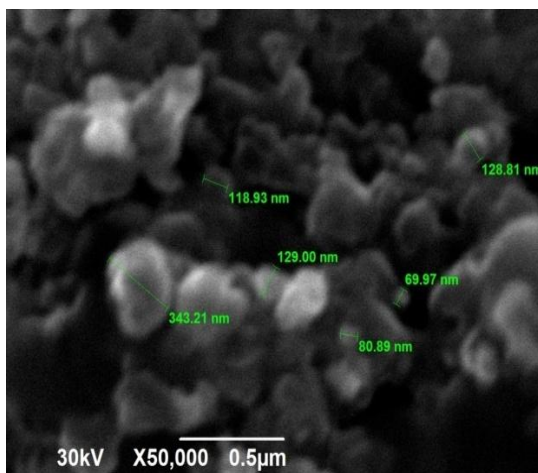

Рисунок 5 – Микрофотография продукта синтеза состава $Ti + C + NaCl + KCl$ (30%) (x50000)

Литература и примечания:

- [1] Амосов А.П., Макаренко А.Г., Сеплярский Б.С., Скобелцов В.П., Закамов Д.В. Технология СВС с фильтрацией газов для получения керамических порошков // Вестник Самар. госуд. техн. ун-та. Сер. Технические науки. № 5. Самара, СамГТУ, 1998. С. 92-103.
- [2] Кипарисов С.С., Левинский Ю.В., Петров А.П. Карбид титана: получение, свойства, применение. М.: Металлургия, 1987. 216с.
- [3] Косолапова Т.Я. Карбиды. М.: Металлургия, 1968. 300 с.

© Д.М. Федоров, Д.А. Назаров, А.Р. Самборук, 2014

***Р.М. Хабибуллин,
О.Л. Старинова
СГАУ,
г. Самара***

РАЗРАБОТКА И ПРОЕКТИРОВАНИЕ МАЛОМАССОГАБАРИТНОГО КОСМИЧЕСКОГО АППАРАТА С СОЛНЕЧНЫМ ПАРУСОМ В СИСТЕМЕ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ PROENGINEER WILDFIRE 5.0

В настоящее время ведущие мировые космические державы проводят активные разработки в области проектирования миссий к планетам Солнечной системы. Перспективным направлением на пути снижения стоимости миссий к планетам видится применение новых физических принципов движения в космосе, одним из которых является создание космических аппаратов с солнечным парусом, использование которого может дать существенную экономию энергетических затрат.

Преимущества применения солнечного паруса:

1. в сочетании с гравитационными маневрами около планет применение солнечного паруса может дать существенную экономию энергетических затрат;
2. возможность применения солнечного паруса в качестве двигательной установки для малых аппаратов;
3. относительно небольшая масса;
4. низкая стоимость миссий [1].

В рамках данной работы был спроектирован маломасштабный космический аппарат (МКА) под названием «ГЕЛИОС» с солнечным парусом, площадь отражающей поверхности которого составляет 200 м².

Космический аппарат «ГЕЛИОС» предназначен:

- для решения образовательных, научно-технических и экспериментальных задач;
- для дистанционного зондирования Земли с целью решения социально-экономических задач;
- для демонстрации научно-технического и промышленного потенциала учебных и производственных организаций Самарской области.
- Космический аппарат «ГЕЛИОС» должен обеспечивать:
- отработку средств измерения геомагнитного поля и компенсации низкочастотных микроускорений на борту МКА, проведение исследований,

связанных со снижением величин микроускорений до минимального уровня;

- исследование высокоскоростных механических частиц естественного и искусственного происхождения;

- детальную и многозональную съемки земной поверхности с оперативной доставкой высокоинформативных изображений по высокоскоростной радиолинии на наземный комплекс приема, обработки и распространения информации (НКПОР-ДК) в интересах социально-экономического развития России и международного сотрудничества;

- прием, хранение и передачу на Землю информации о работе научной аппаратуры;

- продемонстрировать целесообразность и перспективу использования солнечного паруса.

Внешний вид МКА «ГЕЛИОС» представлен на рисунке 1.

Рисунок 1 – Общий вид МКА «ГЕЛИОС» со сложенным солнечным парусом

Солнечный парус представляет собой 4 лепестка треугольной формы, которые составляют квадрат со стороной 14 м. Лепестки крепятся к специальным балкам, которые, в свою очередь, находятся в скрученном виде вокруг барабана механизма разворачивания солнечного паруса. Лепестки сложены в специальном отсеке, который разделен на четыре камеры с максимально гладкими стенками, задача которых – снизить шанс нанесения физического ущерба солнечному парусу. Одним концом лепестки крепятся за центральную часть отсека, другими вершинами – к специальным кольцам, которые расположены на концах балок. Солнечный парус изготавливается из материала под названием Каптон (Kapton). Каптон – пленка из полиимида, разработанная химической компанией DuPont. Хороший диэлектрик, стабилен в широком диапазоне температур от -273 до $+400^{\circ}\text{C}$ [3]. Благодаря тому, что плотность материала паруса составляет 1420 кг/м^3 , а толщина пленки из Каптона всего $5 \cdot 10^{-6} \text{ м}$, масса солнечного паруса площадью в 200 м^2 достигает всего лишь около 2 кг. Используемый материал паруса Каптон является материалом, из которого изготовлен солнечный парус нового поколения Sunjammer, запуск которого планируется в 2015 году.

МКА «ГЕЛИОС» с раскрытым солнечным парусом изображен на рис. 2.

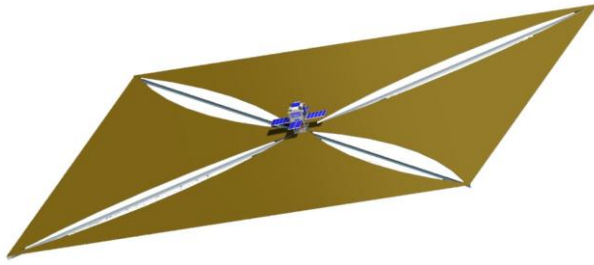

Рисунок 2 – МКА «ГЕЛИОС» с раскрытым солнечным парусом

Данный МКА выводится на орбиту в качестве дополнительной полезной нагрузки. Рабочая орбита характеризуется следующими параметрами: средняя высота орбиты $H_{cp}=700$ км с наклонением $i=64,9^\circ$, минимальная высота орбиты $H_{min}=640$ км. Срок активного существования МКА не менее 3 лет. Масса составляет 83,7 кг. МКА «ГЕЛИОС» совершает ориентированный полет. Конструкция и бортовые системы обеспечивают их функционирование в условиях негерметичного исполнения МКА. Завершение функционирования осуществляется за счет самоторможения МКА «ГЕЛИОС» в плотных слоях атмосферы.

Минимальная высота рабочей орбиты H_{min} была определена следующим образом. На низких околоземных орбитах ошутимое влияние на движение КА оказывает возмущающее воздействие остаточной атмосферы Земли. В первом приближении условием возможности начала движения КА с низкой орбиты будем считать существенное превышение уровня ускорения над максимальным уровнем возмущающего аэродинамического ускорения:

$$\left| \bar{f}^{AT}(H, F_0, \sigma_{KA}) \right| \leq \left| \bar{a}(P, M_0) \right| \text{ или } \tilde{\sigma}_{KA} \cdot \rho \cdot V^2 \leq \frac{P}{M_0} \quad (1)$$

где $\tilde{\sigma}_{KA}$ – среднее значение баллистического коэффициента КА;

$\rho(t)$ – плотность атмосферы;

V – скорость КА относительно атмосферы;

P – сила тяги от солнечного паруса;

M_0 – масса КА на начальной орбите.

Величина возмущающего аэродинамического ускорения в текущий момент времени можно определить по формуле:

$$\left| \bar{f}^{AT} \right| = \sigma_{KA} \cdot \rho \cdot V_{отн}^2, \quad (2)$$

где ρ – плотность атмосферы;

$V_{отн}$ – скорость КА относительно потока атмосферы;

σ_{KA} – баллистический коэффициент КА на начальной орбите, определяется по следующей формуле:

$$\sigma_{KA} = \frac{c_x \cdot S_M}{2 \cdot M_0}, \quad (3)$$

где c_x – коэффициент, характеризующий характер взаимодействия с атмосферой Земли (зависит от свойств поверхности КА, $c_x = 2...2,5$);

S_M – средняя площадь миделя паруса.

Точный расчет значений $\sigma_{КА}$ требует точного знания положения КА и панелей СБ относительно атмосферы Земли и Солнца, а также совместного моделирования траектории движения и углового положения КА и СП в процессе перелета. Для проведения предварительных проектных исследований приблизительно можно принять площадь среднего миделевого сечения КА 25% от площади паруса.

Подставляя (2), (3) в формулу (1), получим условие для определения потребной суммарной тяги двигателей на низкой околоземной орбите в размерности ускорений:

$$\frac{c_x \cdot S_M}{2 \cdot M_0} \cdot \rho \cdot V^2 \leq \frac{P}{M_0} \quad (4)$$

где c_x – коэффициент, характеризующий характер взаимодействия с атмосферой Земли (зависит от свойств поверхности КА, $c_x = 2...2,5$);

S_M – средняя площадь миделя паруса;

M_0 – масса КА на начальной орбите;

$\rho(t)$ – плотность атмосферы;

V – скорость КА относительно атмосферы;

P – сила тяги от солнечного паруса.

По формуле (4) рассчитаны значения потребной тяги $P_{\text{потр}}$ для рассматриваемых проектных вариантов КА и высот орбиты старта от 200 до 700 км. Расчеты проводились для статической модели атмосферы (ГОСТ 4401-81), а также для минимального и максимального уровня плотности атмосферы, рассчитанной по ГОСТ Р 25645.166-2004 (таблица 1).

Таблица 1 – Значения, необходимые для определения минимальной допустимой высоты орбиты выведения

Высота орбиты, км	Орбитальная скорость, м/с	Плотность атмосферы по ГОСТ 4401-81	$P_{\text{потр. sail}}$
200	7788,7	$2,519 \cdot 10^{-10}$	6,11
220	7776,9	$1,359 \cdot 10^{-10}$	3,29
240	7765,1	$7,865 \cdot 10^{-11}$	1,90
260	7753,4	$4,737 \cdot 10^{-11}$	1,14
280	7741,7	$2,971 \cdot 10^{-11}$	$7,12 \cdot 10^{-1}$
300	7730,1	$1,916 \cdot 10^{-11}$	$4,58 \cdot 10^{-1}$
320	7718,5	$1,233 \cdot 10^{-11}$	$2,94 \cdot 10^{-1}$
340	7707,0	$8,037 \cdot 10^{-12}$	$1,91 \cdot 10^{-1}$
360	7695,6	$5,802 \cdot 10^{-12}$	$1,37 \cdot 10^{-1}$
380	7684,2	$4,004 \cdot 10^{-12}$	$9,46 \cdot 10^{-2}$
400	7672,8	$2,794 \cdot 10^{-12}$	$6,58 \cdot 10^{-2}$
420	7661,5	$1,977 \cdot 10^{-12}$	$4,64 \cdot 10^{-2}$
440	7650,2	$1,403 \cdot 10^{-12}$	$3,28 \cdot 10^{-2}$
460	7639,0	$1,006 \cdot 10^{-12}$	$2,35 \cdot 10^{-2}$
480	7627,9	$7,220 \cdot 10^{-13}$	$1,68 \cdot 10^{-2}$
500	7616,8	$5,207 \cdot 10^{-13}$	$1,21 \cdot 10^{-2}$
520	7605,7	$3,787 \cdot 10^{-13}$	$8,76 \cdot 10^{-3}$

540	7594,7	$2,777 \cdot 10^{-13}$	$6,41 \cdot 10^{-3}$
560	7583,7	$2,048 \cdot 10^{-13}$	$4,71 \cdot 10^{-3}$
580	7572,8	$1,52 \cdot 10^{-13}$	$3,49 \cdot 10^{-3}$
600	7561,9	$1,140 \cdot 10^{-13}$	$2,61 \cdot 10^{-3}$
620	7551,1	$8,621 \cdot 10^{-14}$	$1,97 \cdot 10^{-3}$
640	7540,3	$6,554 \cdot 10^{-14}$	$1,49 \cdot 10^{-3}$
660	7529,6	$5,013 \cdot 10^{-14}$	$1,14 \cdot 10^{-3}$
680	7518,9	$3,890 \cdot 10^{-14}$	$8,80 \cdot 10^{-4}$
700	7508,3	$3,068 \cdot 10^{-14}$	$6,92 \cdot 10^{-4}$

Правая часть неравенства (4) может быть представлена в следующем виде:

$$P = S_M \cdot P_3^{omp} = 200 \cdot 0,928 \cdot 10^{-5} = 1,836 \cdot 10^{-3} \text{ М / с}^2 \quad (5)$$

где P_3^{omp} – световое давление единичной отражающей поверхности на орбите Земли.

Исходя из формулы (5) и расчетных значений таблицы 1, минимальная высота рабочей орбиты составляет 640 км.

В системе конечного элементного моделирования FeMap with NX Nastran v.11.1.0 был проведен расчет конструкции солнечного паруса на прочность. Был рассмотрен случай нагружения полотна давлением солнечного света на орбите Земли $9 \cdot 10^{-6} \text{ Н/м}^2$ [2].

На рисунке 3 показана модель космического аппарата с солнечным парусом, смоделированная в системе FeMap with NX Nastran v.11.1.0. Модель представляет собой центральное тело сосредоточенной массы, к которой жестко прикреплены 4 штанги длиной 10 метров каждая. К данным штангам крепятся 4 лепестка-полотна из материала Каптон. Характеристика материалов штанг и полотна СП также представлена в таблице 2.

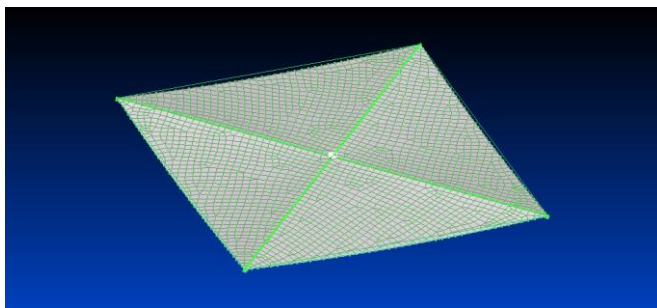

Рисунок 3 – Модель космического аппарата с солнечным парусом, смоделированная в системе FeMap with NX Nastran v.11.1.0

Таблица 2 – Характеристика материалов модели

	Штанга	Солнечный парус
Материал	Углепластик	Каптон
Модуль упругости, МПа	67000	2500
Коэффициент Пуассона	0,33	0,34
Плотность, Т/мм ³	$1,55 \times 10^{-9}$	$1,42 \times 10^{-9}$

На рисунке 4 изображено напряженно-деформированное состояние модели, по которому определяются результаты расчета на прочность. Представлены результаты прочностного расчета для смоделированного случая нагружения световым давлением, равным $9,28 \times 10^{-6}$ Н/м². Участки максимального напряжения на поверхностях паруса располагаются наиболее близко к центральному телу и равны 5737 Па, что не превышает критических значений.

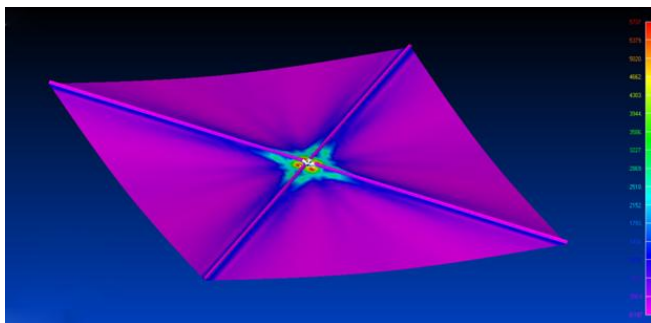

Рисунок 4 – Напряженно-деформированное состояние модели

Литература и примечания:

- [1] Казмерчук П.В. Разработка программно-математического обеспечения оптимизации траекторий КА с солнечным парусом. – Известия РАН, 2007.
- [2] Пересыпкин К.В., Пересыпкин В.П., Иванова Е.А. Моделирование конструкций ракетно-космической техники методом конечных элементов в среде MSC.Nastran. Электронное учебное пособие. – Самара, 2012.
- [3] Материалы сайта: <http://www.space.com/19565-worlds-largest-solar-sail-sunjammer.html>.

© Р.М. Хабибуллин, О.Л. Старина, 2014

А.А. Царёв,
А.Ю. Привалов,
 СГАУ
 г. Самара

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДИФИКАЦИИ МОДЕЛИ MG1 ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ САМОПОДОБНОГО ТРАФИКА В ИМИТАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

В течение последних двух десятилетий, начиная с известных статей, таких как [1], анализ и моделирование самоподобного трафика – очень актуальная тема для теоретических и прикладных исследований. Представленные коллекции теоретических и практических достижений в этой области за последние пару десятилетий можно найти, например, в книге [2]. В настоящее время влияние самоподобного трафика на различные аспекты телекоммуникаций – всё ещё важная тема для исследований (например, [3-6]).

Одними из важных проблем в данной области являются разработка относительно простых в анализе моделей трафика и оценка их способности генерировать трафик, близкий к реальному. Первой целью данной статьи является представление собственной модификации известной модели самоподобного трафика «M/G/ ∞ Input», реализованной в системе моделирования OMNeT.

Модифицированная модель способна воспроизводить несколько характеристик реального трафика WAN сетей одновременно, включая параметр Херста, одномерное распределение вероятностей величин трафика и автокорреляционную функцию (АКФ) величин трафика. Другая цель данной статьи – это сделать параметры модифицированной модели «M/G/ ∞ Input» более интерпретируемыми с практической точки зрения.

Мы хотели бы объяснить разницу между данной работой и хорошо известной статьёй [7], где представлены глубокий теоретический анализ и набор практических результатов о способности модели «M/G/ ∞ Input» воспроизводить самоподобное поведение, автокорреляционную функцию и одномерное распределение реального трафика. В статье [7] информационная скорость всех индивидуальных источников предполагалась одинаковой и равной 1. Поэтому распределение вероятностей трафика, сгенерированного моделью «M/G/ ∞ Input», было Пуассоновским. Для преобразования Пуассоновского распределения к требуемому распределению вероятностей использовалась специальная преобразовывающая функция. По нашему мнению, главный недостаток данного подхода в том, что он сталкивается с трудностями трактовки преобразовывающей функции с практической точки зрения. Введение такой функции является математическим трюком, который решает проблему, но не объясняет её. В нашей работе мы используем другой подход. Мы предполагаем, что каждый индивидуальный источник может иметь свою собственную информационную скорость, а суперпозиция таких неоднородных источников создаёт соответствующее распределение вероятностей результирующего трафика.

Для простоты будем рассматривать процесс с дискретным временем. Пусть ось времени делится на одинаковые временные интервалы, и размер каждого такого окна будет единицей времени. Также пусть количество информации измеряется в ячейках, а размер одной ячейки (в байтах) определяется из соображений точности (в современном анализе сетей обычно нет необходимости в точности до одного байта). Таким образом, трафик и информационная скорость источника измеряется в ячейках в одно временное окно.

В модели «M/G/ ∞ Input» число новых индивидуальных источников, появляющихся в системе в каждом временном окне, является случайным. Числа появляющихся новых источников во всех временных окнах являются независимыми одинаково распределёнными случайными величинами с Пуассоновским законом распределения. Параметр Пуассоновского распределения обозначен как λ .

Хорошо известно, что самоподобие моделируемого трафика определяется распределением вероятностей времени жизни индивидуальных источников – оно должно быть распределением с тяжёлым хвостом. Если время жизни для всех источников является независимыми одинаково распределёнными случайными величинами с обозначенной общей случайной величиной T и её распределение вероятностей удовлетворяет:

$$\lim_{k \rightarrow \infty} \Pr\{T = k\} / k^{-(4-2H)} = \text{const} > 0, \quad (1)$$

тогда параметр Херста смоделированного трафика по «M/G/∞ Input» равен H.

Чтобы сделать АКФ моделируемого трафика похожей на АКФ реального, мы будем использовать следующую функцию распределения вероятностей времени жизни:

$$\Pr\{T = k\} = \begin{cases} y, & k = 1 \\ C(k + x)^{-(4-2H)}, & k = 2, 3, \dots \end{cases} \quad (2)$$

где x и y – параметры для минимизации отклонения, C – нормирующая константа. В случае такой параметризации нормированная АКФ моделируемого трафика имеет вид:

$$r(k) = \frac{(1-y) \sum_{i=k}^{\infty} \sum_{n=i+1}^{\infty} (n+x)^{-(4-2H)}}{\sum_{n=2}^{\infty} (n+x)^{-(4-2H)} + (1-y) \sum_{i=1}^{\infty} \sum_{n=i+1}^{\infty} (n+x)^{-(4-2H)}} \quad (3)$$

Имея несколько значений r_k , $k=1, 2, \dots, K$ АКФ реального трафика, мы можем сделать АКФ (3) более похожей к реальной, производя минимизацию по x и y среднего квадратичного отклонения:

$$D(x, y) = \sum_{k=1}^K (r(k) - r_k)^2. \quad (4)$$

В каждом временном окне в течение всей жизни каждый индивидуальный источник генерирует трафик (некоторое количество ячеек). Сумма потоков от всех активных источников и есть результирующий трафик модели. В базовой модели «M/G/∞ Input» считалось, что все источники имеют одинаковую скорость генерации трафика (информационную скорость). В стационарном состоянии системы величина результирующего трафика Y_t в случайный момент времени t строго пропорциональна числу активных источников N_t в системе в тот же момент и имеет Пуассоновский закон распределения с параметром:

$$L = \lambda E(T), \quad (5)$$

(E – оператор математического ожидания). Поэтому обозначим:

$$p_k = \Pr\{N_t = k\} = \exp(-L) L^k / k!, \quad k = 0, 1, \dots \quad (6)$$

Наша модификация базовой модели – это предположение, что скорости источников являются независимыми одинаково распределёнными случайными величинами с общим обозначением случайной величины S. Если в какой-то момент t в системе N_t активных источников, то обозначим их скорости как S_k , $k=1, 2, \dots, N_t$.

Зная распределения вероятностей $\{\Pr\{Y=k\}\}_{k=0,1,2,\dots}$ величин трафика Y, мы можем найти распределение вероятностей случайной величины S, которое обеспечивает данное распределение трафика Y. Опишем эту процедуру с некоторыми пояснениями. Для начала допустим, что:

$$\Pr\{S = 0\} = 0 \quad (7)$$

Это «условие отсутствия фиктивных источников» обеспечивает ситуацию, что $Y_t=0$ тогда и только тогда, когда $N_t=0$, поэтому:

$$\Pr\{Y = 0\} = p_0 = e^{-L} \quad (8)$$

и

$$L = -\ln(\Pr\{Y = 0\}) \quad (9)$$

Скорость индивидуального источника S (число ячеек в окно) – целочисленная случайная величина, поэтому $Y_i=1$ тогда и только тогда, когда $N_i=1$ и $S_i=1$, поэтому:

$$\Pr\{Y = 1\} = p_1 \Pr\{S = 1\}, \quad (10)$$

откуда мы получаем $\Pr\{S=1\}$. Затем $Y_i=2$ тогда и только тогда, когда $N_i=1$ и $S_i=2$ или $N_i=2$ и $S_1+S_2=2$ (что значит $S_1=S_2=1$), получаем:

$$\Pr\{Y = 2\} = p_1 \Pr\{S = 2\} + p_2 \Pr\{S_1 + S_2 = 2\}, \quad (11)$$

и, зная $\Pr\{S=1\}$, получаем:

$$\Pr\{S = 2\} = \frac{\Pr\{Y = 2\} - p_2 (\Pr\{S = 1\})^2}{p_1}. \quad (12)$$

В общем случае имеем:

$$\Pr\{Y=k\} - \sum_{m=2}^k p_m \Pr\left\{\sum_{n=1}^m S_n=k\right\} \\ \Pr\{S=k\} = \frac{}{p_1} \quad (13)$$

где $\Pr\left\{\sum_{n=1}^m S_n = k\right\}$ может быть найдена как m -кратная свёртка моментов

конечной последовательности $\{\Pr\{S = i\}\}_{i=1,2,\dots,k-1}$, где все эти вероятности известны из предыдущих итераций. На практике расчёт этих свёрток является наиболее трудоёмкой частью итерационной процедуры (7) и имеет экспоненциальную сложность, когда растёт k .

Из (5) мы можем найти:

$$\lambda = L / E(T) \quad (14)$$

В итоге, в нашей модели мы используем интерпретируемые параметры: интенсивность появления новых источников λ , распределение вероятностей времени жизни индивидуального источника и распределение вероятностей информационной скорости индивидуального источника. Соответствующий выбор этих параметров позволяет нам моделировать трафик с заданным распределением вероятностей, нормированной АКФ и параметром Херста.

Представленный программный пакет на базе OMNeT++ доступен по ссылке [10] и называется SelfSimMGI.

Его первое назначение – это анализ трафика. Программа предоставляет возможность сбора статистики о трафике для последующего расчёта статистических характеристик и параметра Херста.

Определённый модуль читает трафик из файла с трассой, генерирует OMNeT пакеты согласно записям в файле и посылает их в исходящий порт (пакет в OMNeT – это специальный вид сообщений, который имеет атрибут размера; посредством этих сообщений информационные пакеты и моделируются в OMNeT).

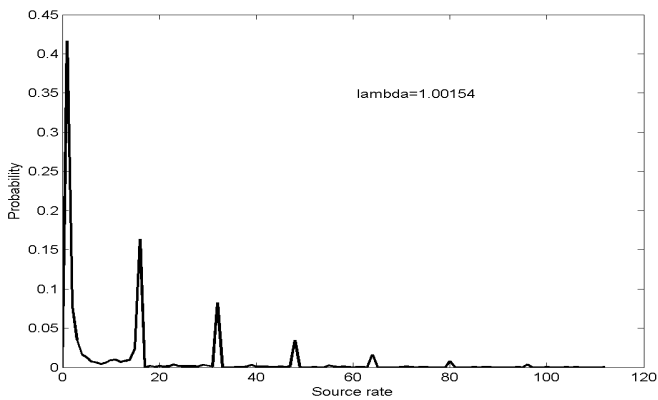

Рисунок 1 – Распределение вероятностей скорости источника для трассы 1

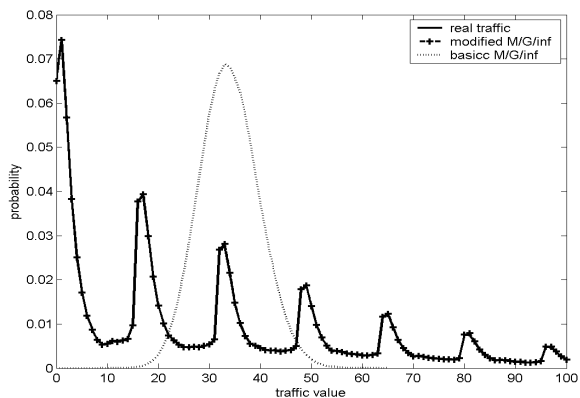

Рисунок 2 – Распределение вероятностей трафика для трассы 1

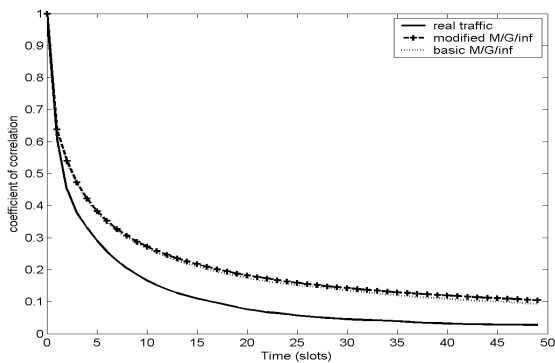

Рисунок 3 – Нормированная АКФ для трассы 1

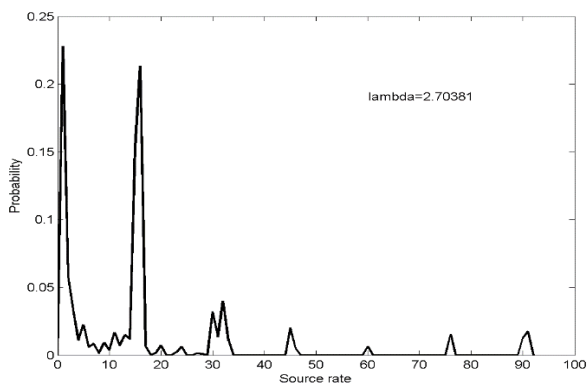

Рисунок 4 – Распределение вероятностей скорости источника для трассы 2

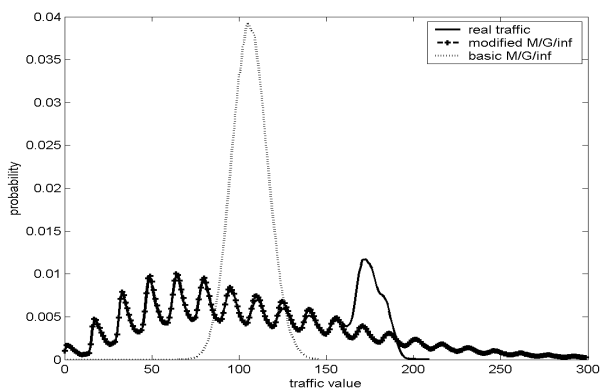

Рисунок 5 – Распределение вероятностей трафика для трассы 2

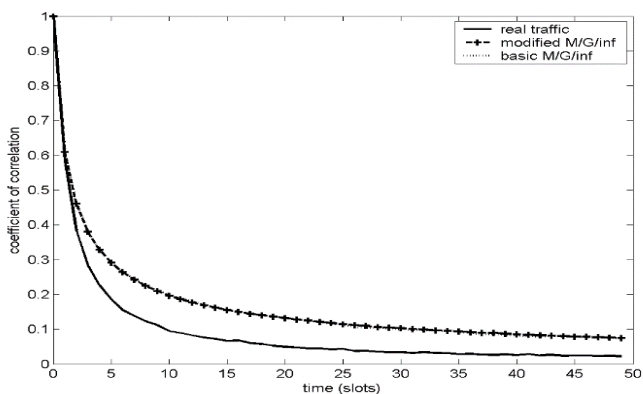

Рисунок 6 – Нормированная АКФ для трассы 2

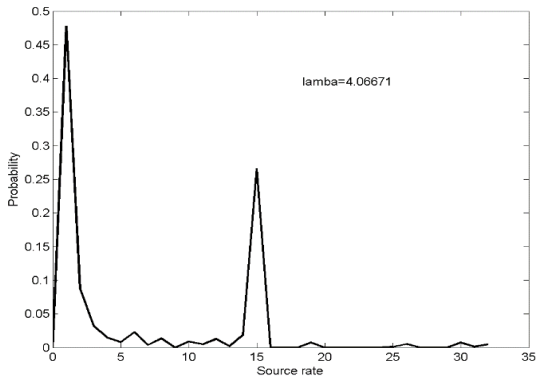

Рисунок 7 – Распределение вероятностей скорости источника для трассы 3

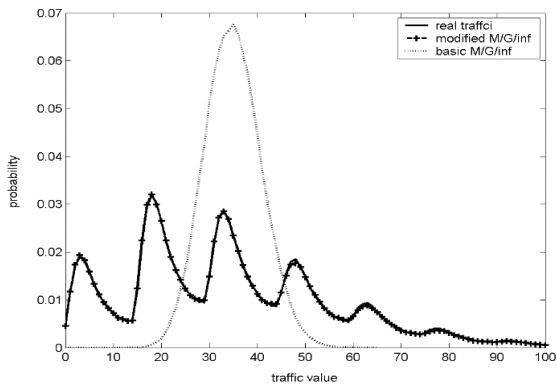

Рисунок 8 – Распределение вероятностей трафика для трассы 3

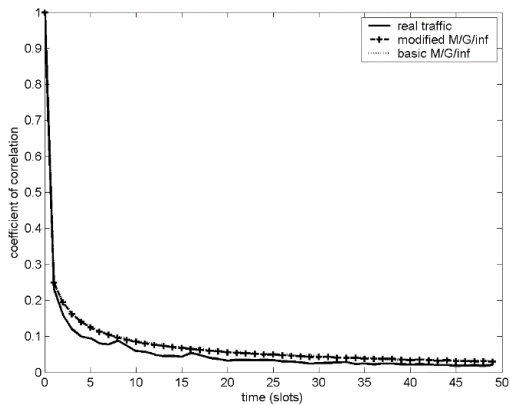

Рисунок 9 – Нормированная АКФ для трассы 3

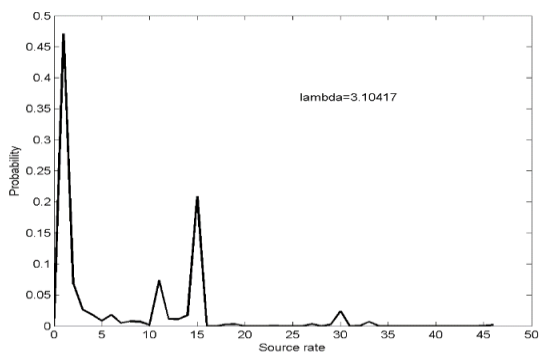

Рисунок 10 – Распределение вероятностей скорости источника для трассы 4

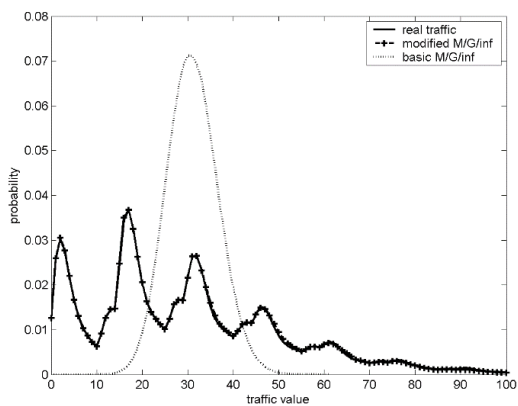

Рисунок 11 – Распределение вероятностей трафика для трассы 4

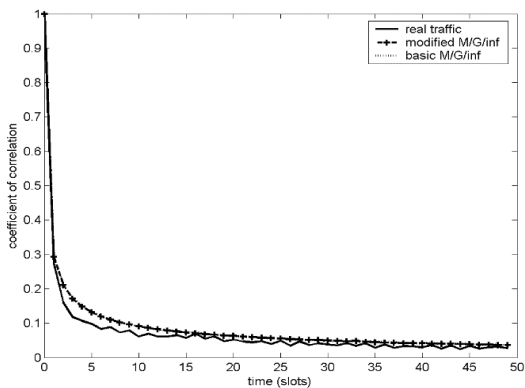

Рисунок 12 – Нормированная АКФ для трассы 4

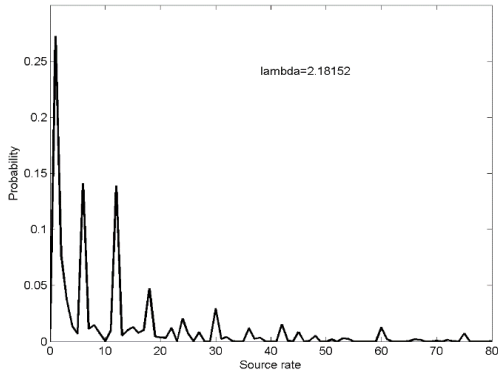

Рисунок 13 – Распределение вероятностей скорости источника для трассы 5

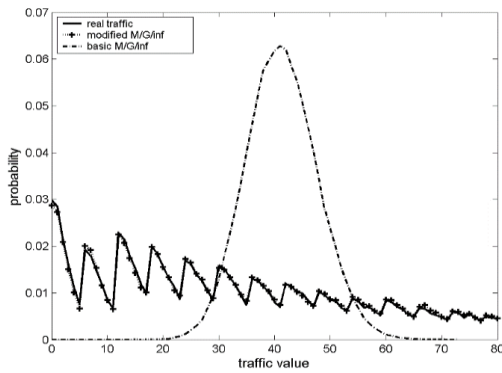

Рисунок 14 – Распределение вероятностей трафика для трассы 5

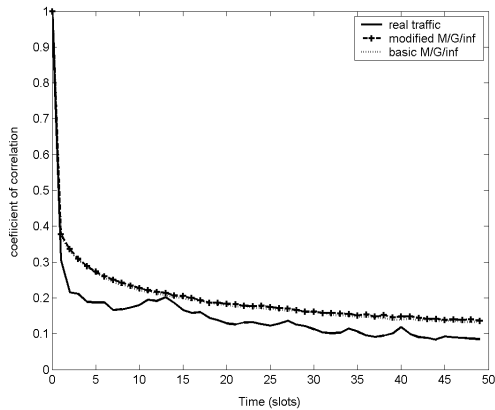

Рисунок 15 – Нормированная АКФ для трассы 5

Другой модуль – сборщик статистики – собирает необходимую статистическую информацию, анализируя проходящие сквозь него OMNeT пакеты, вычисляет распределение вероятностей, нормированную АКФ и параметр Херста проходящего трафика. Результаты записываются в XML-файл.

Второй целью данного пакета является моделирование трафика. В пакете есть модуль – вычислитель параметров – который читает статистическую информацию из вышеупомянутого XML-файла, вычисляет параметры «M/G/ ∞ Input» модели и записывает их в другой XML-файл.

Другой модуль – генератор трафика – читает эти параметры из файла в начале каждого запуска моделирования и генерирует трафик как поток OMNET пакетов в соответствии с надлежащим поведением модели «M/G/ ∞ Input». Для тестирования эффективности генератора в наших экспериментах статистические данные смоделированного трафика также собираются вышеупомянутым сборщиком статистики.

Сделаем некоторые заметки о расчетах внутри вычислителя параметров. Прежде всего, после подстановки требуемого N в (3) среднеквадратичная погрешность (4) ($K=4$ дал наилучшие результаты) минимизируется по переменным x и y , получая таким образом распределение вероятностей жизни источников (2). Затем L из (9) и λ из (14) вычисляются. После этого итерационная процедура выполняется в соответствии со следующим псевдокодом:

```
Pr{S=0}:= 0; sum:= 0; k:= 0;
```

```
do {
```

```
    sum:= sum + Pr{S=k};
```

```
    k:=k+1; расчёт Pr{S=k} согласно выражению (13);
```

```
    if (Pr{S=k}<0) Pr{S=k}:=0;
```

```
} while (sum+Pr{S=k}<1 and k<макс. значение Y);
```

```
Pr{S=k}:=1-sum; sum:=1; k – максимальное значение информационной скорости.
```

Мы представляем результаты экспериментов на основе 4 трасс из коллекции CAIDA [8] и одной трассы из коллекции Internet Traffic Archive [9]. Трассы 1 и 2 – односторонние, записанные монитором equinix-chicago от CAIDA в двух противоположных направлениях: А и В. Обе трассы записаны 19 декабря 2013 года, в 13:00. Трассы 3 и 4 – тоже односторонние, записанные монитором equinix-sanjose от CAIDA в двух направлениях: А и В. Трасса 3 (направление А) записана 20 ноября 2008 года в 13:00. Трасса 4 (направление В) записана 18 декабря 2008 года в 13:00. Обработка этих трасс была сделана с использованием временного окна, равного 15 микросекундам, и размером ячейки, равным 100 байтам.

Трасса 5 (dec-pkt-2) взята из коллекции Internet Traffic Archive [9]. Эта трасса была записана 9 марта 1995 года в 2:00 и содержит часовую запись трафика между Digital Equipment Corporation и остальным миром. Обработка этих трасс была сделана с использованием временного окна, равного 15 миллисекундам, и размером ячейки, равным 100 байтам.

Поясним, как на практике следует выбирать основные параметры нашей модели – размеры ячейки и временного окна.

Размер ячейки определяется из требуемой точности представленного трафика. Во всех представленных здесь экспериментах размер ячейки одинаков и равен 100 байтам. Размер временного окна определяется из соображений вычисления параметров модели за разумное время. Наиболее трудоемкая

операция – это вычисление свёрток в (13). Когда максимальная скорость источника становится около тысячи (ячеек в окно), то время расчета получается неприемлемо долгим. Поэтому для современных трасс из коллекции CAIDA мы взяли временное окно в 15 микросекунд, а для старой трассы из коллекции Internet Traffic Archive мы использовали временное окно в 15 миллисекунд.

Для каждой рассматриваемой трассы мы представляем распределение вероятностей скорости источника и интенсивность появления новых источников λ , распределение вероятностей величины трафика и нормированную АКФ реального и смоделированного трафиков. Для сравнения также приведены распределение вероятностей и нормированная АКФ трафика, смоделированного по базовой модели «M/G/ ∞ Input» (где скорости всех источников равны 1).

Интересно, что все распределения вероятностей скорости источника являются мультимодальными, и это обеспечивает очень хорошую аппроксимацию распределения вероятностей реального трафика, которое также мультимодальное. На рисунке 5 отмечен интересный артефакт в распределении вероятностей реальной трассы вблизи значения 150-200 (ячеек на слот). Принимая во внимание, что вблизи отметки 200 ячеек в окно на оси x (рисунок 5) величина реального трафика составляет около 10 Гбит/с, то очевидно, что линия связи в этот момент была загружена почти на 100%, и система управления потоком начала ограничивать трафик (см. [8] для описания сетевого оборудования). Наша модель пока не обрабатывает такую ситуацию.

Таблица 1 – Значение параметра Херста

Трасса	Параметр Херста		
	Реальная трасса	Модифи-кация M/G/ ∞	Базовая M/G/ ∞
Трасса 1	0.66	0.75	0.74
Трасса 2	0.71	0.73	0.70
Трасса 3	0.70	0.71	0.72
Трасса 4	0.75	0.73	0.74
Трасса 5	0.89	0.84	0.84

Как мы видим, мультимодальное поведение распределения вероятностей трафика часто происходит в трафике WAN сетей в течение последних двух десятилетий, однако интенсивность трафика выросла значительно за этот период времени.

Значения параметров Херста для всех трасс представлены в таблице 1. Как мы видим, самоподобность и корреляция достаточно хорошо воспроизводятся нашей моделью «M/G/ ∞ Input».

Была представлена совокупность экспериментальных результатов, полученных с помощью программного пакета SelfSimMGI на базе OMNeT для анализа трафика WAN сетей и моделирования. В модели получились хорошо интерпретируемые параметры. Обработка реальных трасс этой программой показывает интересный феномен мультимодального «пилообразного» вида у распределения вероятностей современного трафика WAN сетей. Причина такого поведения до сих пор неясна и требует более глубокого исследования и понимания.

Литература и примечания:

[1] W. Leland, M. Taqqu, W. Willinger and D. Wilson. On the self-similar

nature of Ethernet traffic (extended version) // IEEE/ACM Trans. On Networking. Vol. 2. No.1. February 1994. – P. 1-15.

[2] K. Park, W. Willinger and Ed. Wiley. Self-similar Network Traffic and Performance Evaluation // John Wiley & Sons Inc. New-York, 2000. – 556 p.

[3] Xiaolong Jin and Geyong Min. A heuristic flow-decomposition approach for generalized processor sharing under self-similar traffic // J. Comput. Syst. Sci. Vol. 74. No. 6. September 2008. – P.1055-1066.

[4] Candelaria Sansores Perez, Luis Rizo Dominguez and Julio Cesar Ramirez Pacheco. A simulation scenario for performance studies under self-similar traffic // In Proceedings of the 8th WSEAS international conference on Data networks, communications, computers (DNCOCO'09). USA, Wisconsin, Stevens Point, 2009. – P. 185-189.

[5] Anatoly M. Galkin, Olga A. Simonina and Gennady G. Yanovsky. Multiservice IP network QoS parameters estimation in presence of self-similar traffic // In Proceedings of the 6th international conference on Next Generation Teletraffic and Wired/Wireless Advanced Networking (NEW2AN'06). Berlin, Heidelberg Springer-Verlag, 2006. – P. 235-245.

[6] G. Horn, A. Kvalbein, J. Blomskold and E. Nilsen. An empirical comparison of generators for self similar simulated traffic // Perform. Eval. Vol. 64. No. 2. February 2007. – P. 162-190.

[7] M.M. Krunz and A.M. Makowski. Modeling video traffic using $M/G/\infty$ input processes: a compromise between Markovian and LRD models // IEEE J.Sel. A. Commun. Vol. 16. No. 5. September 2006. – P.733-748.

[8] The Cooperative Association for Internet Data Analysis (CAIDA). URL: <http://www.caida.org>.

[9] The Internet Traffic Archive sponsored by ACM SIGCOMM. URL: <http://ita.ee.lbl.gov>.

[10] Model catalog on OMNET++ – сайт организации. URL: <http://omnetpp.org/index.php/models/catalog>.

© А.А. Царёв, А.Ю. Привалов, 2014

А.Ю. Шорников,
О.Л. Старинова
СГАУ (НИУ),
г. Самара

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПАССИВНОГО ДВИЖЕНИЯ КОСМИЧЕСКОГО АППАРАТА С ЭЛЕКТРОРЕАКТИВНОЙ ДВИГАТЕЛЬНОЙ УСТАНОВКОЙ ВБЛИЗИ ТЕЛА С ГРАВИТАЦИОННЫМ ПОЛЕМ СЛОЖНОЙ КОНФИГУРАЦИИ

Задача моделирования управляемого движения космического аппарата (КА) с электрореактивной двигательной установкой (ЭРД) вблизи тела с несферическим гравитационным полем является актуальной, так как существует потребность в проведении исследований ряда астероидов и комет, таких как астероиды: Апофиз, Бенну, Ганимед, комета Чурюмова-Герасименко и пр. Исследования подобного рода позволят ответить на вопросы о формировании

Солнечной системы и вопросы появления жизни на Земле.

Задача состоит в моделировании пассивной траектории движения КА с ЭРД вблизи тела с несферическим гравитационным полем. Проблема состоит в сложности моделирования несферических гравитационных полей, так как классические методы в данном случае не удовлетворяют заданной точности. Поэтому в данной статье предлагается использовать модель задачи n-тел для моделирования гравитационного поля сложной конфигурации.

В силу принципа аддитивности гравитационных сил в нерелятивистской небесной механике понятие гравитационного потенциала распространяется на дискретные точечные распределения тяготеющих масс. Элементарное для малого числа точечных масс определение потенциала трансформируется в серьезную математическую задачу для сложно организованных протяженных тел, примером которых могут служить планеты. Теорию гравитационного потенциала, история которой восходит к работам Ньютона, Клеро, Лапласа и Лежандра, следует рассматривать как один из наиболее разработанных и мощных разделов математической физики, тесно связанный с соответствующими разделами математического анализа, теории поля, функционального анализа и теории специальных функций.

Таким образом, существует ряд методов, позволяющих математически описывать гравитационные поля сложной конфигурации с разной степенью точности. В данной работе для описания гравитационного поля астероида предлагается использовать два подхода к формированию математической модели несферического гравитационного поля:

- моделирование потенциала астероида в сферических функциях, используемое для описания гравитационных полей планет;
- модель гравитационного поля, образованная суперпозицией гравитационных полей двух условных тел различной массы, вращающихся относительно общего барицентра:

$$U(x, y, z) = -G \left(\sum_{i=1}^n \frac{m_i}{\sqrt{(x - x_i)^2 + (y - y_i)^2 + (z - z_i)^2}} \right) \quad (1)$$

где m_i – массы притягивающих центров,

x_i, y_i, z_i – соответствующие координаты притягивающих центров,

G – гравитационная постоянная.

В качестве объекта анализа выберем астероид Эрос (433), физические характеристики которого представлены в таблице 1 [1].

Таблица 1– Физические характеристики астероида Эрос

Геометрические размеры, км	34,4x11,2x11,2
Средний диаметр, км	16,8
Масса, кг	$\approx 6,69 \cdot 10^{15}$
Период вращения, ч	5,27

Количество притягивающих центров определяется исходя из формы и размеров объекта. Расстояние между условными притягивающими центрами определяется исходя из периода вращения астероида [3]:

$$d = \sqrt[3]{\frac{G(m_1 + m_2)}{\omega^2}} \quad (2)$$

Таким образом, модель астероида в задаче представляет собой гравитационное поле двух условных притягивающих центров с массами: $4,356 \cdot 10^{15}$ кг, $2,334 \cdot 10^{15}$ кг, вращающихся вокруг барицентра с угловой скоростью $5,6 \cdot 10^{-4}$ рад/сек. Точные значения масс были выбраны исходя из геометрических размеров астероида.

На рисунке 1 представлен астероид EROS [1] и линии уровня гравитационного потенциала, полученные в результате использования предлагаемой модели.

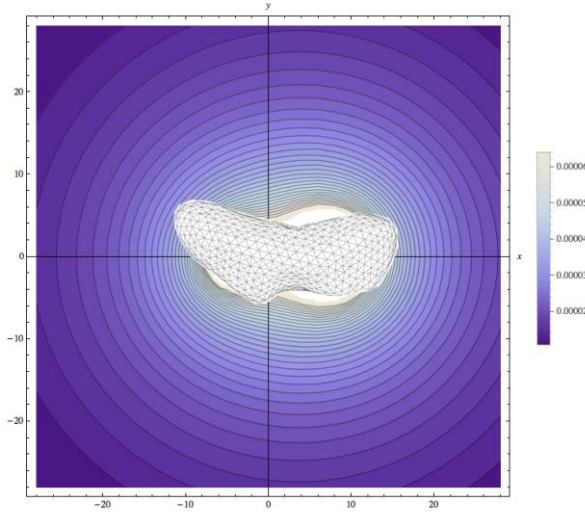

Рисунок 1 – Линии уровня гравитационного потенциала астероида EROS

Для того, чтобы объективно исследовать точность предлагаемой математической модели, сравним ее с моделью гравитационного потенциала в сферических функциях, которая представлена в работе [2]. Определим выражение для гравитационного потенциала в сферических функциях:

$$U_{r,\lambda,\varphi} = \frac{\mu}{r} \left[1 + \sum_{n=1}^N \sum_{m=0}^n \left(\frac{a}{r} \right)^n P_n^m(\sin \varphi) \{C_{nm} \cos m\lambda + S_{nm} \sin m\lambda\} \right] \quad (3)$$

где r, λ, φ – сферические координаты точек;

$\mu = GM$ – гравитационный параметр;

a – средний радиус тела;

P_n^m – присоединенные функции Лежандра;

C_{nm}, S_{nm} – сферические гармонические коэффициенты (определяются распределением масс астероида).

Проведем сравнительный анализ математических моделей гравитационного потенциала, полученных методом сферических функций и предлагаемым барицентрическим методом. Ограничимся четвертым порядком точности для зональных сферических функций и гармонических коэффициентов. На рисунке 2 представлены кривые гравитационного потенциала, полученного в рамках предлагаемой модели, и модели потенциала, полученного при его разложении по сферическим функциям при различных значениях аргументов.

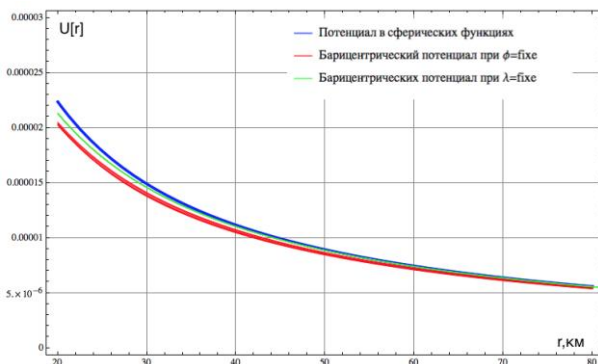

Рисунок 2 – Значения гравитационного потенциала при увеличении расстояния от барицентра до заданной точки для двух моделей потенциала

Таким образом, исходя из результатов, полученных в ходе сравнительного анализа, можно сделать вывод о том, что предлагаемая барицентрическая модель может быть использована при моделировании перелетов и маневров вблизи тел с гравитационным полем несферической формы с достаточно высокой степенью точности. С увеличением расстояния модель все точнее отражает реальное положение вещей. Однако использование модели в каждом конкретном случае требует проведения дополнительных исследований с целью выявить предельные отклонения от реальной картины гравитационного потенциала.

Моделирование движения КА с ЭРД проводилось в плоской декартовой системе координат с учетом следующих допущений: КА не оказывает влияние на движение притягивающих центров; поле тяготения определяется по формуле (1); влияние Солнца не учитывается; КА рассматривается как материальная точка.

Определим уравнения пассивного движения КА в декартовой пространственной барицентрической системе координат [3]:

$$\frac{dV_x}{dt} = -G \left(\sum_{i=1}^2 \frac{m_i (x - x_i)}{\sqrt{(x - x_i)^2 + (y - y_i)^2 + (z - z_i)^2}} \right) \quad (4)$$

$$\frac{dV_y}{dt} = -G \left(\sum_{i=1}^2 \frac{m_i (y - y_i)}{\sqrt{(x - x_i)^2 + (y - y_i)^2 + (z - z_i)^2}} \right) \quad (5)$$

$$\frac{dV_z}{dt} = -G \left(\sum_{i=1}^2 \frac{m_i (z - z_i)}{\sqrt{(x - x_i)^2 + (y - y_i)^2 + (z - z_i)^2}} \right) \quad (6)$$

$$\frac{dx}{dt} = V_x \quad (7)$$

$$\frac{dy}{dt} = V_y \quad (8)$$

$$\frac{dz}{dt} = V_z \quad (9)$$

где x, y, z – координаты КА;

V_x, V_y, V_z – соответствующие проекции скоростей КА на оси барицентрической системы координат.

Для моделирования пассивного движения КА с ЭРД, движущегося с круговой скоростью вокруг астероида, был создан программный комплекс в среде разработки Embarcadero RAD Studio X5.

На рисунке 3 представлена траектория движения КА в плоскости (КА в начальный момент времени находился на расстоянии 40 км от поверхности астероида). На рисунке 4 представлена пассивная траектория движения КА в пространстве.

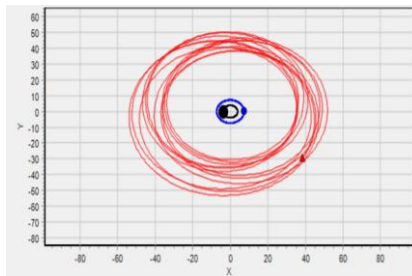

Рисунок 3 – Траектория пассивного движения КА в плоскости

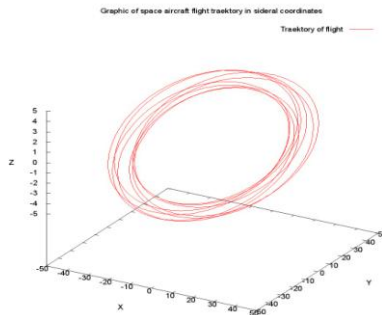

Рисунок 4 – Траектория пассивного движения КА в пространстве

На рисунках 3 и 4 отчетливо видна неустойчивость пассивного движения, вызванная сложной формой гравитационного потенциала.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что полученная модель гравитационного потенциала позволяет производить моделирование движения КА с ЭРД вблизи тел с ярко выраженной несферичностью с достаточно высокой степенью точности, что позволит избежать больших вычислительных затрат, связанных с расчетом несферического потенциала другими методами.

Литература и примечания:

[1] База данных астероидов: [Электронный ресурс]. Сайт. URL: <http://space.frieger.com/asteroids/>

[2] Zhang Zhenjiang, Yu Meng, Cui Hutaо, Cui Pingyuan. The Method to Determine Spherical Harmonic Model of Asteroid based on Polyhedron / Deep Space Exploration Research Center, Harbin Institute of Technology, China, 2010. С. 5.

[3] Себехей В. Теория орбит: ограниченная задача трех тел. Пер. с англ. Под ред. Дубошина Г.Н. М.: Наука, 1982. С. 22.

© А.Ю.Шорников, О.Л. Стапинова, 2014

В.М. Юркин
СыктГУ,
г. Сыктывкар

ТЕРМОДЕСОРБЦИОННЫЕ СПЕКТРЫ КИСЛОРОДА, АДСОРБИРОВАННОГО НА ФОТОИНДУЦИРОВАННЫХ ДЫРОЧНЫХ ЦЕНТРАХ

Наряду с необратимой адсорбцией O_2 на фотоиндуцированных электронных центрах на некоторых окислах при комнатной температуре наблюдается обратимая фото- и постсорбция O_2 на дырочных центрах. Понижая температуру образца, можно добиться того, чтобы все дырочные центры оказались занятыми молекулами O_2 .

В связи с этим была поставлена задача оценить прочность связи молекулы O_2 с принадлежащим твердому телу ионом O^+ . Задача решалась методом термодесорбционных спектров (ТД-спектров) [1], который применительно к нашему случаю состоит в следующем:

1. Порошкообразный адсорбент, находящийся в замкнутом реакторе, облучается светом ртутной лампы в присутствии O_2 при комнатной температуре. В результате облучения генерируются электронные и дырочные центры адсорбции. Электронные центры, а в некоторых случаях [2] – и часть дырочных центров, занимаются кислородом. Энергия связи O_2 с электронными центрами велика, и при комнатной температуре этот вид адсорбции необратим.

2. Образец в присутствии O_2 охлаждается до 77 К. При этом происходит адсорбция кислорода на дырочных центрах и, естественно, обычная физическая его адсорбция.

3. Реактор соединяется с насосом масс-спектрометра, и образец при непрерывной откачке медленно нагревается до комнатной температуры. Одновременно регистрируется ТД-спектр, по положению пиков в котором

рассчитывается теплота адсорбции.

Температура кюветы с образцом при нагревании изменяется со временем по линейному закону:

$$T = T_0 + bt,$$

где $T_0 = 77$ К, $b = 0,158$ К/с.

Для того, чтобы отделить пики в ТД-спектре, принадлежащие физически адсорбированному кислороду (ф.а.к.), от пиков кислорода, десорбирующегося с дырочных центров, были получены и исследованы ТД-спектры ф.а.к. Эти спектры получались на образцах, не подвергавшихся облучению. Вид ТД-спектров ф.а.к. на исследованных адсорбентах показан на рис. 1 и 2 пунктирными линиями.

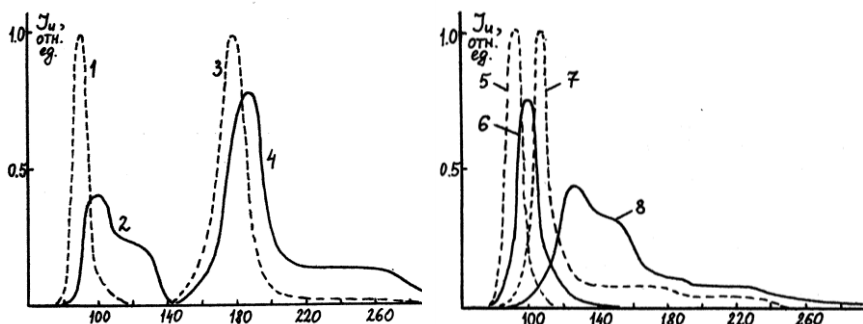

Рисунок 1 – ТД-спектры O_2 на окислах цинка (1, 2), алюминия (3, 4), бериллия (5, 6) и галлия (7, 8)

Отметим, что на окиси магния заметная физическая адсорбция O_2 начинается при охлаждении только при температурах, близких к 77 К. В процессе откачки при 77 К ф.а.к. десорбируется еще до начала линейного нагрева, поэтому никаких пиков, принадлежащих ф.а.к., при $77 \text{ К} \leq T \leq 300 \text{ К}$ зарегистрировано на окиси магния не было. Для регистрации пика ф.а.к. на MgO требуются, очевидно, еще более низкие температуры.

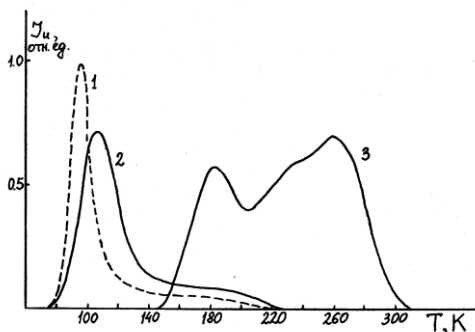

Рисунок 2 – ТД-спектры O_2 на окислах германия (1, 2) и магния (3)

Исследования зависимости вида ТД-спектра ф.а.к. от степени заполнения поверхности кислородом, впущенным в реактор при комнатной температуре, показали, что поверхность исследованных адсорбентов неоднородна: для примера на рис. 3 показано изменение ТД-спектра ф.а.к. на окиси галлия при увеличении покрытия Θ поверхности. Температура T_m (рис. 3) характеризует, очевидно, теплоту физической адсорбции O_2 на центрах регулярной поверхности образца: при дальнейшем увеличении покрытия в пределах наших экспериментов ($\Theta < 10^{-3}$) температура максимума пика T_m не изменялась.

ТД-спектры O_2 , полученные после облучения образцов в кислороде при комнатной температуре, приведены на рис. 1 и 2 сплошными линиями. Для каждого из адсорбентов сплошные и пунктирные кривые, приведенные на рис. 1 и 2, получены при одинаковых начальных количествах кислорода.

Принадлежность ТД-спектров, изображенных сплошными линиями, кислороду, адсорбированному на фотоиндуцированных дырочных центрах, доказывается тем, что если между операциями 1 и 2 в реактор впустить и тут же откачать метан или водород (тем самым уничтожаются дырочные центры и, следовательно, сама возможность адсорбции O_2 на этих центрах), то мы получали ТД-спектры O_2 , полностью совпадающие с ТД-спектрами ф.а.к. (пунктирные кривые).

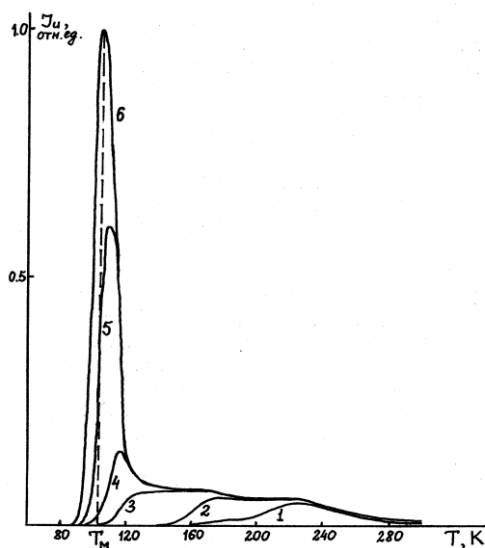

Рисунок 3 – Зависимость вида ТД-спектра ф.а.к. на окиси галлия от количества кислорода, впущенного в реактор при 293 К: 7% (1), 14% (2), 32% (3), 39% (4), 72% (5) и 100% (6)

На тщательно очищенных образцах цикл «охлаждение – нагрев» можно было проводить многократно, причем каждый раз получать одни и те же спектры O_2 , изображенные сплошными линиями, без повторного освещения адсорбента.

Сравнение сплошных и пунктирных кривых на рис. 1 и 2 показывает, что

на всех исследованных окислах, кроме MgO , пики ТД-спектра O_2 , адсорбированного на дырочных центрах, только частично разрешены от пиков, соответствующих ф.а.к.

Можно отметить также, что ТД-спектры O_2 , адсорбированного на дырочных центрах на всех окислах, кроме, может быть, BeO , достаточно сложны и состоят из нескольких неразрешенных пиков. Это служит, очевидно, прямым указанием на неоднородность генерируемых светом дырочных центров. Здесь уместно отметить, что высокотемпературные ТД-спектры кислорода, фотосорбированного при комнатной температуре на электронных центрах, также, как правило, сложны и содержат несколько плохо разрешенных пиков [3, 4]. Однако сложность этих ТД-спектров пока трудно поддается расшифровке, т.к. обычно неизвестно, проявляется ли в них энергия активации десорбции кислорода или энергия активации гибели центров, поскольку десорбция здесь необратима. Кроме того, сложность ТД-спектра необратимо фотосорбированного O_2 может быть обусловлена как неоднородностью электронных центров, так и тем, что фотосорбированный на электронных центрах кислород может находиться на поверхности в различных зарядовых состояниях. Вывод же о неоднородности дырочных центров, сделанный на основании сложного характера ТД-спектров O_2 , адсорбированного на этих центрах, является, по-видимому, однозначным.

ЭПР-измерения выявили наличие кислорода, адсорбированного на фотоиндуцированных дырочных центрах, только на пяти окислах [5], именно на тех, на которых возможно наблюдение сигнала от дырочных O_s^- . Результаты наших экспериментов, выполненных методом низкотемпературной термодесорбции, показывают, что и на других окислах (в частности, на GeO_2), на которых никаких сигналов ЭПР, коррелирующих с фотосорбцией O_2 , не наблюдается, возможно образование комплексов O_2 с фотоиндуцированными дырочными центрами O^+ .

Литература и примечания:

- [1] Эрлих Г. Современные методы в кинетике гетерогенных процессов. Флэш-десорбция, эмиссионная микроскопия и техника ультравысокого вакуума. – В кн.: Катализ. Физико-химия гетерогенного катализа. М.: Мир, 1967. С. 103.
- [2] Прудников И.М., Юркин В.М. Взаимовлияние постсорбции кислорода и некоторых донорных газов на окислах. – Тез. докл. III Всесоюзного совещания по воздействию ионизирующего излучения и света на гетерогенные системы. Кемерово, 1982. С. 90-91.
- [3] Котельников В.А. Сравнительное исследование фотосорбции O_2 и H_2 на окислах Be , Mg , Al , Zn и Ga методом термодесорбции. – Тез. докл. III Всесоюзного совещания по воздействию ионизирующего излучения и света на гетерогенные системы. Кемерово, 1982. С. 77-78.
- [4] Кузнецов В.Н., Лисаченко А.А. Фотосорбционные и фотокаталитические свойства окиси бериллия. – В кн.: Успехи фотоники. Л.: ЛГУ, 1980. Вып. 7. С. 48-85.
- [5] Прудников И.М. Сравнительное исследование фотосорбционных процессов и фотоиндуцированных сигналов ЭПР на окислах. Дис. на соискание уч. степ. канд. ф.-м. наук. Л.: ЛГУ, 1972. 167 с.

**ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РФ
В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ
ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ**

Одной из особенностей российского гражданского судопроизводства является фактическое использование судебной практики (судебного прецедента) в качестве источника права при разрешении гражданских дел.

В качестве источника права судебный прецедент рассматривается в странах общего (англосаксонского) права [1]. В континентальной правовой семье источником права является нормативный акт [2]. Однако в последнее время наблюдаются иные тенденции. В странах континентального права повышается значение судебного прецедента [3], а в англосаксонской правовой семье неуклонно возрастает роль закона, в особенности кодифицированного акта [4].

В англосаксонской правовой системе под судебным прецедентом понимается судебное постановление, обязательное для применения судами при рассмотрении аналогичных дел. Решения по будущим судебным делам должны выноситься по аналогии с решениями по предыдущим делам. Если фактические обстоятельства двух дел совпадают, то суд обязан вынести решение по аналогии с уже принятым постановлением. Если же суды в разное время и в разных местах вынесли разные решения по одинаковым делам, то суд, вынося новое решение, должен следовать предыдущему решению суда высшей инстанции [5]. В США суд не обязан следовать решению, ранее принятому судом другого штата. Данное решение будет носить для суда рекомендательный характер. Толкование федеральным судом правовых норм штата также носит только рекомендательный характер для судов данного штата.

Обязательным для дальнейшего применения является не каждое судебное решение, а только так называемое резолютивное обобщение. Оно должно быть небольшим по объему и понятным для всех, кто незнаком с обстоятельствами дела. По одному делу может быть несколько резолютивных обобщений. Мотивировочная часть не имеет прецедентной силы. По общему правилу прецедентную силу имеют только те решения, которые были опубликованы. Решение о публикации принимает судья, рассматривавший дело.

В англосаксонской правовой семье существует два типа прецедентов: судебные решения, созданные на основе общего права, и акты, созданные на основе статутного права. Они отличаются по силе действия. Если судебные решения, принятые на основе общего права, занимают самую нижнюю ступень в иерархии источников права, то судебные акты, принятые на основе статутного права, находятся на том же уровне иерархии источников права, что и толкуемая норма права [6].

Значение судебного прецедента в настоящее время велико не только в странах общего права. Его роль возрастает во многих странах. Так, в Германии многие процессуалисты рассматривают судебный прецедент в качестве отдельного источника права [7]. Во французской доктрине распространено

мнение, что судебная власть наделена функцией законотворчества. В Турции постановления высших судебных инстанций являются источником права, если они касаются отношений, не урегулированных законодательством. В Украине высказаны предложения о придании силы судебного прецедента решениям. Таким образом, в настоящее время судебный прецедент играет важную роль во всех правовых системах. В странах общего права он по-прежнему является источником права, а в континентальной системе его значение постоянно возрастает. Исторически использование судебного прецедента в качестве источника права зародилось именно в странах общего права, а затем его роль стала неуклонно возрастать также в континентальной Европе. Поэтому широкое использование судебного прецедента в правоприменительной деятельности следует рассматривать в качестве англосаксонской черты той или иной правовой системы.

В России споры о том, являются ли судебные акты источником права, берут начало с XIX в. Не вдаваясь в подробности имевшей место до и после революции 1917 г. дискуссии, отметим, что решения дореволюционного Сената, а тем более разъяснения Верховного Суда СССР, РСФСР на практике часто использовались в качестве источника права [8].

В настоящее время в нашей стране нет ни одной нормы, которая бы разрешала или запрещала рассматривать судебный прецедент в качестве источника права. В этой связи существует две точки зрения. Одни авторы считают, что судебный прецедент – это источник российского права [15]. Например, С.К. Загайнова полагает: в связи с тем, что решения Европейского суда по правам человека, решения Конституционного Суда РФ и судебные акты Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда РФ имеют неперсонифицированный характер, распространяются на неограниченный круг субъектов, они имеют прецедентное значение для российской судебной практики. Другие придерживаются противоположной позиции. Д.А. Туманов полагает, что содержащиеся в актах высших судебных органов директивы и указания часто представляют собой не что иное, как «нормы о нормах», или же определяют варианты решения того или иного правоприменительного вопроса, что порождает прецедент правоприменения [9].

В Российской Федерации действуют следующие виды судебных актов, которые имеют признаки судебного прецедента:

- решения Европейского суда по правам человека;
- постановления Конституционного Суда;
- постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов;
- судебные решения.

Правовой статус данных судебных актов различается, и решать вопрос о том, являются ли они источниками права, следует по-разному.

Согласно Закону от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» [10], Россия признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека. Принимаемые этим Судом решения являются обязательными, если Россия является стороной по делу.

В то же время вопрос о признании данных решений источником российского права является дискуссионным. Большинство авторов признают их источником российского права [11]. Конституционный Суд России часто ссылается в своих постановлениях на решения Европейского суда по правам

человека и указывает, что они являются составной частью российской правовой системы в той части, в которой ими дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод [12]. Более того, некоторые авторы полагают, что решения Европейского суда по правам человека имеют большую силу по сравнению с российским законодательством. Широкое распространение получила точка зрения, согласно которой источником российского права следует признавать не все решения, а лишь те, которые «выражают общепризнанные принципы и нормы международного права», а также не противоречат Конституции России, в связи с тем, что они ориентируют отечественные суды на господствующие в Европе общие юридические представления [13].

Другие авторы придерживаются противоположной позиции – решения Европейского суда по правам человека не являются источником российского права. Так, по мнению некоторых авторов, обязательный характер решений Европейского суда по правам человека еще не свидетельствует о том, что они являются источником права.

Проблема роли решений Конституционного Суда как источника права является чрезвычайно актуальной. Конституционный Суд может признать закон либо отдельную правовую норму не соответствующими Конституции. В данном случае законодатель обязан принять новый закон, учитывающий требование Конституционного Суда. Однако на практике подобный закон принимается не сразу, а нередко и вообще не принимается. В подобных условиях возникает вопрос о том, как должны регулироваться общественные отношения, прежде урегулированные неконституционным законом. Некоторые авторы считают, что в данном случае должно применяться постановление Конституционного Суда. В проекте Закона «О нормативных правовых актах РФ» [14] постановление Конституционного Суда рассматривается таковым. Подобной точки зрения придерживаются в большинстве случаев и российские суды, нередко ссылаясь в своих решениях на постановления Конституционного Суда как на источник права. Другие считают, что это источник права особого рода (*sui generis*) [15], третьи – разновидность актов толкования права [16], четвертые рассматривают правовые позиции Конституционного Суда в качестве источника права [17]. Пятые вообще не рассматривают постановление Конституционного Суда в качестве источника права. Верховный Суд и Высший Арбитражный Суд на заседаниях пленумов принимают постановления по различным вопросам правоприменения. Формально данные судебные акты не являются источником российского права. В действительности они оказывают большое влияние на правоприменительную деятельность, в особенности судов. Значение постановлений пленумов высших судебных инстанций трудно переоценить. Как отмечает М.К. Треушников, «для стабильности Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации принципиальное значение имели и всегда будут иметь своевременные разъяснения его норм и практики применения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по процессуальной проблематике». Тем не менее вопрос о правотворческом характере этих постановлений является в настоящее время дискуссионным.

Вопрос о правотворческом характере постановлений Пленума неоднозначно решался как в советский период, так и в дореволюционную эпоху.

Впервые данная проблематика возникла после проведения судебной реформы 1864 г. Решения Сената имели большое влияние на

правоприменительную деятельность, что вызвало дискуссии относительно их правотворческого характера [18].

В советский период вопрос этот также как широко обсуждался в научной литературе, так и неоднозначно решался на практике. Большинство авторов отрицали возможность включения постановлений пленумов высших судов в число источников гражданского процессуального права. Не рассматривая подробно содержание имевших место дискуссий, отметим следующее. Во-первых, в советский период отрицался принцип разделения властей. Во-вторых, обязательный характер постановлений высшей судебной инстанции был закреплен в законе. Согласно ст. 56 Закона «О судостроительстве РСФСР», Пленум Верховного Суда на основе изучения и обобщения судебной практики и статистики давал руководящие разъяснения, обязательные для судов. Более того, он обладал правом контролировать выполнение судами этих разъяснений. Обязательный характер подобных разъяснений придавал им характер нормативного акта.

В настоящее время в ст. 126, 127 Конституции установлено, что высшие судебные инстанции дают разъяснения по вопросам судебной практики. Обязательный характер данных разъяснений предусмотрен для арбитражных судов. Согласно п. 2 ст. 13 Закона об арбитражных судах [19], постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда обязательны для арбитражных судов, а в соответствии с п. 4 ст. 170 АПК ссылки на такие постановления могут содержаться в мотивировочной части решения. Суды часто применяют данную норму и ссылаются в своих решениях на постановления пленумов.

Данный вопрос остается в настоящее время дискуссионным. Так, еще в начале 90-х годов прошлого века В.В. Ярков, анализируя проект Основ гражданского процессуального законодательства, выдвинул идею о необходимости расширить круг источников гражданского процессуального права. Он предложил внести в соответствующую статью проекта дополнения и регулировать гражданский процесс: «...сложившимися положениями и обычаями судебной практики, обобщенными в постановлениях, разъяснениях и решениях общего характера и по конкретным делам Верховного Суда СССР и Верховных судов республик» [20].

Высшие судебные инстанции всячески поддерживают идею о правотворческом характере выносимых ими постановлений. Так, Председатель Верховного Суда В.М. Лебедев пишет: «...законодательно-нормативный путь формирования российского права не исключает возможности развития прецедентного права» [21]. Председатель Высшего Арбитражного Суда А.А. Иванов придерживается такого же мнения: «Судебное толкование требуется прежде всего тогда, когда качество законов является низким... Поэтому через судебное толкование и обеспечивается правовая стабильность». Данную позицию поддерживает Председатель Правительства нашей страны Д.А. Медведев: «Полагаю, что нет смысла объяснять, какую роль играют постановления пленумов высших судебных инстанций для точного толкования закона, для единообразного применения гражданского закона» [22].

Пленум Высшего Арбитражного Суда принял в 2008 г. Постановление, в соответствии с которым правовые позиции, выраженные в постановлениях Пленума или Президиума Высшего Арбитражного Суда, должны, по сути, рассматриваться судами при пересмотре решений как вновь открывшиеся обстоятельства [23].

Управлением законодательства Высшего Арбитражного Суда подготовлен проект закона о внесении изменений в АПК, предусматривающий институт судебного или преюдициального запроса. Суть данного предложения заключается в том, что, если суд придет к выводу о необходимости получения разъяснений о толковании и применении нормы права, подлежащей применению в рассматриваемом деле, он должен направить запрос в Высший Арбитражный Суд за разъяснением. Президиум Высшего Арбитражного Суда по результатам рассмотрения судебного запроса выносит, по замыслу авторов законопроекта, заключение, в котором сформулирована правовая позиция Высшего Арбитражного Суда по вопросу, послужившему поводом к направлению судебного запроса.

Целью направления судебного запроса является единообразное толкование и применение арбитражными судами норм права в связи с принятием закона, коллизией норм материального или процессуального права, отсутствием нормы права, подлежащей применению в рассматриваемом деле, которые могут привести к нарушению прав и свобод человека и гражданина и законных интересов неопределенного круга лиц.

Данный институт имеет место прежде всего в странах общего права. Он также существует и в некоторых странах Европы. Так, во Франции высшие судебные инстанции наделены подобными функциями. Conseil d'Etat с 1989 г. осуществляет толкование права по запросу административных судов, а Кассационный суд с 1991 г. – гражданских судов.

Сторонники преюдициального запроса в России отмечают, что его преимуществами являются: формирование единообразия судебной практики уже в суде первой инстанции, повышение правовой культуры судей, улучшение эффективности судопроизводства в части сокращения сроков рассмотрения дел, более четкого соблюдения принципа законности, повышения качества и объективности выносимых решений.

Нетрудно предположить, что данный законопроект направлен на усиление правотворческой функции Высшего Арбитражного Суда. По сути дела, подобные заключения по судебным запросам приобретают силу источника права. В Верховном Суде также поддерживают точку зрения о правотворческом характере судебных постановлений. Так, бывший заместитель Председателя Верховного Суда профессор В.М. Жуйков считает, что судебная практика, закрепленная в постановлениях Пленума Верховного Суда, является источником права [24]. По мнению судьи Конституционного Суда Г.А. Жилина, высшие суды в результате толкования законодательства не только конкретизируют те или иные положения нормативных актов, но и создают новые нормы [25]. О значимости данных актов свидетельствует систематическое опубликование их как в электронном виде, так и на бумажных носителях.

Полагаем, что при подготовке постановлений пленумов осуществляется обобщение судебной практики по схожим категориям дел. В основе постановлений пленумов лежат конкретные решения различных судов. В США и других странах англосаксонской правовой системы ежегодно публикуются тома судебных решений, обязательных к применению судами. Разница в том, что англосаксонские судебные решения по своей природе изначально обладают нормативной силой, а судебные решения, использованные в постановлениях пленумов судов, приобретают фактический нормативный характер на основе решения высших судов. Постановления пленумов высших судов следует, с нашей

точки зрения, рассматривать как способ придания силы судебного прецедента конкретным судебным решениям.

На основе вышеизложенного считаем, что в России имеет место фактическое действие судебного прецедента, хотя и в ограниченном виде. В качестве таковых следует рассматривать отдельные судебные решения, использованные при подготовке постановлений пленумов судов. Обычные судебные решения в меньшей степени используются в правоприменительной деятельности, но оказывают определенное влияние на формирование правовых позиций. Более того, они также публикуются.

В настоящее время российское законодательство не предусматривает четкого перечня источников права. В науке данный вопрос является дискуссионным. На практике судебный прецедент применяется по-разному, чаще всего в зависимости от вида судебного акта. Судебный прецедент играет значительную роль как в правоприменительной практике, так и в законотворческом процессе.

Существуют сторонники и противники прецедентного права, есть преимущества и недостатки данной системы. Основным аргументом сторонников является тезис о том, что суд более оперативно, чем законодатель, реагирует на пробелы в праве. Законодатель из-за длительных процедур принятия законов не успевает за происходящими социально-экономическими изменениями. Прецедентное право опережает в своем развитии законодательный процесс, оно, по мнению некоторых авторов, более подвижно, поэтому быстро учитывает изменяющуюся правовую действительность. Судебный прецедент позволяет уменьшить предвзятость и произвол в разрешении дел. Он ускоряет судебное разбирательство, поскольку при рассмотрении схожих дел не нужно начинать с нуля [26]. Судебная практика является интегрирующим началом всей правовой системы, она обеспечивает стабильность и предсказуемость, целостность в праве. Кроме того, по мнению некоторых авторов, признание судебной практики источником права повысит роль суда в жизни общества.

Существует и множество недостатков. Даже знаменитый английский философ Фрэнсис Бэкон в XVII в. подвергал сомнению правильность судебного правотворчества. В работе «Опыты, или Наставления нравственные и политические» (1625) он писал: «Судьям надлежит помнить, что их дело *jus dicere*, а не *jus dare* – толковать законы, а не создавать и издавать их. Иначе будет похоже на ту власть, какую присваивает себе римская церковь, которая под предлогом толкования Писания не останавливается перед добавлениями и изменениями, находит там то, чего нет, и под видом охраны старого вводит новое».

Во-первых, система прецедентов усиливает субъективный фактор как в отправлении правосудия, так и в правотворческом процессе. По словам профессора А.Ф. Клейнмана, «попытки приписать суду правотворческую роль, смешать законодательство с правосудием вносят вредную путаницу, тая в себе опасность произвола судей и пренебрежения к закону» [27]. Гражданский процесс превращается «из формы жизни уже существующих законов в средство создания новых по существу законов» [28].

Во-вторых, использование прецедентов в качестве источников права снижает устойчивость юридической системы, так как суды не всегда четко придерживаются принятых ранее решений. Правотворчество в англосаксонских странах может принять хаотичный порядок, в то время как в странах

континентального права процедура принятия законов четко регламентирована.

В-третьих, снижается уровень правотворческой техники.

В-четвертых, качество судебных решений не всегда является безупречным. Иногда вообще встречаются уникальные случаи. Так, в мотивировочной части решения Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга судья сослался на высказывания тогдашнего Президента России: «На собрании, посвященном 85-летию создания Верховного Суда, избранный Президент Д.А. Медведев указал, что «правовой нигилизм является мощнейшим тормозом на пути развития нашего государства... Правовая культура напрямую зависит от качества права и качества правоприменения государственными органами и должностными лицами» [29].

В-пятых, на практике правило о необходимости применения всех прежних прецедентов не всегда соблюдается. Например, англосаксонские судьи используют множество способов, чтобы не применять не устраивающий их судебный акт. Кроме того, следует учитывать громадное количество актов, которые нередко судья не принимает во внимание исключительно из-за отсутствия возможности их проанализировать.

В России судебная практика имеет большое значение в правоприменительной деятельности. В то же время негативное влияние оказывает неурегулированность ее правового статуса. Ни доктрина, ни законодательство, несмотря на значительную роль судебного прецедента, не дают четкого ответа о его правовой природе и месте в отечественной правовой системе.

Сложившаяся российская практика фактического использования судебного прецедента в правоприменительном процессе имеет определенные последствия. Именно фактическое использование судебного прецедента является эффективным в нашей стране. Официальное признание его в качестве источника права, наоборот, может негативно сказаться на уровне законотворчества. Учитывая некоторую хаотичность современного отечественного законотворческого процесса, наделение дополнительного органа законодательными полномочиями может негативно сказаться на качестве правового регулирования.

В то же время фактическое использование судебного прецедента в правоприменительной практике имеет положительные последствия. Во-первых, он восполняет пробелы в законодательстве. Во-вторых, в условиях недостатка квалифицированных судебных кадров постановления пленумов являются дополнительной гарантией правильного рассмотрения дела.

Таким образом, судебный прецедент имеет важное значение и оказывает положительное воздействие на правоприменение в целом.

Литература и примечания:

[1] Pound R. The Spirit of the Common Law. 1999. P. 182; Bix B. Jurisprudence: Theory and Context. 2003. P. 145-149; Cross R., Harris J.W. Precedent in English Law. 1991. P. 3.

[2] Merryman J.H. The Civil Law Tradition. An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. 1985. P. 23.

[3] Wiegand W. Americanization of Law: Reception or Convergence? / L.M. Friedmann, H.N. Scheiber (eds.). Legal Culture and the Legal Profession. 1996. P. 147; Марченко М.Н. Судебный прецедент: разнообразие понятий и многообразие

форм проявления // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 105.

[4] Богдановская И.Ю. Источники права на современном этапе развития «общего права»: Автореф. ... докт. юр. наук. М., 2007. С.9, 27.

[5] Маркова-Мурашова С.А. Роль судьи в правовой системе: доктрина прецедента и *stare decisis* // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: Сб. науч. статей. Краснодар; СПб., 2008. С. 196.

[6] Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. М., 2006. С.106-108.

[7] Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. М., 2006. С.145.

[8] Молчанов В.В. Источники правового регулирования судебного доказывания // Ученые-юристы МГУ о современном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2010. С. 123-126.

[9] Туманов Д.А. Пробелы в гражданском процессуальном праве: Автореф. ... канд. юр. наук. М., 2007. С. 9-10.

[10] Справочная правовая система «Гарант».

[11] Глазкова М.Е. Значение прецедентной практики Европейского суда по правам человека для отправления правосудия по гражданским делам в Российской Федерации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 1. С. 156; Банников Г.Н. Проблемы реализации права граждан на судебную защиту в Российской Федерации (общетеоретический аспект): Автореф. ... канд. юр. наук. Саратов, 2006. С. 10.

[12] Зорькин В.Д. Конституцию надо менять лишь тогда, когда ее уже нельзя не менять // Закон. 2006. № 11. С. 9.

[13] Афанасьев С.Ф. О юридической природе постановлений Европейского суда по правам человека и их правовом значении для российского цивилистического процесса // Концепция развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: Сб. науч. статей. Краснодар; СПб., 2007. С. 261.

[14] Проект № 96700088-2. Снят с рассмотрения Постановлением Государственной Думы № 491-IV ГД от 12.05.2004.

[15] Захаров В.В. Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права // Журнал российского права. 2006. №11. С. 31.

[16] Байтин М.И. О юридической природе решений Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2006. № 1. С. 8.

[17] Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как новый источник российского гражданского права // Закон. 2006, ноябрь. С. 22-32.

[18] Молчанов В.В. Источники правового регулирования судебного доказывания // Ученые-юристы МГУ о современном праве / Под ред. М.К. Треушникова. М., 2005. С. 123-125.

[19] Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» от 28.04.1995 № 1-ФКЗ.

[20] Ярков В.В. О совершенствовании гражданско-процессуального законодательства // Государство и право. 1992. № 2. С. 150.

[21] Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб., 2001. С. 215.

[22] Иванов А. Суды должны понимать истинную цель сделок // Время

новостей. 2005. № 218 (от 23 ноября). С. 6.

[23] Из выступления Д.А. Медведева на научно-практической конференции, посвященной 20-летию образования арбитражных судов Российской Федерации // Закон. 2011. № 5. С. 13.

[24] Жуikov В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М., 1997. С. 189.

[25] Жилин Г.А. О проблемах современного гражданского процесса // Закон. 2007. № 11. С. 8.

[26] Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. М., 2006. С.143.

[27] Мозолин В.П. Гражданско-процессуальное правоотношение по советскому праву: Автореф. ... канд. юр. наук. М., 1954. С. 7.

[28] Клейнман А.Ф. Вопросы гражданского процесса в связи с судебной практикой // Социалистическая законность. 1946. № 9. С. 11.

[29] Казмин Д., Латухина К. Именем Президента. Дмитрий Медведев стал еще и источником права // Ведомости. 2008. № 75. С.А1, А4.

© А.С. Абашикина, В.Е. Левченко, 2014

*Н.А. Ахметова,
ВолГУ,
г. Волгоград*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

В научно-исследовательской литературе неоднократно упоминается о том, что коррупция появляется вместе с возникновением института государства и, соответственно, аппарата чиновников. Социально-негативное явление коррупции сопровождает человечество всю его историю, вынуждая принимать разнообразные меры к предупреждению коррупционных проявлений и борьбе с ними. Шарль Луи Монтескье писал, что опыт веков доказывает склонность всякого человека, обладающего властью, злоупотреблять ею [1].

О коррупции в России можно говорить, начиная с IX-X веков, когда в нашей стране возникает институт «кормления». Кормление – способ обеспечения довольствием должностных лиц великими и удельными князьями, по которому княжеская администрация содержится за счет местного населения в течение периода службы [2]. При такой системе оплаты труда чиновника он обладал огромными полномочиями, а население должно было «кормить» представителя князя. Население, помимо собственно оплаты, не скупилось на щедрые подношения, в результате чего воеводы возвращались с многочисленными «подарками» и «излишками», которыми «делились» в столице. Так возникала система взяточничества. Официальная отмена кормления в 1556 году не повлекла за собой искоренения взяточничества.

Коррупция в те времена существовала в двух формах:

– лихоимство – подкуп за действия, нарушающие действующее законодательство;

– мздоимство – подкуп за действия без нарушения закона.

Существование коррупции порождало необходимость борьбы с ней.

Рассмотрим, какие мероприятия в этом направлении осуществлялись в течение истории Российского государства.

Как отмечает А.И. Мизерий, первую попытку законодательного ограничения коррупционных действий предпринял Иван III [3]. Иван IV Грозный ввел Судную грамоту в 1561 году, в соответствии с которой устанавливались санкции в виде смертной казни за получение судебными чиновниками взятки [4].

В мире не принято устраивать народные восстания, митинги и другие активные волеизъявления народа антикоррупционного характера. Однако история нашего государства знает такой пример. В частности, во времена правления Алексея Михайловича Романова в Москве в 1648 году произошел антикоррупционный народный бунт. Нужно отметить, что, несмотря на большие потери со стороны «бунтарей», требования последних были удовлетворены: царем были отданы на растерзание толпе два коррумпированных высших чиновника – глава Земского приказа Плещеев и глава Пушкарского приказа Траханиотов.

Хронологически следующим нормативным актом, в котором затрагивались вопросы противодействия коррупции, стало Соборное уложение 1649 года. Статьи 5 и 7 Соборного уложения предусматривали уголовную ответственность за получение взятки должностными лицами органов судебной системы, а статья 6 расширила круг субъектов, подлежащих ответственности за принятие вознаграждения. К последним стали относиться и лица, которые выполняли функции, аналогичные судебным чиновникам.

При Петре I увеличивался чиновничий аппарат, что не могло не сопровождаться ростом коррупции. В то же время правление первого российского императора отличается целенаправленной и активной политикой борьбы с коррумпированностью бюрократического аппарата.

Петр I внедрил новый порядок прохождения государственной службы для воевод, согласно которому они не могли находиться на должности воеводы на одном месте более двух лет. Предусматривался порядок продления срока исполнения должностных полномочий, но только при условии наличия письменной просьбы жителей города об этом.

За дачу взятки устанавливалась уголовная ответственность. Указ от 23 августа 1713 года гласил: «Для предотвращения впредь подобных явлений велю как взявших деньги, так и давших положить на плаху, и от плахи подняв, бить кнутом без пощады и сослать на каторги в Азов с женами и детьми и объявить во все города, села и волости: кто сделает это впредь, тому быть в смертной казни без пощады» [5].

24 декабря 1714 года Петром I был издан новый указ, в соответствии с которым была введена уголовная ответственность за пособничество в совершении корыстного злоупотребления по службе и за недонесение о совершении такого преступления. Таким образом, были криминализованы также действия соучастников преступления.

Несмотря на активную борьбу с коррупцией при Петре I, уровень взяточничества за этот период не только не снизился, но и даже существенно увеличился. В.О. Ключевский отмечал, что при Петре I казнокрадство и взяточничество достигли размеров, каких «не было прежде – разве только после» [6]. Несмотря на все реформы, взятки продолжали брать и давать. В 1713 году было введено правило, согласно которому лицо, которое заявляет на коррумпированного чиновника, получает все движимое и недвижимое имущество

коррупционера, а если позволит социальный статус гражданина, то ему достается и чин лица, злоупотребляющего по должности. Однако и такие серьезные меры не смогли побороть коррупцию в российском обществе.

Проведенные Петром I реформы изменили содержание понятий, характеризующих коррупционные проявления:

- лихоимство стало пониматься как принятие должностным лицом взятки за совершение действия или бездействия по службе, сопровождающееся нарушением этим лицом служебных обязанностей;

- мздоимство стало пониматься как получение должностным лицом органа государственной власти и управления не предусмотренного законом вознаграждения за совершение деяния в пределах круга своих полномочий по службе.

Следующей вехой в истории противодействия коррупции стало правление Екатерины II. Императрица направляла свою политику в уголовно-правовой сфере в целом, в том числе и в области борьбы с коррупцией, прежде всего на обеспечение принципа неотвратимости наказания. В период ее правления ужесточения наказаний за коррупционные преступления не наблюдается [7].

В 1845 г. было принято Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных, которое включало в себя специальную главу – «О мздоимстве и лихоимстве» [8]. Данная глава состояла из тринадцати статей и включала в себя нормы об ответственности за взяточничество и другие формы проявления коррупции.

Мздоимство, согласно Уложению, наказывалось денежным взысканием, равным двум размерам принятой взятки (ст. 401 Уложения). Подарок, согласно данной норме, мог выражаться не только в деньгах, но и в «вещах или в чем бы то ни было ином». Чиновнику, принявшему подарок «без желания на то», предоставлялся трехдневный срок для того, чтобы вернуть взятку. Кроме того, предусматривалась ответственность за получение подарков через других лиц, а также за получение их женой, детьми, родственниками или какими-либо другими близкими лицами.

Лихоимство (то есть получение взятки за нарушение служебных обязанностей) каралось в соответствии со статьей 402 Уложения. За такое преступление предусматривалось следующее наказание:

- потеря всех прав и преимуществ;
- ссылка в Томскую или Тобольскую губернии;
- заключение от одного года до трех лет;
- сечение розгами от 70 до 80 ударов;
- арестантские роты на срок от двух до шести лет.

В случае деятельного раскаяния допускалось применение более мягкого наказания в виде строгого выговора или освобождения от занимаемой должности.

В статье 405 Уложения перечисляются формы и способы дачи и получения взятки:

1. Получение и дача взятки через посредников, в том числе и родственников.
2. Передача и получение заранее обещанного вознаграждения должностным лицом за совершение действия или бездействия по службе.
3. Передача и получение заранее неоговоренного вознаграждения должностным лицом за действие или бездействие по службе.
4. Передача вознаграждения в виде проигрыша, мены, продажи или

другой какой-либо мнимо законной сделки.

Кроме известных форм коррупции – мздоимства, лихоимства и вымогательства, – в Уложение были введены новые составы коррупционных преступлений:

- незаконный сбор денег на подарки и угощения чиновников и иных лиц, то есть вышестоящего руководства, со стороны должностных лиц волостного и сельского управлений, а также писарей и их помощников (ст. 408);

- содействие мздоимству и лихоимству, соучастие в вымогательстве взятки (ст. 409);

- дача взятки крестьянином должностному лицу от имени общины (ст. 411).

Ответственность за дачу не предусмотренного законом вознаграждения должностному лицу органов государственной власти и управления предусматривалась в трех статьях Уложения (ст. 411, 412 и 413).

Таким образом, антикоррупционные нормы Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных содержали уже развернутый перечень таких преступлений, их форм и способов совершения, соучастников, а также достаточно совершенную, и в то же время жестокую, систему санкций.

Император Александр II Освободитель в 1862 году издал Указ «Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы», который содержал следующие вопросы, подлежащие исследованию:

- «1. В чем заключаются причины, по силе коих пагубное лихоимство или взятки в Империи не только существуют, но даже распространяются между теми самыми, которые бы гнушаться ими и всемерно пресекать их должныствовали?

- 2. Достаточны ли существующие доселе законы о лихоимстве ... и не служат ли даже покровом лихоимцам, когда как принимаемый и дающий равному подвергаются наказанию?

- 3. Какие вообще к истреблению язвы сей должно принять меры, дабы не могла она вредить ни правосудию, ни Государственному устройству, ниже скорому течению в отправлении дела?» [9].

Сенатом был создан специальный комитет по изучению явления коррупции. Комитет указал следующие причины распространенности коррупции:

- 1) несовершенство законов;
- 2) низкая материальная и финансовая обеспеченность государственных служащих;

- 3) несоразмерность преступлений и наказания.

А.И. Мизерий, анализируя историю борьбы советской власти с коррупцией, называет следующие ее черты:

- 1) Советские власти не признавали термин «коррупция», заменяя его словами «взятничество», «попустительство», «злоупотребление служебным положением» и т.п. Тем самым, по мнению ученого, они как бы отрицали само явление коррупции в государстве.

- 2) Советское «правосознание» объясняло коррупцию как «социальное явление, порожденное условиями эксплуататорского общества». Советский же административно-управленческий аппарат представлялся как «аппарат нового типа».

- 3) С коррупцией в государственном аппарате боролись исключительно представители этого аппарата. В связи с этим основные причины, порождающие коррупцию, не искоренялись.

4) Коррупция часто выступала в качестве единственно возможного способа внедрения рыночных отношений в плановую экономику [10].

Итак, нами проанализирован опыт борьбы с коррупцией в России за достаточно большой промежуток времени. Как показывает история, явление коррупции негативно сказывается на развитии государства и противоречит интересам общественного прогресса. Для успешного противодействия коррупции необходимы не разовые мероприятия, не чрезмерно жестокие меры, а систематическая, целенаправленная работа органов государственной власти, институтов гражданского общества и отдельных граждан.

Литература и примечания:

[1] Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1955. С. 289.

[2] Статья «Кормление». Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс] // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%CA%EE%F0%EC%EB%E5%ED%E8%E5> (дата обращения: 1.12.2014).

[3] Мизерий А.И. История борьбы с коррупцией в России. М., 1998. С. 187.

[4] Российское законодательство X-XX веков. Том 2 / Под общ. ред. А.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. С. 201.

[5] Рабинович Н.О. О наказуемости взяточничества // Право. 1916. № 11. Цит. по: Мизерий А.И. История борьбы с коррупцией в России. М., 1998. С. 183.

[6] Ключевский В.О. Терминология русской истории. М.: Правда, 1989. Т. 4. С. 180. Цит. по: Мизерий А.И. История борьбы с коррупцией в России. М., 1998. С. 184.

[7] Анциферов К. Взяточничество в истории русского законодательства (до периода сводов) // Журнал гражданского и уголовного права. Кн. 2. СПб., 1884. С. 44-46.

[8] Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков в 9 т. Том 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. С. 390-396.

[9] Волженкин Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. // Правоведение. 1991. № 2. С. 64.

[10] Мизерий А.И. История борьбы с коррупцией в России. М., 1998. С. 186.

© Н.А. Ахметова, 2014

Т.Р. Габдуллин,
УЮИ МВД России,
г. Уфа

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема личной безопасности для современной России является ключевой. Только на основе личной безопасности человека можно проектировать и осуществлять меры по обеспечению безопасности общества и государства в целом. Вся деятельность государства, в том числе его юридических органов,

должна быть обращена в первую очередь к человеку, его интересам, правам и свободам. Юридическое направление обеспечения личной безопасности человека имеет особое значение, поскольку оно, это обеспечение, должно иметь правовую форму и гарантироваться деятельностью правоохранительных и судебных органов.

Зачастую термин «личная безопасность» используется учеными как синоним права личной неприкосновенности, включающего в себя неприкосновенность физическую (жизнь, здоровье), нравственную (честь, достоинство), психическую и индивидуальную свободу [1, с.21].

Более широко право на личную безопасность трактует А.К. Тихонов. Автор утверждает (и в этом с ним можно согласиться), что данное право не является исключительно личным правом, а представляет собой «сквозное» право-гарантию, которое создает условия для реализации всех остальных конституционных прав [2, с.127].

В.А. Мальцев раскрывает содержание личной безопасности через «состояние комфортной жизнедеятельности», обеспечиваемой мерами, предпринимаемыми государством [3, с. 161]. Несмотря на позитивный элемент такого определения (действительно, безопасность личности основывается на определенных обязанностях со стороны государства, равно как и на самостоятельности самого человека), оно нуждается в конкретизации, так как понятие «комфортная жизнедеятельность» довольно относительно и допускает неограниченный субъективизм в оценках реального положения личности.

Не вызывает сомнения факт того, что перечисленные составляющие личной безопасности человека связаны первостепенным образом с биологической основой человека, что позволяет отождествлять личную безопасность с таким социальным феноменом, как личная неприкосновенность человека. Так, по мнению А.А. Опалевой, под личной неприкосновенностью следует понимать такое состояние человека, при котором обеспечиваются его физическая защищенность, индивидуальная свобода, психика и нравственность от недопустимого внешнего воздействия, и неприкосновенность условий существования человека (жилища, частной жизни, личной и семейной тайны и т.п.), когда устанавливается запрет посягательств на них [4, с.6]. Личная безопасность не может охватить своей конструкцией иные, выходящие за ее предел, проявления безопасности в отношении качественно новых благ (собственность, жилище и др.). Безопасность личности нельзя сводить только к ее личной неприкосновенности, она даже больше, чем право на жизнь, которое делает жизнь личным делом индивида, в то время как безопасность личности – дело всего общества. Данное понятие намного шире, чем личная безопасность, и методологически неправильным является их отождествление. Кроме того, человек, включенный в различные социальные отношения, не может ограничиваться защищенностью только своей жизни, здоровья, чести, достоинства, т.к. существует угроза причинения вреда и иным жизненно важным интересам, вытекающим из потребностей более высокого уровня организации. И для этого необходимым является выделение других видов безопасности личности, помимо личной безопасности.

Литература и примечания:

[1] Комментарий к Конституции Российской Федерации. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Изд-во БЕК, 1996. С. 67; Конституция Российской Федерации.

Научно-практический комментарий. 3-е изд. / Под ред. Б.Н. Топорнина. М.: Юрист, 2003. С. 216-217; Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / Под ред. засл. деятеля науки Российской Федерации, д.ю.н., проф. Н.И. Матузова. Саратов: СВШ МВД Российской Федерации, 1996. С. 71; Петрухин И.Л. Человек и власть (в сфере борьбы с преступностью). М.: Юрист, 1999. С. 64; Стремоухов А.В. Правовая защита человека: Теоретический аспект. Автореферат дис. ... докт. юрид. наук. СПб., 1996.

[2] Тихонов А.К. Сущность категории личной безопасности и ее соотношение с категориями чести и достоинства // Правоведение. 1998. № 1.

[3] Мальцев В.А. Проблемы обеспечения личной безопасности в свете реализации права на неприкосновенность личности / Правовая наука и реформа юридического образования: Сб. науч. трудов. Вып. 15: Российское правовое государство: Итоги формирования и перспективы развития. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2003.

[4] Опалева А.А. Институт личной неприкосновенности (теоретико-правовые проблемы): Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008.

© Т.Р. Габдуллин, 2014

*Г.А. Головченко,
С.А. Жинкин,
КубГУ,
г. Краснодар*

ЦЕННОСТЬ ПРАВА И ПРАВОВАЯ ЦЕННОСТЬ: ОТ СХОДСТВА К РАЗЛИЧИЮ

Следует отметить, что обращение к данной теме явилось не случайным, так как анализ юридической литературы как монографического, научного, так и учебного характера показал на неоднозначность взглядов относительно понимания «ценность права» и «правовая ценность», подчас их отождествление или взаимозаменяемость.

Ценность права, по мнению многих исследователей [1], состоит в том, что оно выступает в качестве средства и цели удовлетворения закономерных, научно обоснованных, социально справедливых, прогрессивных потребностей граждан и их объединений. Ценность права определяется различными критериями, гранями, через призму которых познается ценность права как культуры, как мощного инструмента социального регулирования и т.д. В зависимости от этих и других оснований, право может характеризоваться инструментальной ценностью, социальной ценностью, самоценностью, гуманистической (личностной) ценностью, культурной ценностью и телеологической ценностью. Таким образом, право выступает ценностью для других социальных явлений, а также и собственной ценностью.

Правовые же ценности возникают вследствие сознательно-волевого освоения человеком правовой действительности, как некое его отношение к праву. Действительность предстает посредством ценностей и в форме ценностей. Ценности предопределяют понимание людьми тех или иных явлений, задают

угол зрения, под которым осмысливается право, политика, экономика. Государство и право обладают стойким набором свойств, неизменных при любых условиях, но приобретающих разный смысл при различных ценностных установках [2].

С.В. Михайлов и И.Г. Смирнова [3] склонны считать, что правовые ценности – это правовые принципы, определяющие смысл человеческого бытия в обществе. Если рассматривать какие-либо факты или явления как наиболее важные и значимые для личности, общества или государства, то возникает потребность в их большей правовой защите, которую может обеспечить придание соответствующей норме силы принципа права. Система отраслевых принципов, таким образом, будет выражать систему правовых ценностей, защищаемых в конкретной сфере государственной деятельности. При этом в категорию ценностей не войдут такие ценности, как: познание, совершенство, любовь, долг, справедливость и т.д. Можно было бы согласиться с данным высказыванием, однако принцип справедливости является общеправовым, и не включать его в правовые принципы является безосновным.

Правовые ценности выступают важнейшим элементом юридического воздействия в обществе и оказывают серьезное влияние на механизм правового регулирования. Правовые ценности – это переживаемые людьми и определяемые культурой формы позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения, соответствующий этой системе, а также юридическую оценку событий [4], и являются принципами регенерации правовой жизни [5].

И.Г. Смирнова [6], соглашаясь с определением правовых ценностей, данным А.Н. Бабенко, полагает, что, по сути, оно является достаточно точным и справедливым, но нуждающимся в некотором уточнении. Право (независимо от отрасли) приобретает аксиологическое содержание только в контексте деятельности субъектов права. Более того, такое содержание в полной мере определяется историческими условиями, которые носят не только культурный, как полагает А.Н. Бабенко, характер. Ценность каждой правовой нормы и каждого правового инструмента зависит от конкретных социальных, политических и иных условий, в которых функционирует право в конкретный исторический момент. Следовательно, правовые ценности не только обуславливают, но и обуславливаются. На основании изложенного И.Г. Смирнова предлагает определить правовые ценности как позитивное отношение людей к правовой системе, обусловленное конкретно-историческими условиями ее функционирования и обуславливающее выбор поведения субъектов права и юридическую оценку фактов и явлений, соответствующих этой правовой системе.

Е.В. Бакланова полагает, что правовые ценности являются наиболее малоподвижным элементом правовой культуры, образуя ее каркас. Изменение правовых ценностей, лежащих в основе правовой культуры, по сути дела, становится свидетельством отмирания одной правовой культуры и возникновения на ее основе другой, качественно новой [7]. С.В. Михайлов же, уточняя ее позицию, отмечает, что изменение правовых ценностей влечет за собой всего лишь смену ступени правовой культуры как стадии постепенного развития, каждая из которых есть продукт прошлого и играет известную определенную роль в формировании будущего. Если же произошел слом всей системы правовых ценностей, тогда можно говорить о культурном кризисе [8].

Правовые ценности переходят от одного человека к другому, искажаясь ввиду различного мировоззрения и мировосприятия. Никогда не возникает одинакового отношения к правовым ценностям у людей разных правовых культур, разного правового воспитания, даже если эти правовые ценности поддерживаются ими на национальном уровне [9].

Восприятие правовой ценности как оцениваемого предмета правового регулирования характерно для большинства законодательно закрепленных правовых ценностей, т.е. правовая ценность в данном случае воспринимается как нормативно-правовой объект, значимый для человека, группы лиц или общества в целом, в зависимости от круга лиц, на регулирование правоотношений которых они нацелены [10].

Таким образом, ценность права может рассматриваться как внешнее состояние права по отношению к другим социальным явлениям, как средство удовлетворения определенных социально значимых потребностей. Правовая же ценность представляет собой внутреннюю составляющую права, те ценности, которые восприняты и зафиксированы правом.

Литература и примечания:

[1] Баранов В.М. Истинность правовых норм. Саратов, 1989. С. 266-282; Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2006. С. 127; Червонюк В.И. Теория государства и права. М., 2006. С. 252; Лазарев В.В., Липень С.В., Саидов А.Х. Проблемы общей теории *jus*. М., 2012. С. 158.

[2] Сидорова Е.В. Проблемы методологии исследования правовых ценностей // Государство и право. 2012. № 7. С. 97.

[3] Михайлов С.В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 23; Смирнова И.Г. Ценность как основная категория аксиологии и ее значение в праве // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 5. 2010. С. 146.

[4] Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 48.

[5] Балаянц М.С. Фундаментальные правовые ценности современного общества. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 35.

[6] Смирнова И.Г. Ценность как основная категория аксиологии и ее значение в праве // Известия Иркутской государственной экономической академии. № 5. 2010. С. 147.

[7] Бакланова Е.В. Истоки признания права на достойную жизнь в контексте разных правовых культур // История государства и права. 2006. № 12. С. 14.

[8] Михайлов С.В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 24.

[9] Маркова И. Социальные репрезентации демократии в обыденном и рефлексивном мышлении // Психологический журнал. 1996. № 5. Т. 17. С. 56.

[10] Михайлов С.В. Правовые ценности: теоретико-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2011. С. 32.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Совокупность норм поведения человека является наивысшим выражением духовного развития и культуры общества. Проблема взаимосвязи уголовного законодательства, уголовного права и нравственности становится все более обсуждаемой в наши дни. Нравственность является конституционной ценностью, это закреплено в статье 55 Конституции Российской Федерации [1], и перед законодателем важным становится вопрос определения круга «антинравственных» и «антиморальных» деяний, за совершение которых должна быть установлена уголовная ответственность.

Действующий Уголовный кодекс РФ к преступлениям против общественной нравственности в сфере половой морали относит: вовлечение в занятия проституцией, организацию занятия проституцией, организацию и содержание притонов для занятия проституцией и еще ряд составов. Данные составы объединены в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». При этом не до конца разрешены некоторые вопросы ответственности лиц, совершающих преступления против общественной нравственности, отсутствует единообразное толкование признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 240-241 УК РФ [2], а главное, постоянно возникают трудности в правоприменительной практике при реализации уголовно-правовых средств борьбы с преступлениями против общественной нравственности.

Торговля людьми – явление, имеющее вековую историю, казавшееся далеким забытым прошлым, возвратилось в социально-экономическую сферу общественной жизни, найдя преступный характер.

В юридической литературе определение понятия «проституции» является дискуссионным вопросом среди многих ученых-юристов. В российском законодательстве термин «проституция» используется при конструировании нескольких составов УК РФ и КоАП РФ. Юридического понятия «занятие проституцией» в законах не дается. Доктринальные определения этого понятия сводятся к тому, что проституция – это систематическое вступление мужчины или женщины в сексуальные контакты с лицами своего или противоположного пола за вознаграждение, для которых она является источником регулярного дохода [3].

Кроме юридического значения, термин «проституция» применяется в качестве оценочной категории, характеризующая поведение отдельных людей, как синоним понятия «продажность», «продажный», когда возникает необходимость выразить негативное отношение к неблагоприятным действиям отдельных людей. Формы сексуальных отношений значения не имеют. Также не имеет значения для определения проституции, в каком виде выплачивается вознаграждение.

Само занятие проституцией является антиобщественным, аморальным явлением. Опасность проституции для общества заключается в вовлечении в

заяние ею все новых и новых лиц, особенно несовершеннолетних.

Детская проституция – одна из самых тяжких. Детям, вовлеченным в это грязное дело, «недочеловеки» ломают психику, исправить которую потом невозможно на протяжении всего периода их жизни. Детей воруют, выкупают в неблагополучных семьях, у пьяных родителей, обманным путем похищают на улицах, с одной целью, чтобы все так же заставить их заниматься проституцией. И проблема эта – одна из самых серьезных на сегодняшний день, на борьбу с которой надо приложить все силы для ее урегулирования.

В п. 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [4] указано, что под «вовлечением» следует понимать действия лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление. Действия лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иных действий.

По оценкам экспертов, торговля «живым товаром» стоит на третьем месте по масштабам получения прибылей после торговли оружием и наркотиками. Эксперты подчеркивают, что в последнее время несовершеннолетних, занимающихся проституцией, стало заметно больше. Для совершения с ребенком действий, характеризующих вовлечение его в изготовление порнографических материалов или занятия проституцией, подростков нередко заставляют употреблять спиртные напитки, наркотические средства, одурманивающие или психотропные вещества.

Численность несовершеннолетних, занимающихся проституцией, в России составляет 17 тыс. человек, хотя есть и более высокие оценки. Например, некоторые эксперты считают, что в одной Москве в настоящее время насчитывается около 100 тыс. человек, занимающихся проституцией, из которых от 20% до 25% составляют несовершеннолетние. Ежегодно помещают около 400 девушек, занимающихся проституцией, в Московский центр временной изоляции для несовершеннолетних.

Около 80% занятых в занятии проституцией – девочки в основном с 14-16 лет, однако эксперты Международной организации труда свидетельствуют о наличии отдельных случаев вовлечения девочек в проституцию в возрасте 5-7 лет. В качестве основной причины работы в проституции дети указывают: «желание выжить» (около 80%); «иметь собственные деньги и не зависеть от родителей» (40%); «заработать на какую-либо конкретную вещь» (25%); «необходимость помогать семье» (10%); около 3% работающих в проституции, по их данным, делают это под угрозой насилия. Абсолютное большинство (более 80%) вовлеченных в проституцию детей не посещают школу в течение более чем одного года [5].

Для адекватной уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере прав и свобод личности законодателю следует предложить, прежде всего, ввести извлечение дохода от занятия проституцией в крупном и особо крупном размере в качестве квалифицирующего и особо квалифицирующего признака деяний, направленных на организацию занятия проституцией, что позволит дифференцировать уголовную ответственность. При проведении законодательных изменений ст. 241 УК РФ может быть использован недавний опыт криминализации извлечения крупного дохода в составе об изготовлении и обороте материалов или предметов с порнографическими изображениями

несовершеннолетних.

Учитывая криминологические особенности преступления, предусмотренного ст. 241 УК РФ, следует ввести в качестве квалифицированных и особо квалифицированных составов рассматриваемого деяния две формы групповых образований: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и совершение преступления организованной группой, что устранил непоследовательность в интерпретации правоприменителемотягчающего обстоятельства о соучастии.

Вовлечение в занятие проституцией характеризуется использованием средств массовой коммуникации для объявлений о работе в сфере оказания интимных услуг. Размещение объявления в средствах массовой информации означает желание вовлекающего путем провоцирования материальной заинтересованности включить в эту нелегальную сферу лиц, откликнувшихся на такое предложение. Публикация объявлений о наборе в сферу досуга является не чем иным, как завуалированным предложением о вовлечении в проституцию, адресованным неопределенному кругу лиц. Фактически любое объявление в СМИ о рекрутировании в проституцию, а равно и о предоставлении услуг интимного характера на коммерческой основе, означает публичное рекламирование проституции и как рода деятельности, и как возможной формы нелегального проведения досуга, что фактически означает и способ, содействующий вовлечению в проституцию и организации занятия проституцией. По материалам изученных уголовных дел, такой способ совершения преступлений приобрел массовый характер, а потому следует предпринять корректировку законодательства на предмет введения этого обстоятельства в число отягчающих. В связи с наличием криминологических условий формирования квалифицированных составов преступлений полагаем верным выделить в качестве квалифицирующего признака: вовлечение в занятие проституцией и организация занятия проституцией, совершение их путем рекламы коммерческих сексуальных услуг в средствах массовой информации, Интернете, а также в местах компактного проживания и учебы граждан.

Считаем, что внесение предлагаемых изменений в действующее уголовное законодательство позволит урегулировать имеющиеся противоречия, а также повысить эффективность уголовно-правовой борьбы с деяниями, сопряженными с проституцией.

Литература и примечания:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. № 7. 21.01.2009.

[2] Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 1069 с.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» //

© С.Ю. Долгая, О.В. Карягина, 2014

**Я.Ф. Замарина,
Ю.Ю. Илюхина,**

*ФГБОУ ВПО СГУ им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов*

ПРАВОВОЙ СТАТУС ОБЪЕДИНЕНИЯ ТУРОПЕРАТОРОВ

Период становления туристского бизнеса в России был непростым. Внимание привлекали случаи, когда российские туристы попадали в «заложники» иностранных отелей, которым, в свою очередь, не перечислялись денежные средства за проживание, поскольку туроператор оказывался мошенником или банкротом. Правоохранительные органы неоднократно предупреждали о недобросовестных предпринимателях, превращавших туристические компании в финансовые пирамиды. Сейчас можно наблюдать, что данный бизнес направлен в цивилизованное русло развития. Одним из способов обеспечения защиты прав граждан-туристов стала самоорганизация туроператоров.

Закон № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [2] закрепляет правовой статус объединения таких туроператоров, членство в которых является обязательным условием осуществления данного вида предпринимательской деятельности. Закон о туристской деятельности определяет основные характеристики объединения:

- это некоммерческая организация;
- представляет собой единое общероссийское объединение;
- основано на принципе обязательного членства;
- цель создания – оказание экстренной помощи туристам [2].

Далее Закон расшифровывает, что формой организации выступает ассоциация (союз). К ней применимы общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации [1], но с учетом положений Закона о туристской деятельности. Сама по себе организация не может себя произвольно именовать объединением туроператоров. Также объединение туроператоров – не закрытая корпорация. Любой новый член обладает правом вступления в нее. Требования к членству касаются только установленных обязательных платежей в компенсационный фонд. Соответственно, и основания для прекращения членства связаны с прекращением профессиональной деятельности (либо ликвидацией организации как таковой) и уплаты взносов.

Закон о туристской деятельности специально подчеркивает, что установление иных требований не допускается. Единственное уточнение, что не возвращаются уплаченные в компенсационный фонд средства при прекращении членства туроператора.

Учредительный договор показывает, что создание ассоциации – инициатива туроператоров. Возникает вопрос: а если бы данная инициатива не была реализована самими субъектами предпринимательской деятельности, то кто

бы обеспечил реализацию публичного интереса? Такая ситуация выглядит весьма парадоксальной. Понятно, что у органов государственной власти нашлись бы рычаги давления, но это не правовой путь.

Сейчас в Гражданский кодекс РФ внесены изменения, значительно корректирующие статус ассоциаций (союзов). Так, в ст. 121 ГК РФ [1] говорится, что в ассоциации (союзе) могут быть как юридические, так и физические лица, в ранней редакции участвовали только юридические лица. Причем в одной ассоциации (союзе) не было объединения некоммерческих и коммерческих. Новеллы ГК РФ об ассоциациях (союзах) озаменовали собой лишь внешнюю декорацию, когда законодатель понадобилось как-то «втиснуть» в систему юридических лиц некоммерческие организации с обязательным членством. Серьезные проблемы остались нерешенными. Во-первых, понятно, что обязательное членство не стыкуется с общими принципами гражданского права. Оно и не должно претендовать на коррекцию принципов. Обязательное членство – это уход в реализацию публичного интереса, когда государство пытается его реализовать с помощью такого обязывающего поведения. Во-вторых, общие положения ГК РФ об ассоциациях (союзах) не могут обеспечить реализацию публичного интереса в надлежащей организации данного вида юридических лиц [4].

Предположим, что примерно в одно и то же время несколько туроператоров создали различные объединения и подали документы на получение единого статуса. В соответствии с какими принципами происходил бы отбор надлежащей организации? Подобные моменты должны решаться в рамках публичного права, поскольку затрагивают компетенцию органов государственного управления. Налицо значительное количество нерешенных проблем, которые, кстати, возникли еще при принятии Закона «О саморегулируемых организациях» [3]. К сожалению, уяснение значения такого разделения не укладывается в головах как парламентариев, так и многих ученых-юристов. Как следствие, по настоящее время плодятся разновидности организаций, которые путают всю систему юридических лиц.

Подведем итог. Правовой статус объединения туроператоров в сфере выездного туризма нуждается в своем развитии. Необходимо продумать вопрос о расширении прав, в частности, по предоставлению возможности проводить контролируемые мероприятия по соблюдению профессиональных стандартов. По крайней мере, это могло быть предоставление прав по осуществлению мониторинга в данной сфере и представлению докладов уполномоченному органу федеральной власти, а также по соучастию в проведении государственного контроля. Необходимо четко проанализировать концепцию юридических лиц публичного права, которая могла бы разрешить большинство возникающих вопросов при соотношении гражданско-правового статуса некоторых ассоциаций (союзов) и их публичных функций, наделенных законом. Отметим, что идея введения в правовой оборот юридических лиц публичного права в отечественной юридической науке обсуждается давно, она поддерживается многими ведущими учеными-специалистами.

Литература и примечания:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2014. № 19. Ст. 2334.

[2] Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (ред. от 03.05.2012 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2012) // СЗ РФ. 1996. № 49. Ст. 5491; 2012. № 19. Ст. 2281.

[3] О саморегулируемых организациях: Федеральный закон от 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 24.11.2014) // СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076; Российская газета. 2014. № 270.

[4] Чиркин В.Е. Необходимо ли понятие юридического лица публичного права // Государство и право. 2006. № 5.

[5] Ястребов О.А. Юридическое лицо публичного права: сравнительно-правовое исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14. М., 2010.

© Я.Ф. Замарина, Ю.Ю. Илюхина, 2014

**В.В. Игнатенко,
А.В. Карягина,
НОУ ВПО «ТИУЭ»,
г. Таганрог**

ПРАВО НА ЭВТАНАЗИЮ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Эвтаназия – одно из наиболее спорных явлений современного мира. Она появилась с развитием науки: множество тяжелобольных продлили жизнь, а значит и страдания. Раньше человек умирал довольно быстро (в течение нескольких дней при раке), теперь же он может болеть несколько месяцев, перенося боль, но она может быть настолько нестерпимой, что страдалец просит себя убить. Актуальность проблемы сложно переоценить: дискуссии идут до сих пор. Во-первых, из-за того, что она связана с человеческой жизнью, которая ценится превыше всего. Во-вторых, из-за ее малоизученности и яростных споров вокруг нее.

Одни считают, что эвтаназия, как наивысшее проявление гуманности, необходима: ведь существуют болезни, которые медленно и мучительно убивают человека, и в таком случае смерть прекращает страдания. Сторонники этой теории ссылаются на право человека распоряжаться собственной жизнью, а значит и смертью. Другие же ссылаются на основное право человека – право на жизнь, основанное на принципе уважения к человеческой жизни. Они считают, что эвтаназия реализует не право больного, а право врача на, фактически, убийство. Однако это невозможно в цивилизованном мире: лекарь должен спасать жизни, а не прерывать их. Таким образом, проблема права на жизнь или права на смерть не проста и неоднозначна в правовом, морально-этическом и социальном аспектах.

Чтобы изучить проблему, нужно понять, что же такое право на смерть. Эвтаназия – намеренное ускорение смерти или умерщвление неизлечимого больного с целью прекращения его страданий. Основоположник понятия Ф. Бэкон определял ее как быструю и легкую смерть.

Проблема эта возникла еще в древности. Сам Гиппократ закрепил неприятие эвтаназии в своей клятве: «Я не дам никому просимого у меня

смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла», что стало основой современной медицинской этики. Более того, это стало закрепляться законодательно, например, в Женевской декларации Всемирной медицинской ассоциации указано: «Я буду проявлять высочайшее уважение к человеческой жизни с момента ее зачатия и никогда, даже под угрозой, не использую свои медицинские знания в ущерб нормам гуманности»; в «Рекомендации № 14/8 (1999) «О защите прав человека и достоинства терминальных больных и умирающих» есть прямой запрет на эвтаназию: лишение жизни терминальных больных или умирающих людей неприемлемо так же, как и смертная казнь [1].

Все эти акты международного действия запрещают легализацию права на смерть, поскольку она нарушает основные принципы права. Несмотря на это, в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге и некоторых штатах США эвтаназия разрешена, поскольку ее считают гуманной. В России же она запрещена законодательно. В ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» есть прямой запрет на эвтаназию: «Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента» [2].

В Этическом кодексе врача указано, что «врач должен сопровождать умирающего больного до последнего момента, выполнять необходимое лечение и обеспечить лечением и необходимыми мерами качество жизни пациента, которые должны быть на высоте уважения достоинства больного и комфорта его окружения. Нельзя провоцировать наступление смерти. Запрещена эвтаназия в любой форме». Собственно, в противном случае такие действия/бездействия расцениваются как преступление и преследуются по закону согласно статьям 105, 109, 124 Уголовного кодекса России.

Это вполне обоснованно: как известно, право вырастает из традиций и обычаев, а в России традиционно проживает много верующих людей разных конфессий. Многие религии запрещают лишать жизни, даже если со стороны это выглядит гуманно. Объясняется это тем, что человек должен нести свой крест гордо, идя до конца, поскольку жизнь дал Бог, а значит, лишь он может ее забрать.

С другой стороны, многие опасаются нечестивых наследников, ведь эвтаназия предполагает умерщвление не только тех, кто страдает от боли, но и тех, кто в коме или лежит много лет, не вставая и не разговаривая. Именно они могут попасть в ситуацию, когда наследник даже не спросит, хочет ли человек жить? Да и как это понять, если человек молчит и не двигается? Как узнать, что наступила та грань, когда жить уже не имеет смысла? Ведь даже больные раком, страдая от ужасной боли и действительно моля о смерти, радуются, что выжили после того, как приступ отступил.

Собственно, эти же вопросы задают противники абортот. В России их тоже немало, ведь в Конституции закреплено право на жизнь. Какое право имеет кто-то лишить жизни по чьему-то решению? Это равносильно убийству. Именно поэтому в нашей стране, скорее всего, не разрешат эвтаназию. Думаем, это и не нужно. Не надо человеку давать право на смерть, нужно позволить ему достойно и без боли уйти из жизни самому, когда наступит его час. Для этого нужно развивать здравоохранение и социальную сферу, а это очень дорого. Может быть, именно поэтому для сторонников эвтаназии проще пойти по кровавому пути?

Литература и примечания:

[1] Рекомендации № 14/8 (1999) «О защите прав человека и достоинства терминальных больных и умирающих». Одобрены 25 июня 1999 г. Парламентской ассамблеей Совета Европы. М., 2002. С.57.

[2] Ст. 45 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ».

© В.В. Игнатенко, А.В. Карягина, 2014

***Д.С. Кассихина,
А.В. Карягина,
НОУ ВПО «ТИУЭ»
г. Таганрог***

МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК КАК СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С каждым годом во всем мире наблюдается рост числа деяний, причиняющих ущерб жизни и здоровью пациентов в результате неквалифицированного выполнения медицинским персоналом учреждений здравоохранения своих профессиональных обязанностей. При этом большое количество совершаемых врачебных ошибок остаются незамеченными как со стороны администрации учреждений здравоохранения, так и со стороны компетентных должностных лиц правоохранительных органов. Безусловно, всякого рода погрешности встречаются в деятельности специалистов различных профессий, но ни в одной сфере человеческой деятельности ошибки не влекут за собой столь тяжких последствий, как в области практической медицины, поскольку медицина воздействует на человеческий организм, который, как известно, является чрезвычайно хрупким и не терпит невнимательного и небрежного к себе отношения.

Специфика уголовной ответственности медицинских работников связана с их особым субъектным статусом и определяется социальной сущностью профессиональной и служебной деятельности медицинских работников. Законодательством РФ строго регламентирован круг лиц, которые могут заниматься медицинской деятельностью. Согласно п. 1 ст. 69 Федерального закона Российской Федерации «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», право на осуществление медицинской деятельности в Российской Федерации имеют лица, получившие медицинское или иное образование в Российской Федерации в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами и имеющие свидетельство об аккредитации специалиста [2].

В УК РФ медицинский работник в качестве специального субъекта преступления не называется. Вместе с тем анализ норм Особенной части позволяет выделить те составы преступлений, которые совершаются преимущественно медицинскими работниками или при их непосредственном участии. Медицинский работник, совершивший общественно опасное деяние в результате нарушения профессиональных обязанностей, рассматривается законодателем как специальный субъект в составах пяти преступлений: ч. 2 ст. 109; ч. 2 ст. 118; ч. 4 ст. 122; ч. 1 и ч. 2 ст. 124 УК РФ [1]. В этих составах субъект характеризуется обязательными признаками (физическое лицо, вменяемое,

достигшее возраста 16 лет), а также дополнительными, наделяющими его (субъекта) специфическими качествами и, в частности, предусматривающими, что на субъекта возложена одна из важнейших конституционных обязанностей – охрана жизни и здоровья человека.

Как известно, дополнительные признаки специального субъекта преступления определяются, в отличие от признаков общего субъекта, не в Общей части УК, а в диспозициях конкретных статей Особенной части УК. В рассматриваемых составах профессиональных преступлений медицинских работников признаки, характеризующие специального субъекта, обозначены в диспозициях уголовно-правовых норм следующим образом. Во-первых, путем указания на наличие у субъекта профессиональных обязанностей: часть 2 статьи 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности), часть 2 статьи 118 УК РФ (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), часть 4 статьи 122 УК РФ (заражение ВИЧ-инфекцией). Во-вторых, путем указания на наличие у субъекта обязанности оказывать помощь больному: части 1 и 2 статьи 124 УК РФ (неоказание помощи больному).

Но стоит отметить, что субъект преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, действительно специальный – лицо, обязанное оказывать помощь в соответствии с законом или специальным правилом. Однако к таким лицам, помимо медицинских работников, относятся сотрудники полиции, спасатели, пожарники и др. Так, полиция, согласно Закону РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», обязана оказывать помощь гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также находящимся в беспомощном либо ином состоянии, опасном для их здоровья и жизни (п. 3 ч. 1 ст. 12).

В соответствии с Федеральным законом от 22.08.1995 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» спасатели обязаны «активно вести поиск пострадавших, принимать меры по их спасению, оказывать им первую медицинскую и другие виды помощи» (п. 1 ст. 27). Следовательно, субъект такого преступления, как неоказание помощи больному, может быть как медицинским работником, так и другим лицом, на которое возложена обязанность оказания первой медицинской помощи больным (пострадавшим). Однако в судебной практике чаще других встречаются случаи неоказания помощи со стороны именно медицинских работников. Это объясняется тем, что для медицинских работников лечебная деятельность – основная профессиональная функция, которую они исполняют надлежащим или ненадлежащим образом, а для спасателей, сотрудников полиции и пожарных служб – дополнительная, не основная.

В следственно-судебной практике нередко возникают трудности отграничения должностных функций медицинских работников от их сугубо профессиональных функций. Так, профессор М.Д. Шаргородский отмечал, что «медицинские работники должны нести ответственность за преступления, повлекшие тяжкие последствия для потерпевшего, по статьям о преступлениях против жизни и здоровья, а не за должностные преступления» [6]. Сходное мнение по этому поводу высказывал и доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Дальневосточного университета П.С. Дагель: «Ответственность за причинение вреда жизни и здоровью в результате неправильного лечения должна наступать за соответствующие преступления против жизни и здоровья» [3].

В специальной литературе встречается мнение о том, что любой врач обладает статусом должностного лица. Так, с точки зрения профессора А.К. Квицини, «любой врач, работающий в медицинском учреждении, является должностным лицом, а чисто профессиональная деятельность, хотя и не порождает прямо юридических последствий и не связана с организационно-распорядительными функциями, однако неотделима от статуса советского медицинского работника» [4]. Эта позиция подтверждалась судебной практикой советского периода. По одному делу хирург был осужден за халатность в связи с тем, что при оказании помощи пострадавшей не ввел ей необходимую в таких случаях противостолбнячную сыворотку. В результате больная погибла от развившегося столбняка.

Если обратиться к УК РФ, то, согласно примечанию 1 к ст. 285 УК РФ, должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях. В юридической литературе это определение конкретизируется применительно к медицинской сфере. На этот счет профессор Г.С. Стеценко отмечает, что «под должностным лицом в сфере медицинской деятельности следует понимать лицо, обладающее властными полномочиями в сфере медицинской деятельности, осуществляющее организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в органах управления здравоохранением, лечебно-профилактических, санитарно-гигиенических и других учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения» [5].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что отдельные медицинские работники являются должностными лицами в силу своего статуса, поскольку руководят определенным участком, отделением, подразделением медицинского учреждения (главный врач, заведующий отделением, их заместители). Им свойственны организационно-распорядительные функции. Главный врач, например, принимает на работу и увольняет медицинских работников и иной персонал, контролирует соблюдение ими трудовой дисциплины, решает вопросы поощрения сотрудников, применяет дисциплинарные меры. При этом он, как правило, исполняет и свои профессиональные функции, будучи практикующим врачом.

Таким образом, очень важным является вопрос об определении статуса медицинского работника (является он должностным лицом или нет) и четком отграничении его должностных функций от сугубо профессиональных. От надлежащего поведения медицинского работника в профессиональной сфере зависит соблюдение наиболее важных конституционных прав гражданина России – права на жизнь и права на здоровье, невыполнение или ненадлежащее выполнение медицинским работником своих профессиональных функций способно причинить вред различной степени тяжести как отдельному человеку, так и интересам общества и государства. Поэтому в данном случае считаем необходимым объединение совместных усилий правоохранительных органов и экспертных служб для объективной юридической квалификации дефектов оказания медицинской помощи и организации соответствующего контроля соблюдения прав пациентов на всех этапах оказания медицинской помощи.

Литература и примечания:

- [1] Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996. № 25. Ст. 2954.
- [2] ФЗ РФ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 263. 23.11.2011.
- [3] Дагель П.С. Об уголовной ответственности врачей // Советская юстиция. 1951. № 19. С. 13-14.
- [4] Квициния А.К. Взятничество и борьба с ним. Сухуми, 1980. С. 154.
- [5] Стеценко Г.С. Медицинское право. СПб., 2004. С. 320.
- [6] Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947.

© Д.С. Кассихина, А.В. Карягина, 2014

А.Н. Климова

*РГУ имени С.А. Есенина,
г. Рязань*

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА С ИНЫМИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМИ ПРИНЦИПАМИ

Выявлению правовой сущности принципа свободы договора способствует соотношение его со сходными правовыми явлениями, прежде всего, с иными гражданско-правовыми принципами. Тем самым возможно определение его места в системе данных принципов.

Исходя из содержания п. 1 ст. 1 ГК РФ, можно выделить следующие основные начала гражданского законодательства: равенство участников имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений; неприкосновенность собственности; свобода договора; недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела; необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав; обеспечение восстановления нарушенных прав и их судебная защита.

Относительно количества и формулировок принципов гражданского права среди ученых-цивилистов нет полного единства, хотя в большинстве случаев называемые ими принципы совпадают. Совершенно права в данном случае О.А. Кузнецова, предлагая заменить «проблему перечня принципов гражданского права» «проблемой их систематизации» [1].

Что касается рассматриваемого нами принципа свободы договора, то некоторые ученые вообще его специально не выделяют, а включают в содержание принципа диспозитивности и инициативы участников гражданских правоотношений. На наш взгляд, данное мнение не вполне обоснованно, и в подобной ситуации разумно воспользоваться предложением Ю.Х. Калмыкова о том, что при установлении перечня принципов гражданского права нужно руководствоваться прежде всего указаниями на этот счет в самом законе [2].

Все принципы гражданского права тесно связаны между собой. Свобода договора превратится в фикцию, если другие принципы не будут реализованы в гражданском законодательстве и практике его применения. Поэтому для раскрытия правовой сути принципа свободы договора необходимо определить

аспекты взаимодействия его с другими принципами гражданского права. На необходимость системного подхода при изучении основных начал гражданского законодательства указывает и Н.Л. Бондаренко, предлагая сосредоточить основное внимание на структуре данной системы, особенностях входящих в нее элементов, наличии или отсутствии объединяющих эти элементы связей, поисках системообразующего критерия. Именно методология системного подхода, по его мнению, позволяет оценивать взаимозависимость и взаимодействие принципов гражданского права [3].

Говоря о взаимодействии принципа свободы договора и принципа равенства участников регулируемых гражданским законодательством отношений, следует подчеркнуть, что гражданско-правовой принцип равенства основывается на одноименном общеправовом принципе (ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, ч.1 ст. 19 Конституции РФ). В гражданском праве он приобретает самостоятельное значение. Равенство участников гражданского оборота является основным признаком гражданских правоотношений, в связи с чем оно закреплено в качестве принципа отрасли.

В договорных отношениях более всего проявляется взаимосвязь рассматриваемых принципов. Стороны вступают в договорные отношения, лишь обладая необходимыми контрагентам качествами – свободой и равенством.

Что касается связи принципа свободы договора и принципа неприкосновенности собственности, то здесь следует иметь в виду следующее. Принцип неприкосновенности собственности основывается на закрепленном в п. 3 ст. 35 Конституции РФ принципе: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Таким образом, принудительное изъятие имущества у лица допускается лишь по решению суда. Поэтому собственник, будучи убежденным в неприкосновенности своей собственности, может по своему усмотрению распорядиться имуществом.

Существование принципа свободы договора и его реализация невозможны в условиях отсутствия принципа неприкосновенности собственности. Конечно, это относится лишь к договорам, связанным с распоряжением собственником своим имуществом. На договоры о выполнении работ или оказании услуг принцип неприкосновенности собственности оказывает лишь косвенное воздействие. Взаимодействие и взаимовлияние двух данных принципов наиболее адекватно подчеркнул Е.А. Васильев, анализируя гражданское законодательство зарубежных государств: «...провозглашая принцип свободы договора, законодатель создавал правовую базу свободной реализации прав собственника» [4].

Между принципом свободы договора и принципом недопустимости вмешательства в частные дела также существует связь, основанная на том, что они оба являются проявлением такого элемента гражданско-правового регулирования общественных отношений, как автономия воли. Отсутствие произвола со стороны участников правовых отношений, наделенных какими-либо властными полномочиями, определяет возможность действительной реализации принципа свободы договора. Лишь неправомерные действия субъектов могут привести к вмешательству в их частные дела государственных органов и их должностных лиц.

Взаимозависимость принципа свободы договора и принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав можно представить как отношение частного к общему. Данная взаимосвязь проявляется в том, что

беспрепятственное осуществление гражданских прав в гражданско-правовых отношениях вообще реализуется в договорных отношениях в форме свободы договора. Данные принципы взаимосвязаны, имеют грани соприкосновения, но не пересекаются – каждый из них имеет свое содержание.

Что касается принципа свободы договора и принципа судебной защиты нарушенных прав, то в соответствии с ч. 1 ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Гражданско-правовым воплощением данного правила является установление в ст. 1 ГК РФ принципа судебной защиты нарушенных прав, развитие которого представлено в ст. 11 ГК РФ, устанавливающей, что, по общему правилу, защиту нарушенных или оспоренных прав осуществляет суд. Данный принцип стал одним из проявлений правовой реформы в России. Значение его для договорных отношений трудно переоценить, так как только независимый от контрагентов суд может объективно рассмотреть возникающие споры между участниками договорных отношений.

Таким образом, принципы гражданского права отражают существенные стороны и связи предмета и метода гражданско-правового регулирования и тем самым становятся руководящими идеями и основополагающими началами в процессе формирования и развития гражданско-правовой активности. Соответственно, без признания иных гражданско-правовых начал не может существовать и принцип свободы договора.

Литература и примечания:

- [1] Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 62.
- [2] Калмыков Ю.Х. Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1980. № 3. С. 70.
- [3] Бондаренко Н.Л. Современный методологический подход к исследованию принципов гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4. С. 308.
- [4] Гражданское и торговое право капиталистических государств / Под ред. Е.А. Васильева. М., 1993. С. 22.

© А.Н. Климова, 2014

***Д.А. Кобзарева,
О.В. Костина,***

*Юридический институт НИУ «БелГУ»,
г. Белгород*

ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АДВОКАТА И КОНФЛИКТУЮЩИХ СТОРОН

В соответствии с п. 4 ст. 11 Федерального закона от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ [1] лица, которые осуществляют деятельность по урегулированию спорных ситуаций, также вправе осуществлять любую иную не запрещенную действующим законодательством Российской Федерации деятельность. Кроме того, согласно п. 1 ст. 11 Кодекса профессиональной этики [2], адвокат не вправе

осуществлять деятельность советника, защитника или представителя нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а вправе лишь оказывать содействие в примирении сторон [3]. Данного рода обстоятельство означает, что адвокат может принимать участие в процедуре медиации, тем самым способствуя примирению сторон не в качестве представителя одной из сторон, а как независимый посредник обеих сторон.

Основной задачей адвоката является построение своего речевого замысла, в котором раскрываются значимые кластеры спора. Нельзя не отметить и тот факт, что на данном этапе важна реакция конфликтующих сторон, которая указывает на восприятие сторонами вышеизложенного.

На основании п. 5 ст. 11 Закона о медиации [4] медиатор не вправе вносить предложения по урегулированию спора, если конфликтующие стороны не договорились об ином. Основываясь на данного рода обстоятельствах, можно сделать вывод о том, что внутреннее содержание дискуссии определяется конфликтующими сторонами, а что же касается формы и хода ее, то данные кластеры находятся в руках лица, выступающего посредником, ответственного за оптимальность дискуссии, упорядоченность коммуникации.

Как правило, существует определенный момент, с наступлением которого адвокат имеет право прекратить беседу или начать свой «спич». Нельзя не согласиться с мнением Х. Бесемера, который считает, что такими моментами являются следующие: «Препирательства, ведущие в тупик, следует прерывать, дополнять, конкретизировать; на первом плане – «здесь и сейчас»; на втором плане – сопротивления и помехи. Во время выяснения точек зрения оппоненты в споре получают возможность связно представить свое видение конфликта, эмоционально освободиться. Из этого следует тот факт, что адвокат должен быть директивным, но не авторитарным; исключить доминацию; прервать одну из конфликтующих сторон, если ее время для выражения своей точки зрения закончилось. В распоряжении медиатора достаточное количество времени для более глубокого изучения поведения конфликтующих сторон, их мотивации. Задачей же медиатора является создание условий для более полного выражения каждой из сторон своего мнения, вопросно-ответных диалогов. Адвокат не имеет права направлять изложение событий в определенной последовательности для проверки некоторых известных фактов. Более того, будет правильным, если адвокат ознакомит стороны с такими приемами, как отражение или перефразирование. Также медиатор может перевести высказывания, дающие оценку или обвиняющие, в нейтральные» [5].

Как правило, во время беседы преобладают чувства, не поддающиеся аргументации, которые приходится принимать. Сделать более мягкими выражения в ситуации повышенной эмоциональности помогают высказывания с использованием «Я» вместо «Ты».

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что техника отражения дает возможность адвокату: уменьшить степень напряженности в определенный момент; смягчить выражения.

Мы согласны с мнением Х. Бесемера о том, что коммуникативная деятельность адвоката на этапе прояснения конфликта заключается в следующем: опрос сторон по отдельным проблемам, начиная с простой или неотложной; выяснение не называвшихся до сих пор интересов и скрытых причин; установление непосредственно общения сторон; выяснение реакции другой стороны [6].

Итак, обращаясь собственно к стадии медиативного процесса, в ходе которой конфликтующие стороны выдвигают предложения по урегулированию своего конфликта, следует отметить, что одна сторона, как правило, может инициировать вопрос: «Какие шаги мы предпримем в данной ситуации?», вторая предлагает варианты решения, на что первая соглашается после нескольких озвученных вариантов. В данном случае адвокату следует обозначить определенные правила построения диалога, прежде чем конфликтующие стороны перейдут к стадии непосредственного обмена мнениями по вопросам своей спорной ситуации.

Резюмируя вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что фразы и обороты речи, которые стороны используют при построении своих монологов, диалогов, являются прямыми указателями, на каком уровне эскалация конфликта; готовы или не готовы стороны к конструктивному диалогу и урегулированию спора. Адвокату, выступающему медиатором, нужно не только применять технику отражения, перефразирования, но и сделать процесс принятия взаимовыгодного решения более конструктивным [7].

Литература и примечания:

[1,2] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2013) // Российская газета. № 168 от 30.07.2010 г.

[3,4] Кодекс профессиональной этики адвоката (принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 22.04.2013) // Российская газета. № 222 от 05.10.2005 г.

[5] Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах. Учебник [Текст]. Калуга, 2004. С. 44.

[6] Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах. Учебник [Текст]. Калуга, 2004. С. 59.

[7] Иванова Е.Н. Коммуникативные инструменты конфликтолога. Учебник [Текст]. СПб., 2008. С. 124-125.

© Д.А. Кобзарева, О.В. Костина, 2014

**С.И. Колбасин,
О.Б. Волкова,**
филиал НОУ ВПО «МИПП»,
г. Новосибирск

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Конституция РФ (ст. 19) гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной

принадлежности.

На протяжении последних лет в России проблемы защиты прав работника, в том числе от дискриминации, решаются весьма сложно.

Конституция РФ (ст. 2) провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью. Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства.

Трудовой кодекс РФ выделяет запрещение дискриминации в сфере труда в отдельную статью [1]. Этим подчеркивается значение одного из основополагающих принципов трудового права – недопущение дискриминации в области труда и занятий, закрепленного в Декларации МОТ об основополагающих принципах и правах в сфере труда [2].

Дискриминацией является ограничение или лишение прав определенной категории граждан по какому-либо признаку, не оговоренному в соответствующем нормативном акте. Дискриминацией является и предоставление необоснованных льгот, преимуществ отдельным лицам или категориям граждан.

Запрещение дискриминации в сфере труда направлено на то, чтобы все граждане имели равные возможности в осуществлении своих способностей к труду. Способы защиты от дискриминации служат обращения в органы системы федеральной инспекции труда и в суд с требованием устранить дискриминацию.

Конституционный суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что федеральный законодатель должен исходить из конституционных принципов справедливости и равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе независимо от профессиональной принадлежности, должностного положения этих лиц и соответственно от уровня их заработной платы [3].

В настоящее время на практике выявляется ряд проблем, связанных с реализацией вышеуказанных положений. Статья 2 Трудового кодекса, конкретизируя положения Конституции о юридическом равенстве (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ), закрепила принцип равенства прав и возможностей всех работников и указала на обеспечение равенства возможностей без всякой дискриминации. Соблюдение принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания [4]. Этот правовой императив предполагает создание надлежащих правовых гарантий в действующем законодательстве. Такие гарантии закреплены в различных статьях Трудового кодекса. Однако возникает проблема действенности и эффективности этих гарантий: статья 64 ТК РФ закрепила, что запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора. Установление прямых или косвенных ограничений или преимуществ, которые не связаны с деловыми качествами работников, не допускается, за исключением случаев, установленных законом.

К сожалению, практика пока далека от этих требований. Об этом можно судить по содержанию объявлений о приеме на работу, публикуемых в средствах массовой информации, в том числе специальных изданиях, посвященных поиску работы, и имеющимся на рынке труда вакансиям. В них требования к желающим поступить на работу устанавливаются по полу, возрасту, месту жительства, наличию регистрации в данной местности и другим дискриминационным основаниям. Конечно, возникает соблазн законодательно запретить подобные

публикации. Думается, что проблема неравного подхода в подборе персонала таким образом не решится, т.к., встречаясь лицом к лицу с работодателем, работник по надуманному основанию все равно не получит желаемую работу [5].

Комитет конституционного надзора СССР принял заключение «О положениях законодательства, ограничивающих равенство возможностей граждан в области труда и занятий», в котором указал, что действующее законодательство в области труда и занятий, в том числе и РСФСР, еще не в полной мере отвечает принципам антидискриминационной политики, не во всех случаях обеспечивает социально справедливую дифференциацию норм о труде. Оно содержит пробелы и недостатки, что приводит к явному или скрытому нарушению равенства возможностей при реализации прав человека в сфере труда [6].

Данный вывод актуален и в настоящее время, в особенности в том, что касается равенства возможностей на рынке труда работающих женщин, молодых специалистов, да и молодежи в целом, инвалидов, лиц старше 45-50 лет. Так, ситуация с состоянием прав женщин, в том числе и в области трудовых отношений, обусловила необходимость разработки и принятия Концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 8.01.1996 г. № 6 [7]. Основная идея Концепции заключается в том, что полное и равноправное участие женщин в политической, экономической, социальной и культурной жизни на федеральном, региональном и международном уровнях должно стать главной целью государственной политики в области улучшения положения женщин в России [8].

Конституционный суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно отмечал, что принцип равенства не препятствует законодателю при осуществлении правового регулирования трудовых отношений устанавливать различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по условиям и роду деятельности категориям (в том числе вводить особые правила, касающиеся условий замещения отдельных должностей и оснований освобождения от должности). Эти различия должны быть объективно оправданными, обоснованными и соответствовать конституционно значимым целям и требованиям [9].

В соответствии с Конституцией РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены, но только в тех случаях, которые прямо указаны в части 3 статьи 55, причем перечень является закрытым. Так, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Конкретизируя данное положение, трудовое законодательство указывает на то, что любые ограничения возможны в силу свойственных данному виду труда требований и обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите. Поэтому Конституционный суд неоднократно указывал на допустимость существования законодательно установленных критериев допуска к определенному виду деятельности [10].

В Российской Федерации на законодательном уровне заложены основы равного конституционного права на труд, которые в той или иной степени выражают демократическую сущность российской государственности и способствуют утверждению экономической свободы личности. Конституция, ограничивая роль государства в трудовых отношениях, ориентирует каждого на свободно и добровольно избранный труд, отвечающий требованиям

международных стандартов в сфере труда.

Литература и примечания:

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. №197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

[2] Конвенция № 111 Международной организации труда «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXII. М., 1967. С. 421-424.

[3] Постановление Конституционного суда РФ от 19.06.2002 г. №11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Российская газета. 2002. 2 июля.

[4] Решение Новосибирского районного суда от 17 ноября 2010 г. по делу № 2-1976/2010 // Архив Новосибирского районного суда. 2010.

[5] Борисов О.В., Снежко О.А. Проблемы реализации конституционного принципа равенства в сфере труда // Юрист. 2006. № 3. С. 24.

[6] Заключение Комитета конституционного надзора СССР от 4 апреля 1991 г. «О положениях законодательства, ограничивающих равенство возможностей граждан в области труда и занятий» // ВВС СССР. 1991. № 17. Ст. 501.

[7] Постановление Правительства РФ от 8 января 1996 г. № 6 «Концепция улучшения положения женщин в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 185.

[8] Борисов О.В., Снежко О.А. Проблемы реализации конституционного принципа равенства в сфере труда // Юрист. 2006. № 3. С. 25.

[9] Определение Конституционного суда РФ от 8 июля 2004 г. №235-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Межмала Сергея Леонидовича на нарушение конституционных прав пунктом 2 статьи 278 Трудового кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». 2014.

[10] Определение Конституционного суда РФ от 25 марта 1999 г. № 41-0 и определение Конституционного суда РФ от 5 июля 2001 г. №134-0; Определение Конституционного суда РФ от 14 января 2003 г. № 32-0 // СЗ РФ. 2003. № 12. Ст. 1175.

© С.И. Колбасин, О.Б. Волкова, 2014

***В.О. Косенко,
А.В. Новоселов,
КубГАУ,
г. Краснодар***

**ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ
РЕЙДЕРСКОГО ЗАХВАТА**

В наше время конфликты, связанные с рейдерством и защитой бизнеса от рейдерских захватов, приобретают все большую остроту и становятся предметом

внимания общественности. Эти обстоятельства связаны с кризисными явлениями и в мировой, и в отечественной экономике, что приводит к приращению собственных активов за счет потопления конкурентов.

Тема нашего исследования представляет интерес в связи с тем, что, во-первых, понятие «рейдерство» в РФ не имеет легального законодательного закрепления, между тем в деловом обороте им оперируют достаточно часто, во-вторых, единой статистики по количеству рейдерских захватов в России нет, что затрудняет процесс отслеживания данных неправомερных действий. Но при этом, по словам экспертов, ежегодно в России фиксируется свыше 60 тыс. рейдерских атак, в результате которых разрушаются стратегические предприятия, банкротятся эффективные производства, снижается инвестиционная привлекательность целых отраслей экономики. При этом давление рейдеров на бизнес ежегодно отнимает у страны около 1% экономического роста.

Рейдерство определяется как недружественное поглощение предприятия против воли его собственника или акционера, имеющего преимущественное положение на данном предприятии. Процесс, сопряженный с рейдерством, называется «рейдерский захват».

Главной целью рейдера является установление контроля над предприятием, а затем выведение его активов из владения законных собственников и перепродажа (передача) их третьим лицам. При этом активы, как правило, делятся и распродаются по частям. Сменив несколько подставных, так называемых, добросовестных приобретателей, актив теряет прямую связь с рейдерами, отобравшими его у первоначальных владельцев, и может перейти на законных основаниях к заказчику рейдерского захвата.

Объектами рейдерских захватов становятся различные по организационно-правовой форме, видам деятельности, доходности и масштабам предприятия. Интерес захватчиков привлекают как крупный бизнес, так и средние и малые предприятия. Большинство захватов происходит, как правило, в Москве и Санкт-Петербурге, но участились случаи рейдерских захватов и в других регионах. Жертвами рейдеров становятся как небольшие компании, так и крупные предприятия [1]. Поэтому на сегодняшний день ни одна компания не может себя чувствовать полностью защищенной.

Большинство авторов понимают «рейдерский захват» как уголовно наказуемое деяние, которое может включать в себя такие преступления, как подкуп, убийство, подделка документов, захват здания и т.п. Ведь любой рейдерский захват может вобрать в себя все известные составы преступлений, но так и не дать ответа на вопрос: а был ли захват или это только уголовные преступления. Однако мы придерживаемся позиции тех авторов, которые считают, что рейдерский захват надлежит рассматривать с точки зрения гражданского, налогового, финансового, банковского и процессуального права, а также экономических категорий. Таким образом, рейдерский захват – это целый комплекс действий, событий, сделок и иных правовых отношений, прямо или косвенно направленных на присвоение предприятий, собственности, акций (долей) и иных активов третьих лиц.

Практике известно огромное количество методов, при помощи которых осуществляются рейдерские захваты. Самыми распространенными из них являются: скупка акций у мелких акционеров и формирование контрольного пакета; инициация большого количества судебных разбирательств, которые направлены на то, чтобы парализовать деятельность предприятия; подделка и

внесение изменений в учредительные документы; искусственное формирование долга компании с последующим ее банкротством; скупка долговых обязательств предприятия; публикация негативных материалов в СМИ; организация многочисленных проверок со стороны контролирующих организаций и правоохранительных органов; получение незаконным путем в контролирующих, регистрационных и налоговых органах документов о предприятии, акциях, имуществе и т.п.; захват предприятия силами судебных приставов-исполнителей и другие.

Одним из самых распространенных способов рейдерских захватов является преднамеренное банкротство.

Преднамеренное банкротство – совершение действий (бездействий), заведомо влекущих неспособность юридического лица или индивидуального предпринимателя в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и/или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [2].

Почти треть всех дел о банкротстве, по оценкам экспертов, являются заказными, то есть противозаконными, и завершаются чаще всего переделом собственности.

Существует несколько вариантов развития рейдерского захвата путем преднамеренного банкротства.

Вариант 1. Действия, влекущие преднамеренное банкротство, совершаются, как правило, путем растраты должником его имущества и имущества, которое предоставляется ему другими лицами. Имущество выбывает безвозвратно из владения виновного из-за заведомо несостоятельного ведения дел. Данная ситуация может появиться в результате продажи по заниженным ценам имущества и других убыточных для предприятия сделок, не планируемых расходов, заведомо невыгодного использования кредитов.

Вариант 2. Рейдеры приобретают (скупают) долги компании, наращивают кредиторскую задолженность, а потом инициируют дело о признании компании банкротом. Затем назначается арбитражный управляющий, который действует в сговоре с рейдерами. Также возможно предъявление к должнику необоснованных требований. И, наконец, рейдеры получают имущество должника за минимальную цену, а в дальнейшем активы компании легально реализовываются заинтересованным лицам.

Современные рейдерские захваты носят взвешенный, цивилизованный, просчитанный и скрытый характер, маскируясь под различными совершенно законными процедурами. При этом совершенствование законодательства, ужесточение норм Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» приводит к несостоятельности одних методов рейдерских захватов, но к появлению абсолютно новых, более совершенных.

Рейдерство считается очень выгодным бизнесом, со всеми атрибутами: планированием, своим бюджетом, разделением труда, нормой прибыли. Высокие доходы привлекают в этот бизнес профессионалов высокого класса – госслужащих, юристов, специалистов в области безопасности, силовиков. Обязательно наличие специалистов в различных отраслях права, которые знают лазейки в законодательстве и помогают уйти от ответственности.

В заключение хотелось бы отметить, что сколько бы ни существовало способов борьбы с незаконными захватами собственности, но проблему рейдерства невозможно искоренить в принципе. Эксперты считают, что сколько

существует и будет существовать такое понятие, как «собственность», столько же существовали и будут существовать заинтересованные лица, претендующие на нее, порой незаконными методами.

Поэтому универсальной системы защиты от захвата бизнеса не создать. Предприятия должны сами разрабатывать конкретные меры по защите от рейдерских захватов, соответственно, вести работу сразу по нескольким направлениям. А государство, в свою очередь, должно разрабатывать более действенные меры по борьбе с таким явлением, как «рейдерство».

Литература и примечания:

- [1] <http://новое-тв.рф/index.php/politika/1105-rejderstvo-v-rossii>.
[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 24.11.2014) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

© В.О. Косенко, А.В. Новоселов, 2014

***О.В. Косицына,
Н.Н. Давыдова,
ЮИПА СЮАП
г. Саратов***

АКТУАЛЬНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ИСТЦА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Каково значение гражданского истца в уголовном процессе в наше время? Какова роль этого института в данной отрасли, когда существует смежная и совершенно самостоятельная отрасль цивилистики и гражданского процесса?

Как следует из пункта первого ст. 54 УПК РФ, под гражданским истцом в уголовном процессе понимается гражданин, учреждение, предприятие или организация, понесшие материальный ущерб от преступления и предъявившие требование о его возмещении в порядке, установленном законом. Чтобы стать участником уголовного процесса, лицо, которому причинен материальный ущерб преступлением, должно быть признано в качестве гражданского истца определением суда или постановлением судьи, следователя или лица, производящего дознание. Указанный институт появился в России сравнительно недавно, после проведения Судебной реформы 1864 года, когда был принят Устав уголовного судопроизводства [1]. И только в 1994 году было разъяснено в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации, что при производстве по уголовному делу применительно к ст. 29 УПК РФ потерпевший вправе предъявить гражданский иск о компенсации морального вреда [2].

Факт, что если потерпевшим гражданин может быть признан независимо от своего волеизъявления, то гражданским истцом он либо юридическое лицо могут стать только в случае заявления соответствующих требований. Но требуются особые основания для признания лица гражданским истцом, а именно данные о причинении ему непосредственно преступлением материального, а также морального вреда. В свою очередь, лицу, которое понесло материальный и моральный вред от преступления, должно быть разъяснено право на предъявление гражданского иска (статья 44 УПК РФ). Разъяснение такого права

является обязанностью дознавателя и следователя при производстве по уголовному делу.

Как правило, решение о признании гражданским истцом оформляется соответствующим процессуальным документом либо постановлением дознавателя, следователя или судьи. При этом должны быть указаны конкретные действия, которыми был причинен вред, характер вреда, размер вреда, если речь идет о моральном вреде. Решение о признании гражданским истцом принимается только при наличии в материалах уголовного дела доказательств, свидетельствующих о причинении непосредственно преступлением материального или морального вреда.

Если исковые требования заявлены о компенсации морального вреда, то в постановлении указывается, в чем конкретно выразились нравственные и физические страдания, сумма, которой заявитель желает компенсировать причиненный моральный вред. Также могут быть указаны те обстоятельства и особенности личности, которые свидетельствуют о тяжести перенесенных страданий [3].

Суд в данном случае может действовать только в рамках заявленных требований, то есть если лицо предъявляет требование только о возмещении материального вреда, причиненного преступлением, и по этому основанию признается гражданским истцом, то суд не вправе принять решение о компенсации морального вреда.

Появление в деле гражданского истца допустимо уже тогда, когда размер понесенного им ущерба еще точно не определен (исчислен лишь приблизительно), а лицо, совершившее преступление, пока неизвестно. Однако следует отметить, что даже при несоответствии требованиям ст. 131 ГПК РФ орган расследования не может оставить заявление гражданского истца без рассмотрения.

Гражданский иск о возмещении (компенсации) вреда, причиненного преступлением, подлежит рассмотрению в уголовном деле в том случае, если вред: а) причинен преступлением; б) является непосредственным результатом преступления; в) является по своему характеру материальным (имущественным) или моральным.

В комплексе прав гражданского иска особое место принадлежит праву просить орган дознания, следователя и суд о принятии мер обеспечения гражданского иска и праву поддерживать гражданский иск. Просьба или ходатайство о принятии мер обеспечения гражданского иска могут быть заявлены одновременно с требованием о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда. Мерой обеспечения гражданского иска в уголовном процессе является наложение ареста на имущество. Принятие мер по обеспечению заявленного или возможного в будущем гражданского иска является обязанностью лица, производящего дознание, и следователя.

Гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, может разрешаться как в рамках уголовного процесса (ст. 44 УПК РФ), так и в порядке гражданского судопроизводства (ч. 3 ст. 31 ГПК РФ). Применение различных сроков пересмотра вступивших в законную силу судебных решений приводило бы к тому, что правовое положение гражданского истца и гражданского ответчика менялось бы в зависимости от того, в каком порядке гражданского или уголовного судопроизводства разрешается гражданский иск.

К примеру, за 2012 год в Сыктывкарском городском суде Республики

Коми в рамках уголовного дела было рассмотрено 235 гражданских исков, из них: 199 – удовлетворены, 34 – удовлетворены частично, 2 – оставлены без рассмотрения; рассмотрено 21 гражданское дело по искам о возмещении вреда, причиненного преступлением, из них: 12 – удовлетворены, 5 – удовлетворены частично, 1 – оставлено без удовлетворения, 1 – оставлено без рассмотрения, 1 – производство по делу прекращено, 1 – передано по подсудности.

За 2013 год в рамках уголовного дела было рассмотрено 226 гражданских исков, из них: 189 – удовлетворены, 35 – удовлетворены частично, 2 – оставлены без удовлетворения; рассмотрено 27 гражданских дел по искам о возмещении вреда, причиненного преступлением, из них: 11 – удовлетворены, 7 – удовлетворены частично, 2 – оставлены без удовлетворения, 3 – оставлены без рассмотрения, 2 – производство по делу прекращено, 2 – переданы по подведомственности.

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод о небольшой тенденции увеличения рассмотрения гражданских дел, связанных с исками о возмещении вреда, причиненного преступлениями, и снижения рассмотрения гражданских исков, рассматриваемых в рамках уголовного дела.

Однако при рассмотрении исков, подаваемых в порядке гражданского судопроизводства, существует большой риск оставления заявления без рассмотрения, передачи дела в связи с неподведомственностью, неподсудностью. При этом также именно при рассмотрении гражданских дел заключается большинство мировых соглашений, споры урегулируются в досудебном порядке, в результате чего истцы либо отказываются от своих требований, либо производство по делу прекращается в связи с утверждением мирового соглашения судом. Данные положения предусмотрены статьями 173, 220, 221 ГПК РФ.

Можно предположить, что при пересмотре вступивших в законную силу судебных решений в связи с необходимостью увеличения размера взыскания гражданский ответчик по уголовному делу оказывался бы в значительно худшем положении, чем лицо, к которому иск предъявлен в порядке гражданского судопроизводства. Связано это с тем, что в первом случае пересмотр судебных решений допустим в течение целого года (ч. 2 ст. 405 УПК РФ), тогда как во втором – обжалование возможно в течение всего лишь шести месяцев (ч. 2 ст. 376 ГПК РФ).

Одной из проблем института гражданского иска в уголовном процессе является и то, что реализация предоставленных гражданскому истцу и его представителю прав в рамках действующего УПК в ряде случаев затруднена. Так, п. 3 ч. 4 ст. 44 УПК РФ предоставляет гражданскому истцу право давать объяснения по предъявленному иску, а п. 5 ч. 4 ст. 44 УПК РФ – право давать показания и объяснения в соответствии с принципом национального языка. Согласно ч. 3 ст. 45 УПК РФ, указанными процессуальными правами пользуются законные представители и представители гражданского истца.

Само производство следственных действий, производимых с участием данных участников уголовного судопроизводства, необходимо в целях доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ).

Гражданский истец и гражданский ответчик наделены правом давать объяснения и показания по поводу гражданского иска (соответственно ч. 4 статьи 44 и ч. 2 статьи 54). В пункте 7 части четвертой статьи 44 УПК указано, что «при

согласии гражданского истца дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу». Аналогично об этом сказано в пункте 4 части второй статьи 54 УПК РФ. Однако по непонятным причинам показания гражданского истца и гражданского ответчика не включены в содержание части второй ст. 74. Но сведения по поводу гражданского иска, содержащиеся в показаниях гражданского истца и гражданского ответчика, являются нередко единственными доказательствами по вопросам гражданского иска (речь идет о случаях, когда потерпевший и гражданский истец, обвиняемый и гражданский ответчик в уголовном процессе – разные лица). Получилось так, что в статьях 44 и 54 УПК РФ законодатель говорит о том, что показания этих участников могут быть использованы в качестве доказательств, а в статье 74 их не называет, и, таким образом, сведения, полученные из показаний гражданского истца и гражданского ответчика, в силу статьи 75 УПК РФ будут являться недопустимыми доказательствами, поскольку получены из неуказанных в законе источников. Кроме того, в законе не говорится, в качестве кого должны быть допрошены по делу гражданский истец и гражданский ответчик, на каком бланке протокола допроса. Ведь на бланке протокола допроса свидетеля этого делать нельзя, так же как и на других бланках протоколов допроса.

Затрудняет предварительное расследование по уголовным делам и отсутствие типового бланка протокола допроса представителя гражданского истца [4].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что, безусловно, существуют определенные проблемы при слиянии двух институтов права и включении института гражданского иска в уголовный процесс. Однако, как показывает практика, одно вытекает из другого при наличии определенных факторов и обстоятельств, а именно наличия материального ущерба и причинении морального вреда. И со временем, с развитием законодательства, все проблемы, присущие гражданскому истцу и в целом институту иска в уголовном процессе, будут постепенно разрешаться.

Литература и примечания:

[1] Дубровин В.В. Из истории развития правового регулирования института гражданского иска в уголовном процессе России // История государства и права. 2009. № 4. С. 3-5.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Российская газета. № 29. 08.02.1995.

[3] Понятие и процессуальное положение гражданского иска в уголовном процессе / С.Б. Нхай // Юридический мир. 2008. С.12-23.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс РФ. М: ЭКСМО, 2014.

[5] Процессуальная функция поддержания гражданского иска и защиты от него и ее развитие в ходе досудебного производства по уголовным делам / И. Антонов, Д. Берова. В. Горленко // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 3. С. 26-28.

© О.В. Косицына, Н.Н. Давыдова, 2014

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РФ

ГПК РФ термин «злоупотребление процессуальными правами», в отличие от АПК РФ, не использует. Но из смысла ряда норм ГПК РФ необходимость воздерживаться от злоупотреблений процессуальными правами все же усматривается. Статья 35 ГПК РФ определяет, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Исходя из смысла понятия добросовестности, можно сделать вывод, что им также предусматривается и воздержание от злоупотребления правом.

Такие злоупотребления возникают и в результате нарушений принципов гражданского процесса. Они имеют место при рассмотрении споров о разделе совместно нажитого имущества, при определении места жительства ребенка, при определении порядка общения с ребенком, по делам об установлении отцовства и т.д.

Некоторые авторы отмечают, что нарушение принципа состязательности, как правило, и становится поводом для процессуальных злоупотреблений со стороны истца [1]. Можно выделить следующие виды злоупотребления: истец не указывает в иске конкретный способ защиты права, ненадлежащий способ защиты права или указывает несколько взаимоисключающих способов защиты права.

Вместе с тем истец может специально требовать в иске применения ненадлежащего способа защиты права, для того чтобы не претерпевать негативные последствия, надеясь, что ответчик не сможет предъявить возражений против ненадлежащего способа защиты.

Если проанализировать действующее законодательство и судебную практику, то можно выделить некоторые наиболее встречающиеся направления злоупотребления правом:

- злоупотребление правом на подачу иска;
- злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в процессе;
- злоупотребление правом на подачу ходатайств;
- злоупотребление правом на обоснование своей позиции по делу;
- неисполнение процессуальных обязанностей.

АПК РФ установлено, что злоупотребление процессуальными правами влечет неблагоприятные последствия для лиц, злоупотребляющих своими процессуальными правами.

АПК РФ может явиться одним из главных источников по реформированию гражданского процессуального законодательства в части предотвращения процессуальных злоупотреблений участников процесса.

Приведем ряд примеров возможных заимствований из действующего арбитражного процессуального законодательства.

Согласно части 2 статьи 111 АПК РФ, арбитражный суд вправе отнести все расходы по делу на сторону, которая злоупотребляет своими процессуальными правами или не выполняет процессуальные обязанности в целях срыва судебного заседания, затягивания судебного процесса, воспрепятствования рассмотрению дела, принятию законного и обоснованного судебного акта.

Быстрое и правильное разрешение спора имеет важное общественное значение и является одной из основных задач гражданского процесса. Кроме того, процессуальные злоупотребления неоправданно затягивают рассмотрение гражданских дел и вводят в заблуждение суд относительно действительных обстоятельств дела.

АПК РФ содержит отдельные статьи, которые направлены на предотвращение злоупотреблений процессуальными правами, предусматривающие негативные последствия для лиц, злоупотребляющих своими правами. К таким статьям можно отнести статью 111. Мы считаем правильным возложение судебных расходов на лицо, которое злоупотребляет своими процессуальными правами. Введение подобной нормы в гражданско-процессуальное законодательство может пресечь дальнейшее злоупотребление процессуальными правами.

Злоупотребление может выражаться как в действиях, например, подача необоснованных и надуманных ходатайств, так и в форме бездействия – невыполнение процессуальных обязанностей. Это может привести к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса или воспрепятствованию рассмотрению дела.

Граница между добросовестным выполнением принадлежащих прав и обязанностей и недобросовестным поведением лиц, участвующих в деле, не определена в действующем законодательстве. Так как факт злоупотребления процессуальными правами, невыполнения процессуальных обязанностей устанавливается судом по своему внутреннему убеждению с учетом конкретных обстоятельств, думается, что судом должна быть установлена вина в форме умысла лица, которое привлекается к ответственности.

Также можно привести часть 5 статьи 159 АПК РФ, где определено, что арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом, и были явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, за исключением случая, если заявитель не имел возможности подать такое заявление или такое ходатайство ранее по объективным причинам.

Еще одним примером процессуальной нормы, которая направлена на борьбу со злоупотреблениями процессуальными правами участниками арбитражного процесса, является статья 225.12 АПК РФ, в которой предусмотрены санкции за допущение злоупотреблений процессуальными правами. Часть третья этой статьи предусматривает, что арбитражный суд вправе наложить судебный штраф на лицо, которое обратилось в защиту прав и законных интересов группы лиц, в случае злоупотребления им своими процессуальными правами или невыполнения им своих процессуальных обязанностей.

Применение штрафов имеет под собой основу, заложенную статьями 41 и

Так как в настоящее время актуальной темой обсуждений являются изменения относительно слияния арбитражного и гражданского судопроизводств, мы считаем, что рассмотренная тема является актуальной и приведенные нами предложения могут быть учтены законодателем.

Литература и примечания:

[1] Ненашев М.М. Способ защиты права: процессуальные вопросы / М.М. Ненашев // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 12. С. 10-14.

© О.В. Косицына, О.А. Бахарева, 2014

***Д.М. Криволапов
Е.Ф. Лукьянчикова,
НИУ «БелГУ»,
г. Белгород***

**ПРИНЦИП ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Принцип презумпции невиновности как детерминирующий принцип уголовного судопроизводства закреплен в ст. 14 УПК РФ. Данная норма не только воспроизводит соответствующие положения ст. 49 Конституции РФ, но и субсидиарно устанавливает, что: «...бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения» (ч. 2 ст. 14 УПК РФ), «все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого» (ч. 3 ст. 14 УПК РФ), «обвинительный приговор не может быть основан на предположениях» (ч. 4 ст. 14 УПК РФ). Немаловажно отметить, что ч.1 ст. 49 Конституции РФ не соответствует требованиям принципа презумпции невиновности. Опирируя термином «обвиняемый» в указанной статье, законодатель распространил презумпцию невиновности исключительно на обвиняемого, неоправданно сузив границы применения принципа. Тем самым оставив вне границ его действия подозреваемого, а также лиц, невиновность которых находится под сомнением у следователя (дознателя), и они еще не получили уголовно-процессуальный статус.

Также важно обратить внимание на словосочетание «Каждый обвиняемый считается...», что означает возведение субъективной оценки лица, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство, в ранг правовой нормы. Из этого следует, что если никто из субъектов доказывания не считает такого гражданина невиновным, то действие данного правила на него не распространяется. В действительности требования принципа презумпции невиновности должны действовать независимо от мнения о виновности либо невиновности граждан, которое сложилось у следователя (дознателя), других участников процесса и общественности. Поэтому, как нам представляется, необходимо согласиться с точкой зрения авторского коллектива А.В. Гриненко, Г.К. Кожевникова, С.Ф. Шумилина, которые справедливо отмечают, что: «данная формулировка должна

начинаться словами «Лицо является...». При таком изложении данное правило закрепляет не субъективное мнение, а реальный элемент процессуального статуса лица, в отношении которого ведется уголовное судопроизводство» [2].

Исследование генезиса и развития принципа презумпции невиновности достаточно убедительно свидетельствует, что он всегда воспринимался в научной среде достаточно неоднозначно. Так, научные позиции о ч. 2 ст. 14 УПК РФ далеко не однородны: от категоричного, что «невзирая на закрепленную в законе состязательность сторон, ни на подозреваемого, обвиняемого, гражданского ответчика, ни на потерпевшего, гражданского истца, частного обвинителя, представителей, законных представителей обязанности доказывания не возложены» [1], до попыток обоснования необходимости обеспечения распределения бремени доказывания не мерами ответственности или защиты, а интересом, который преследуется сторонами в уголовном судопроизводстве. Представляется, что первая точка зрения выглядит более рациональной, так как она в полной мере отражает положения уголовно-процессуального закона, который императивно возлагает бремя доказывания на сторону обвинения.

Таким образом, презумпция невиновности направлена на преодоление обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве. Она гарантирует состязательность сторон и достижение целей уголовного судопроизводства, включая в себя обязанность стороны обвинения не только обосновать выдвинутое в отношении лица обвинение, но и учитывать все обстоятельства, оправдывающие его.

Существенно затрудняет реализацию исследуемого принципа и понятийно-категориальный аппарат, который был использован при построении статьи. Сущность данной проблемы состоит в том, что в одних случаях презумпция невиновности распространяется только на обвиняемого, а в других – как на обвиняемого, так и на подозреваемого, а иногда и на любое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности. Данная неоднородность имеет принципиальное значение, потому как определение того, кто считается невиновным – обвиняемый, подсудимый, подозреваемый или всякий гражданин, носит, скорее, не формальное, а теоретическое и даже больше практическое значение. Так, ряд ученых: М.С. Строгович, Н.Н. Полянский, М.Л. Якуб, И.Л. Петрухин, А.В. Смирнов, Н.А. Громов и др., подразумевая под термином «обвиняемый» только лицо, привлеченное к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, полагают, что в определение презумпции невиновности необходимо включить не только обвиняемого, но и подозреваемого [7]. Мы считаем, что с данной точкой зрения можно было бы согласиться, но предложение, высказанное М.К. Нуркаевой, в этом отношении выглядит предпочтительнее: «...сферу действия этого института не следует ограничивать указанием конкретной процессуальной фигуры (обвиняемый, подсудимый, подозреваемый). Представляется, что презумпция добропорядочности каждого гражданина трансформируется в презумпцию невиновности с момента появления в уголовном судопроизводстве лиц, невиновность которых вызывает сомнения у правоохранительных органов» [6].

Важно отметить, что презумпция невиновности вовсе не является выражением субъективного мнения того или другого субъекта уголовно-процессуальной деятельности, она является выраженным в законе объективным правовым положением [3]. Она вовсе не запрещает следователю (дознавателю), государственному обвинителю в суде избочивать обвиняемого, доказывать его

виновность в содеянном. Этот принцип запрещает объявлять каждое лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, виновным, то есть поступать с ним как с преступником. В этой связи необходимо определить границы действия презумпции невиновности, на каких стадиях уголовного судопроизводства действует презумпция невиновности, а когда следует констатировать ее опровержение. Перечисленные вопросы в научной среде решаются по-разному. Одни ученые таким моментом считают вступление в силу обвинительного приговора [9], другие – формирование у следователя убеждения о виновности привлекаемого к уголовной ответственности лица [8]. В научной среде также отмечалась позиция, что принцип презумпции невиновности осуществляется во всех стадиях уголовного процесса [5], кроме стадии исполнения приговора [4]. По смыслу закона (ч. 1 ст.14 УПК РФ), виновность может быть установлена только вступившим в законную силу приговором суда. Это значит, что презумпция невиновности действует на протяжении всего уголовного судопроизводства, в том числе в апелляционной и кассационной инстанциях, ввиду того, что здесь проверяется приговор суда, еще не вступивший в законную силу. В случае признания обвинительного приговора обоснованным, законным и справедливым апелляционная и кассационная инстанции оставляют его без изменения, а жалобу или представление – без удовлетворения. Представляется, что именно с этого момента презумпция невиновности теряет свое значение. Приговор суда, который считается законным, обоснованным и справедливым, всегда обращается к исполнению. Но если суд кассационной инстанции отменяет приговор и направляет уголовное дело на новое судебное рассмотрение (ч. 1 ст. 378 УПК РФ), презумпция невиновности действует до тех пор, пока в общем порядке вновь не будет установлена виновность лица вступившим в законную силу приговором.

Таким образом, принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве получил не только законодательное признание и закрепление, но и производные от него положения, закрепленные в ранее обозначенных статьях УПК РФ. Данный принцип имманентен для всех стадий уголовного судопроизводства и действует вплоть до вступления в законную силу приговора суда. Тем самым он служит гарантией охраны и защиты прав, законных интересов личности, обеспечивает защиту от ее необоснованного осуждения. Но реализацию данной гарантии значительно затрудняют указанные ранее проблемы, которые требуют своевременного законодательного решения.

Литература и примечания:

[1] Власов А.А., Лукьянова И.Н., Некрасов С.В. Особенности доказывания в судопроизводстве: научно-практическое пособие / Под ред. д.ю.н., проф. А.А. Власова. – М.: Изд-во «Экзамен», 2004. – С.313.

[2] Гриненко А.В., Кожевников Г.К., Шумилин С.Ф. Принцип презумпции невиновности и его реализация в досудебном уголовном процессе. – Х.: Консум, 1997. – 97 с.

[3] Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии). Пер. с англ. – М., 1997. – С.438-444, 446.

[4] Касумов Ч.С. Презумпция невиновности в советском праве. – Баку, 1984. – С. 117-122.

[5] Нажимов В.П. О презумпции невиновности в уголовном процессе и о суде присяжных // Вопросы уголовного права и процесса в условиях правовой

реформы. – Калининград, 1991. – С. 73.

[6] Нуркаева М.К. Презумпция невиновности по УПК РФ в свете международных стандартов уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: Межвузовский сборник научных трудов. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – Режим доступа: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20033/03.htm> (дата обращения: 01.11.2014).

[7] Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – М., 1955. – С. 183-184; Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. – М., 1956. – С. 182; Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовного процесса. – М., 1960. – С. 114; Петрухин И.Л. Презумпция невиновности – конституционный принцип советского уголовного процесса // Советское государство и право. – 1978. – № 12. – С. 18; Ларин А.М. В кн.: Конституция РФ: Научно-практический комментарий / Под. ред. акад. Б.Н. Топорнина. – М., 1997. – С. 331-334; Гуляев А.П. В кн.: Комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. В.В. Мозякова. – М., 2002. – С. 55-57; Смирнов А.В. В кн.: Комментарий к УПК РФ / Под ред. А.В. Смирнова. – СПб., 2003. – С. 86-88; Алиев Т.Т., Громов Н.А. Основные начала уголовного судопроизводства. – М., 2003. – С. 44, 91-103 и др.

[8] Темушкин О.П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. – М., 1978. – С. 74.

[9] Шварц О.А. Указ. соч. – С. 283; Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / Под ред. А.В. Смирнова. – СПб., 2003. – С. 528, 531.

© Д.М. Криволапов, Е.Ф. Лукьянчикова, 2014

*В.Е. Левченко,
НИУ «БелГУ»,
г. Белгород*

ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ ОБЪЕКТИВНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Судебная власть в Российской Федерации представляет собой наиболее специфическую ветвь государственной власти, осуществляющую функцию защиты права путем принятия судебных постановлений, общеобязательных к исполнению. При этом именно система судебной власти и реализация ее полномочий призваны играть ведущую роль в утверждении принципа верховенства права.

Поскольку принцип разделения властей в современной России был закреплен Конституцией 1993 года [1], а сам термин «судебная власть» впервые официально признан и закреплён в п. 13 Декларации «О государственном суверенитете РСФСР» [2] от 12 июня 1990 года, то вполне объяснима недостаточная теоретическая разработанность понятия судебной власти и ее компонентов [3].

Признаки судебной власти отвечают всем характеристикам государственной власти, установленным теорией права, что позволяет с

уверенностью говорить о ней как о государственной власти.

Вместе с тем судебная власть обладает и специальными, присущими только ей признаками:

1. Является *разновидностью государственной власти*.

Обладает исключительными полномочиями, которыми не может делиться ни с одним органом государственной власти.

2. Носит *подзаконный характер*, выражающийся в том, что суды и судьи действуют на основе закона, подчиняются Конституции РФ и федеральным законам, а носители судебной власти в своей деятельности не вправе отступать от требований закона.

3. Неотъемлемой характеристикой судебной власти является ее *полнота*, означающая возможность судебной власти воздействовать на другие ветви власти, препятствуя концентрации всей государственной власти у одной из ее ветвей.

4. Обладает *самостоятельностью*, означающей осуществление судами своей власти автономно от других государственных органов, при этом исключая подчинение суда какому-либо внешнему руководству.

5. Является *независимой*.

Функции судебной власти – это основные направления деятельности, определяющие ее социальное назначение в виде особого самостоятельного государственно-правового механизма воздействия на общественные отношения.

В качестве функций судебной власти рассматриваются: правосудие, судебный контроль, обобщение судебной практики и разъяснение на ее основе юридических норм, правотворчество [4]. Отметим, что правосудие следует трактовать как исключительную функцию судебной власти.

Судебная власть в системе органов государственной власти занимает особое место, обусловленное обстоятельством, что только она, реализуя принцип справедливости, отправляет правосудие, а также выступает как субъект правотворчества, ибо многие законы обретают жизнь благодаря суду, они проходят испытание судебной практикой.

Специфическая роль судебной власти в механизме разделения властей состоит в удержании законодательной и исполнительной властей в рамках конституционной законности путем осуществления судебного контроля за этими ветвями власти.

Потребность демократического, правового государства в судебной власти определяется как необходимостью разрешения постоянно возникающих споров, так и необходимостью защиты конституционного строя, прав и свобод, законных интересов человека и гражданского общества на основе исполнения судьями своей деятельности в четко установленных рамках, соблюдая разумные сроки рассмотрения.

Все с тем следует отметить, что автономность судебной власти может быть только относительной, поскольку она не может существовать изолированно от других ветвей власти, так как круг конфликтов, разрешаемых судом, очерчивается законом, т.е. решениями законодательной власти, а реализация судебных решений требует в значительном числе случаев определенных действий органов исполнительной власти [5].

Все ветви власти нуждаются друг в друге, они образуют законченное единство, именуемое государственной властью, только своей совокупностью, только выступая как элементы единой системы.

Независимость судей – одно из важнейших условий подлинного правосудия, без которого не может быть ни всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела, ни справедливого решения. Да и сама цель судебного познания – установление истины – едва ли возможна как ориентир деятельности профессиональных участников процесса без подлинной независимости судей.

Конституционный принцип независимости судей, закрепленный в ст. 120 Конституции Российской Федерации, относится как к судоустройственным, так и к судопроизводственным принципам, объединяя в себе два взаимосвязанных положения, а именно: независимость судей и подчинение их только Конституции РФ и федеральному закону.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [6] (далее – ГПК РФ) уточнил положение о подчинении судьи при осуществлении правосудия Конституции РФ и федеральному закону. Как совершенно правильно подчеркивает В.М. Жуйков, «судьи не вправе «слепо» следовать любому федеральному закону (равно как и иному нормативному акту), а обязаны каждый раз оценивать его на предмет соответствия Конституции РФ» [7].

Также недопустима регламентация процессуальных вопросов законами и нормативными актами, обладающими меньшей юридической силой по сравнению с федеральным законом (например, нормативным актом, принятым министерством или ведомством РФ, законом субъекта РФ). Принятие такого рода нормативных актов является недопустимым и не может порождать правовых последствий.

Судьи рассматривают и разрешают гражданские дела в условиях, исключающих постороннее на них воздействие. Любое вмешательство в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность (ч. 2 ст. 8 ГПК РФ).

Применительно к гражданскому процессуальному праву можно говорить о нескольких аспектах проявления независимости судей:

- каждый судья независим при рассмотрении и разрешении дела от мнения иных судей, принимающих участие в разбирательстве дела;
- при рассмотрении и разрешении дела судьи независимы от заключений, данных различными лицами в процессе;
- судьи независимы от вышестоящих судебных инстанций. Несмотря на то, что апелляционная, кассационная, надзорная инстанции обладают контрольными полномочиями относительно судебных актов, эти полномочия не нарушают принцип независимости судей;
- судьи независимы от государственных органов, общественных организаций, должностных лиц и отдельных граждан.

Подчинение судей только Конституции и федеральному закону составляет неотъемлемую часть рассматриваемого принципа. Суд, рассматривая дело, при установлении несоответствия акта государственного или иного органа закону принимает решение в соответствии с законом (ч. 2 ст. 120 Конституции РФ). Ныне действующий ГПК РФ детализировал это положение: «Суд, установив при разрешении гражданского дела, что нормативный правовой акт не соответствует нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, применяет нормы акта, имеющего наибольшую юридическую силу».

При раскрытии понятия принципа независимости судей и подчинения их только федеральному закону принято выделять экономические, политические и

правовые (организационно-правовые и процессуально-правовые) гарантии.

К политическим гарантиям независимости судей относятся те положения, которые запрещают судьям быть представителями каких-либо государственных и иных организаций, состоять в политических партиях, движениях, представлять интересы должностных лиц, государственных образований, территорий, наций, народностей, социальных групп. Решения судей должны быть свободными от соображений практической целесообразности и политической склонности.

К экономическим гарантиям независимости судей относятся такие положения законодательства, которые представляют судьям за счет государства материальное и социальное обеспечение, соответствующее высокому статусу судей, бесплатное предоставление жилой площади и другие социальные льготы.

Среди организационно-правовых гарантий особое значение имеет назначаемость судей, их несменяемость, неприкосновенность, право на отставку, особый порядок приостановления и прекращения полномочий судьи (ст. 121, 122 Конституции РФ, ст. 9 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»).

Среди процессуальных гарантий рассматриваемого принципа следует назвать тайну совещания судей, порядок голосования судей при вынесении решения по делу, право на изложение особого мнения судьи, собственно процессуальную форму осуществления правосудия по гражданским делам и другие. В соответствии со ст. 194 ГПК РФ решение выносится судом в совещательной комнате. Во время совещания и вынесения решения в совещательной комнате могут находиться лишь судьи, входящие в состав суда по данному делу. Присутствие иных лиц в совещательной комнате не допускается. Судьи не могут разглашать суждения, имевшие место во время совещания. Помимо вынесения решения, в совещательной комнате обсуждаются и иные важные процессуальные вопросы, например, разрешение заявленного отвода (ст. 16-17 ГПК РФ).

Судья, члены его семьи и их имущество находятся под особой защитой государства. Органы внутренних дел обязаны принимать необходимые меры к обеспечению безопасности судьи, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества.

Судья не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел кому бы то ни было для ознакомления, иначе как в случаях и в порядке, предусмотренных процессуальным законом.

Средства массовой информации не вправе предрешать в своих сообщениях результаты рассмотрения и разрешения конкретного спора до принятия судом решения.

Независимость судей гарантируется неприкосновенностью личности судьи (ст. 16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и ст. 16 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»). Неприкосновенность судьи распространяется также на его жилище и служебное помещение, используемые им транспорт и средства связи, его корреспонденцию, принадлежащее ему имущество и документы.

Судья не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении правосудия мнение и принятое решение, если вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена его виновность в преступном злоупотреблении. В законе регламентирован порядок привлечения судей к уголовной и административной ответственности (ч. 3-4 ст.

16 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»).

Таким образом, конституционно закрепленный принцип независимости судей служит обеспечению судами законности, объективному и беспристрастному выполнению задач правосудия.

Литература и примечания:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2009. 21 января.

[2] Декларация СНД РСФСР от 12.06.1990 № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2.

[3] Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации. Конституционные основы организации и деятельности. М., 1998. С. 96.

[4] Анишина В.И. Функции судов как самостоятельной ветви государственной власти в РФ // Российский судья. 2006. № 10.

[5] Гончаров В.В. Взаимоотношения исполнительной и судебной власти в РФ // Российский судья. 2008. № 4.

[6] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2013) // Российская газета. 2002. № 220.

[7] Комментарий к законодательству о мировых судьях. М., 2010. С. 109.

© В.Е. Левченко, 2014

***А.С. Локтева,
Е.Ф. Лукьянчикова
НИУ «БелГУ»,
г. Белгород***

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДНОЙ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Проблема реализации принципа свободной оценки доказательств является весьма дискуссионной на сегодняшний день. Данный принцип, сформулированный в ст. 17 УПК РФ, гласит: «Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [1]. Этот принцип существенно повлиял на развитие теории доказательств, поскольку он служит необходимым условием целенаправленного ведения следствия и судебного разбирательства.

В советском уголовном процессе оценка доказательств производилась по внутреннему убеждению следователя, прокурора, судей, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении доказательств; при этом в законе не указывались формальные условия, которые заранее определяли бы

ценность и значение каждого доказательства в отдельности и их совокупности.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве, применяя принцип свободы оценки доказательств, важно различать основания и способ оценки доказательств. Основания, в свою очередь, разделяются на объективные и субъективные. К объективным основаниям относятся: закон, который определяет понятие доказательств, виды и требования к порядку их оформления, также массив имеющихся доказательств, который должен быть достаточным для построения правильного умозаключения. К субъективному основанию оценки доказательств относится совесть, которая не должна быть оторвана от объективных оснований.

Существует большое количество различных трактовок понятия «оценка доказательств» в научных кругах. Так, по мнению профессора, доктора юридических и педагогических наук Е.Е. Тонкова, оценка доказательств – определение судом правдивости изученных сведений о фактах, а при использовании косвенных доказательств – также выявление наличия либо отсутствия взаимосвязей доказательственных фактов с главными [9, с. 46].

В. Лоер определяет понятие оценки доказательств как мыслительную деятельность следователя, прокурора и судей, которая состоит в том, что они, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, рассматривают по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств, определяя их допустимость, достоверность и достаточность для выводов по делу [6, с. 69].

Так, исходя из трактовки двух определений, мы можем сделать вывод, что Е.Е. Тонков отождествляет данный принцип с принципами правосудия, а В. Лоер рассматривает его не только как руководящее положение судопроизводства, но и как общий принцип всего уголовного процесса.

Важнейшей составляющей принципа является внутреннее убеждение, которое не может служить непосредственным основанием для оценки доказательств. Поэтому многие известные ученые-правоведы, такие как Л.А. Воскобитова, И.И. Белохортов и В. Лоер, рассматривают внутреннее убеждение как способ оценки доказательств [10, с. 85]. Мы согласны с их мнением: на сегодняшний день в уголовном процессе никакое доказательство не имеет заранее установленной определенной силы, поскольку провозглашена свобода оценки доказательств.

Для начала следует разобраться, что такое внутреннее убеждение и каково его значение в уголовном процессе на сегодняшний день. Словарь по этике так трактует понятие: «Внутреннее убеждение как нравственная, этическая категория связано с другой этической категорией совести. Совесть проявляется в форме разумного осознания нравственного значения совершаемых действий. Человек судит о своих поступках как бы от своего собственного имени, исходя из своих собственных представлений о справедливости, долге, правом или неправом» [8, с. 1242].

Профессор Е.Е. Тонков определяет внутреннее убеждение как свободное от мнения иных лиц устойчивое и нравственно обоснованное психическое отношение субъекта доказывания к качеству и количеству необходимых и достаточных элементов, составляющих содержание понятия доказательств, выступающее в качестве метода и результата оценки доказательств [9, с. 46].

В. Лоер трактует следующим образом: «Внутреннее убеждение рассматривается то как метод, способ или принцип оценки доказательств, то как

критерий этой оценки, то как ее результат» [6, с. 87].

Таким образом, анализируя данные понятия, мы можем сделать вывод, что внутреннее убеждение – способ оценки доказательств, основанный на собственном психическом отношении субъекта к доказательствам по уголовному делу.

Проблема внутреннего убеждения всегда являлась предметом различных научных дискуссий. В научных кругах внутреннее убеждение рассматривается и как умственный интеллектуальный процесс, и как результат этого процесса. Так, например, следователь, принимая решения о передаче уголовного дела в суд, должен руководствоваться своими убеждениями, в которых должно быть четко отражено, виновен ли обвиняемый или нет [1].

Внутреннее убеждение понимается исключительно как собственное убеждение или самоубеждение, поскольку мыслительные процессы этого субъекта формируют у него четкое представление действительности. Поэтому недопустимо различное внешнее принуждение или убеждение вовне.

Исходя из этого, ученые рассматривают внутреннее убеждение в качестве трех аспектов: гносеологического, логического и психологического. Так, с точки зрения гносеологического аспекта, убеждение – это совокупность фактов, на которых основывается предполагаемая истина. Иначе говоря, это факты о каких-либо конкретных обстоятельствах дела. Логический аспект рассматривает внутреннее убеждение как единственно верное суждение, исключающее возможность противоположного. Иными словами, это единственное правильное мнение об обстоятельствах дела. В психологическом аспекте убеждение рассматривается как истинные мысли, исключающие какие-либо сомнения. Сомнения в этой плоскости рассматриваются как состояние недосказанности, отсутствие четкой уверенности. Психологи отмечают, что сомнения, как ни странно, – это положительный эффект, объясняя это тем, что они побуждают субъекта к поискам новых данных, которые полностью составят истинное знание.

Таким образом, принцип свободы оценки доказательств является неотъемлемой частью всего уголовного процесса. Безусловно, принцип свободы оценки доказательств несет в себе сущностные черты действующего состязательного УПК РФ. Принцип связан и с другими принципами: законность, состязательность сторон и т.д.

Многие российские правоведы неоднозначно рассматривают данный принцип. Так, П.А. Лупинская и ряд иных известных юристов утверждают, что рассматриваемый принцип, с одной стороны, предоставляет субъектам уголовного процесса «внутреннюю свободу» оценки доказательств, поскольку закон не устанавливает обязательной для участников уголовного судопроизводства силы (доказательственной значимости) тех или иных доказательств, не связывает его оценку достоверности, достаточности доказательств какими-либо формальными предписаниями, не устанавливает минимального количества доказательств для признания тех или иных фактов доказанными [7, с. 36]. С другой стороны, этот принцип обеспечивает и «внешнюю свободу» оценки доказательств указанными участниками уголовного судопроизводства, поскольку запрещает любое вмешательство в их оценочную деятельность извне. Так, для суда первой инстанции при возвращении уголовного дела на новое судебное рассмотрение любые выводы о доказанности обвинения, достоверности доказательств, сделанные вышестоящим судом, не будут иметь обязательного значения.

В.М. Быков считает: «При этом позицию законодателя об отнесении свободы оценки доказательств к разряду руководящих положений разделяют не все процессуалисты, полагая, что анализ УПК не дает оснований считать, что свободная оценка доказательств определяет все построение российского уголовного судопроизводства, его основные процессуальные формы и институты» [5, с. 66].

В.М. Бозров и Н.В. Костовская считают, что закрепление принципа свободы оценки доказательств нуждается в совершенствовании. Думается, что дополнительным импульсом к этому послужит судебная практика [4, с. 9-18].

И действительно, существует большое количество судебных решений, при которых должностные лица или государственные органы должны руководствоваться своим внутренним убеждением при оценке доказательств. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 марта 2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» гласит: «Если суд, исходя из обстоятельств дела, придет к выводу о том, что условно-досрочное освобождение осужденного существенно затрагивает права и законные интересы потерпевшего или что имеющихся в его распоряжении материалов недостаточно для установления факта возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением, он вправе – в силу принципа независимости судей и подчинения их только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, предполагающего предоставление суду полномочий по оценке доказательств и отражению ее результатов в судебном решении, – в целях осуществления справедливого правосудия признать обязательность не только направления потерпевшему извещения о предстоящем судебном заседании по имеющемуся в его распоряжении адресу, но и подтверждения получения такого извещения» [2].

Определением Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 №2003-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маркова Василия Александровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 348 и статьей 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Конституционный суд РФ постановил, что председательствующий не вправе отказать подсудимому и его защитнику в постановке вопросов о наличии по делу указанных обстоятельств (часть вторая статьи 338 УПК Российской Федерации) и обязан обеспечить исследование в ходе судебного разбирательства всех собранных по делу доказательств, а присяжные заседатели обязаны быть беспристрастными и принимать во внимание при вынесении вердикта все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести (статья 332 УПК Российской Федерации) [3].

Таким образом, принцип свободной оценки доказательства является одним из важных принципов уголовного судопроизводства. Данный принцип в своем действии находит отражение в таких принципах, как принципы демократизма, гуманизма и справедливости. Но, несмотря на, с одной стороны, относительную безупречность юридической конструкции принципа, сформулированного в законе, принцип свободной оценки доказательств не в полной мере реализуется на практике, поскольку основной составляющей этого принципа является законность и внутреннее убеждение, которыми зачастую пренебрегают должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство.

Литература и примечания:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.10.2014) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921; 27.10.2014. № 43. Ст. 5792.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 №5-П «По делу о проверке конституционности части 2.1 статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 24.12.2013 №2003-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Маркова Василия Александровича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 348 и статьей 379 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[4] Бозров В.М., Костовская Н.В. Оценка доказательств в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. 2012. № 9. С. 9-18.

[5] Быков В.М. Свобода оценки доказательств по уголовно-процессуальному кодексу РФ // Право и политика. 2004. № 9. С. 66.

[6] Лоер В. Теория доказательств. М.: Юридическая литература, 1975. С. 69.

[7] Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 36.

[8] Словарь по этике. М., 1980. С. 1242.

[9] Тонков Е.Е. Правоохранительные органы: учеб. пособие / Е.Е. Тонков. Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. С. 46.

[10] Уголовный процесс: учебник для бакалавров / Отв. ред. Л.А. Воскобитова. М.: Проспект, 2013. С. 85.

© А.С. Локтева, Е.Ф. Лукьянчикова, 2014

**В.М. Ожгибесова,
В.Н. Капицкий,
УИЭУП,
г. Курган**

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ ОТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Земля является важнейшим элементом природной среды. Она обеспечивает всю жизнедеятельность на планете, и поэтому жизнь без нее невозможна. В современном мире земля выступает в качестве основы для размещения различного рода объектов, необходимых для жизнедеятельности, а именно городов, поселений, промышленных объектов и т.д. Земля – это ценный ресурс, поскольку она выступает в роли средства производства, объекта сделок с недвижимостью, а также является основой жизнедеятельности проживающих на ней людей. Поскольку земля представляет собой такую ценность, она зачастую выступает объектом спора среди граждан, предпринимателей, крестьянско-фермерских хозяйств и государства [1].

Любой спор возникает в результате нарушения законных прав одного

субъекта другим субъектом. Специфической чертой земельных споров является предмет спора – земля или земельный участок. Так, одна сторона спора обладает правами на конкретный земельный участок, а другая сторона не имеет прав в отношении этого участка. Исходя из этого, возникает спор о праве на земельный участок.

Вообще российское законодательство не дает точного определения земельным спорам. Однако, исходя из общих представлений о правовых спорах, можно сказать, что земельный спор – это конфликт интересов субъектов права на землю, а также между ними и государственными органами, органами местного самоуправления по вопросам собственности на землю, землевладения и землепользования. Возникают земельные споры посредством нарушения прав землевладельца или землепользователя. Это влечет нарушение принципа устойчивости прав на землю, поскольку он гласит, что никто из субъектов права на землю не может быть лишен права на земельный участок, кроме как в случаях и по основаниям, указанным в законе.

Земельные споры зачастую связаны с имущественными правоотношениями, то есть с гражданскими. Это обусловлено тем фактом, что гражданско-правовые и земельно-правовые элементы пересекаются в методе регулирования земельных правоотношений. Исходя из этого, следует ограничивать земельные споры от споров гражданско-правовых.

Ранее в юридической литературе можно было встретить точку зрения о том, что метод защиты субъективного права в земельных спорах является отличительной чертой земельного права. Однако методы защиты гражданских и земельных прав иногда совпадают, и этот критерий нельзя считать правильным. Примером совпадения методов защиты прав является право землепользователя защищать свои интересы как в судебном, так и в административном порядке. Из этого следует, что отличительным признаком земельных споров выступает именно объект спорных правоотношений, а не метод защиты нарушенных прав.

Также следует рассмотреть случаи, когда землепользователи несут убытки, причиняемые им в результате изъятия земель для государственных и общественных нужд. Такие земельные споры отличаются от тех, которые возникают в результате убытков, вызванных причинением вреда. Изъятие земли для государственных и общественных нужд является правомерным, а изъятие земли в результате противоправного действия иных субъектов – неправомерным. Земельное законодательство, безусловно, регулирует вопросы правомерного изъятия земель для государственных нужд и гласит, что возмещение убытков землепользователям возлагается на учреждения и организации, которым отводятся земельные участки. Но законодательство не регулирует вопрос о том, как и в каком объеме должны быть возмещены убытки при неправомерном изъятии земель, то есть при самовольных захватах, и это приводит к сложностям на практике. Известно одно: все споры о возмещении убытков носят гражданско-правовой характер и должны рассматриваться в судебном порядке, поскольку объектом таких спорных правоотношений являются не земельные, а гражданские права землепользователей [2].

Следует также разграничивать споры, связанные с определением размера возмещения убытков. Случается так, что гражданский и земельный спор имеют один объект правоотношений. К примеру, у гражданина изымается земельный участок, и при этом сносится дом, в котором он проживает. В данном случае он, с одной стороны, выступает субъектом земельных правоотношений, поскольку

изымается его земельный участок, а с другой стороны, он является и субъектом гражданских правоотношений, поскольку он собственник дома. В таких случаях споры связаны непосредственно с гражданскими правоотношениями, а именно, с оценкой сносимых зданий и сооружений, предоставлением новой площади. Такие споры также разрешаются в судебном порядке.

Кроме того, к категории гражданских споров, непосредственно связанных с нарушениями права землепользования, относятся такие споры, как: споры о праве на урожай от посева, произведенного одним пользователем на участке другого; споры о возмещении убытков, которые были причинены в результате незаконного использования земельного участка другого землепользователя. Такие споры также подлежат рассмотрению судами в порядке гражданского судопроизводства.

Также имеют место быть споры о самовольно захваченных землях и споры о праве на урожай на самовольно захваченных землях. Для разрешения категории споров о праве на урожай на самовольно захваченных землях применяется гражданское законодательство, а в случаях со спорами о самовольном захвате земли применяется уже земельное право, поскольку объектом такого спора выступает именно земельный участок. Данные виды споров рассматриваются уже не в судебном порядке, а соответствующими органами государственной власти [3].

Категория споров, связанных со сносом незаконно возведенных зданий, строений, сооружений, тесно связана с категорией споров о самовольных захватах земельных участков. Такие споры опять же тесно связаны с гражданскими правоотношениями, поскольку, с одной стороны, строение находится на земельном участке (земельный характер правоотношений), а с другой стороны, у гражданина есть право собственности на данное строение (гражданский характер правоотношений). Гражданская часть таких споров должна решаться на основании земельных документов, заключений земельных органов о принадлежности земельного участка тому или иному лицу.

Еще один вид земельных споров – это споры о повреждении земли или приведении ее в негодное состояние. В данном случае нарушение такого рода препятствует осуществлению землепользователем своих прав на землю, а также наносит ему материальный ущерб. Здесь также существует два вида правоотношений – гражданские и земельные, то есть в данном случае одно требование будет земельным – о восстановлении прежнего состояния земельного участка, а другое будет гражданским – о возмещении материального ущерба [4].

Бесспорно, право, возникающее на пользование землей у одного субъекта, нередко связано с изъятием земельного участка у другого субъекта права землепользования. У землепользователей могут возникнуть разногласия по поводу размеров земельного участка или его местоположения, и такие споры приобретают земельный характер, так как объектом в данном случае выступает земельный участок. На практике такие споры бывают урегулированы до издания административного акта, но у землепользователей могут быть разногласия по поводу акта об отводе с административным органом. В таком случае имеет место быть земельный спор, а не административный, потому что объектом такого спора выступает земельный участок, и, соответственно, разрешение данного спора будет происходить в вышестоящем государственном органе.

Вышеизложенное относится к случаям, когда подобного рода споры возникают между государственными органами, а именно, когда нижестоящий

орган государственной власти не согласен с решением вышестоящего. Но в таком случае спор будет признан земельным, а не административным, поскольку объектом выступает земельный участок, и отношения, которые возникли при разрешении такого спора между органами государственной власти, будут носить земельно-правовой характер.

Земельные споры также следует отличать от споров о праве лесопользования, водопользования и недропользования.

Подводя итог вышеизложенному, следует сделать вывод о том, что земельные споры составляют самостоятельную категорию правовых споров. Поскольку земля играет важную роль в жизнедеятельности общества, нельзя недооценивать важность разрешения такого рода споров. Безусловно, иногда земельные правоотношения можно спутать с гражданскими или административными отношениями. Но для этого следует помнить, что способом разграничения этих видов правоотношений друг от друга является объект правоотношения. Также необходимо отметить, что земельные споры могут рассматриваться в судебном, административном порядке, а также полномочными органами государственной власти.

Литература и примечания:

[1] Земельный кодекс Российской Федерации // Консультант Плюс. Выпуск 21.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации.

[3] Земельное право: учеб. / Под ред. С.А. Боголюбова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2008. – 400 с.

[4] Воробьева Л.В. Земельное право Российской Федерации. Практическое пособие. – 2007. – 92 с.

© В.М. Ожгибесова, В.Н. Капицкий, 2014

***А.А. Пелых,
О.В. Карягина,
НОУ ВПО «ТИУЭ»,
г. Таганрог***

ЗНАЧЕНИЕ ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА

Прокурора и адвоката часто называют судебными ораторами. Слово оратор было заимствовано в XVIII в. из латинского языка (лат. orator – от orare – говорить, излагать) и является довольно многозначным. Первое его значение – «тот, кто произносит речь», «лицо, произносящее речь». В этом значении слово употребляется как термин: прокурор и адвокат, поддерживая государственное обвинение или защищая права подсудимого в уголовном процессе, выполняют свою функцию в соответствии с процессуальным положением в судебном разбирательстве. Роль оратора в этом понимании слова сводится к выполнению действий, предусмотренных процессуальным законом: проанализировать, дать правовую оценку.

Судебное ораторское искусство связано с требованием логичности, убедительности. Также можно сказать о том, что доказательность является

важнейшей чертой рассуждения в судоговорении. Речь и ее положения в ней должны быть аргументированы.

Искусство судебного оратора проявляется в следующих аспектах: в умении построить судебную речь так, чтобы привлечь внимание судей и удержать его в продолжение всего выступления; в умении полно и объективно проанализировать обстоятельства преступления и причины его совершения; дать глубокий психологический анализ личности подсудимого и потерпевшего; выстроить систему опровержений и доказательств; сделать правильные правовые и процессуальные выводы и убедить в этом судей и аудиторию. Насколько убедительны доводы оратора, можно судить, оценивая психологическое воздействие, которое он оказывает на слушателя.

Большое значение имеет умение найти точные языковые средства для выражения мыслей, так как содержательная, ценная мысль нуждается в совершенной форме. Совершенство речи создает в судебной аудитории атмосферу доверия оратору.

Говорить хорошо в суде – это говорить по существу, тщательно анализируя материалы дела, опираясь на нормы права; говорить доходчиво, логично, убедительно, в соответствии с нормами литературного языка. Красноречие же, как «умение говорить красиво», является составной частью судебного ораторского искусства – эффективным средством эмоционального воздействия. Изобразительно-выразительные средства языка помогают судебному оратору акцентировать внимание суда на тех или иных деталях дела. Раскрывая картину преступления, объективно анализируя и оценивая действия подсудимого, мотивы преступления, его последствия, создавая психологическую характеристику подсудимого, судебный оратор тем самым «потрясает души слушателей». Безусловно, способствуют этому правильно выбранные языковые средства.

Обвинителю и защитнику важно разобраться в психологии человека, т.е. понять, что двигало подсудимым и побудило его на совершение преступления, что он чувствовал и о чем думал, прежде чем нарушить закон и стать преступником. Психология же самого преступления заключается в объяснении факта, согласно личным свойствам и душевным побуждениям преступника [1].

Для того, чтобы речь достигла своей цели, довольно важное значение имеет учет психологических особенностей процесса общения оратора с аудиторией. Одной из самых важных задач оратора является привлечение внимания слушателей.

В психологии различают следующие виды внимания:

1. Непроизвольное внимание. Оно достигается сообщением каких-либо интересных либо необычных для аудитории сведений. Однако необходимо помнить, что произвольное внимание весьма неустойчиво.

2. Произвольное внимание слушателей может быть достигнуто путем постановки перед ними определенных задач, объяснением важности рассматриваемого вопроса, необходимости его глубокого усвоения.

3. Послепроизвольное внимание достигается в том случае, когда у аудитории вызван устойчивый интерес к содержанию сообщения оратора [2].

Задача любого публичного выступления – это достижение послепроизвольного внимания. А это, в свою очередь, может быть достигнуто при условии знания аудитории. Учет особенностей аудитории способствует установлению психологического контакта со слушателями и помогает убедить их

в необходимости поступать должным образом.

Существенное влияние на психологическую обстановку в процессе общения оказывает и само сообщение оратора. По этому поводу А.Ф. Кони писал: «Нужно знать предмет, о котором говоришь, в точности и подробности, выяснив себе вполне его положительные и отрицательные свойства» [3].

Важно помнить, что «от некачественной, неубедительной судебной речи страдают не только интересы правосудия, потерпевшего и подсудимого, но и репутация и имидж судебного оратора, особенно адвоката» [4]. Учитывая изложенное, следует сделать вывод о том, что для юриста одним из существенных факторов его успешности является владение ораторским искусством.

Литература и примечания:

[1] Мельников И.И. Психологические, этические и эстетические основы судебной речи / И.И. Мельников. Судебная речь. – 2011.

[2] Васильев В.Л. Юридическая психология / В.Л. Васильев. – СПб.: Питер, 2012.

[3] Кони А.Ф. Избранные произведения: Статьи и заметки; Судебные речи; Воспоминания / Сост. А.Б. Амелин. – М.: Госюриздат, 1956.

[4] Голуб И.Б. Риторика: учиться говорить правильно и красиво: учебник. – М.: Омега-Л, 2010.

© А.А. Пелых, О.В. Карягина, 2014

**П.В. Пошелов,
Ю.С. Пестерева,
ЧОУ ВПО «ОмЮА»,
г. Омск**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАТЬИ 354.1 УК РФ

Согласно ежегодным докладам Министерства иностранных дел РФ «О ситуации с правами человека в ряде государств мира», в последнее время наблюдается увеличение случаев национальной, расовой и иной дискриминации, а также роста популярности неонацистских движений, происходящих при молчаливом согласии, а иногда даже по инициативе государственных органов соответствующих стран [1].

Безусловно, противодействие проявлениям неонацизма в России, особенно в связи с последними событиями на Украине, – одна из важнейших задач в сфере обеспечения национальной безопасности. Федеральным законом от 05.05.2014 № 128-ФЗ в УК РФ внесена новая статья 354.1 «Реабилитация нацизма», призванная предотвратить распространение нацистской идеологии.

В первую очередь рассмотрим проблему названия статьи. Термин «реабилитация» законодательно закреплён в УПК РФ: это «порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда» [2]. Исходя из данного определения, можно сказать, что этот термин не может быть применен

к нацизму. Во-первых, понятие «реабилитация» относится к конкретному лицу, а не к целой идеологии. Во-вторых, согласно статье 134 УПК, право на реабилитацию могут признать только суд, следователь либо дознаватель. Если же конкретный человек будет говорить, что нацистские преступники необоснованно подвергнуты преследованию и наказанию, то право на реабилитацию у нацизма не возникнет. В большинстве словарей приводится определение реабилитации в юридическом смысле, т.е. указывается на обязательный судебный либо административный порядок восстановления прав. Таково, например, определение данного термина в «Толковом словаре Кузнецова» [3]. Однако в некоторых словарях, помимо восстановления прав в судебном порядке, выделяется восстановление прежней репутации, восстановление чести. Например, в «Толковом словаре Ушакова» реабилитация означает «восстановление прежней, запятнанной репутации, опровержение обвинений» [4]. Таким образом, в юридическом смысле понятие реабилитации к данной статье не применимо, в общем этимологическом значении – применимо.

Следующая проблема данной статьи – несоответствие названия и содержания. Каким образом будет «реабилитирован» нацизм в случае распространения заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны? Часть третья статьи 354.1: «Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично» также к «реабилитации» нацизма отношения не имеет. К тому же, согласно ФЗ от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», в РФ установлено 17 дней воинской славы (среди которых, например, день победы в Куликовской битве) и 15 памятных дат (например, день памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне) [5]. Из данных дат к Великой Отечественной войне могут иметь отношение лишь 6 дней воинской славы и 5 памятных дат.

Следующая проблема – помещение данной статьи в раздел УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества». Опять же содержание данной статьи не подпадает под объект. Если отрицание фактов Нюрнбергского трибунала еще можно хоть как-то связать с родовым объектом, установленным названием 12-го раздела УК, то распространение сведений о памятных датах России под данный объект не подпадает, опять же в связи с тем, что не все памятные даты относятся к Великой Отечественной войне. По нашему мнению, данную статью логичнее было бы разместить в разделе 10-м (а именно, в главу 29 – «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства»), где находятся составы похожих преступлений экстремистской направленности – статьи 280, 282. Причем не всю статью, а только 1-ю и 2-ю часть. Фактически данная статья содержит в себе два совершенно различных преступления – одно содержится в диспозициях частей 1-й и 2-й, второе – в части 3-й. Что касается распространения выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, то данное положение следует либо выделить в отдельную статью и поместить ее в главу 24 «Преступления против общественной безопасности», либо дополнить ею статью 213 «Хулиганство». А остальную часть диспозиции: «Осквернение символов воинской славы России» поместить в статью 214 «Вандализм» как квалифицирующий признак.

Была попытка внести в статью 282 УК изменения, в результате которых

диспозиция данной статьи охватывала бы более широкий круг деяний, в том числе и некоторые из числа предусмотренных нововведенной статьей 354.1. Проект федерального закона «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» был внесен членом Совета Федерации Б. Шпигелем в марте 2013 года. Согласно данному законопроекту, часть первую статьи 282 УК предлагалось изложить в следующей редакции: «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, на реабилитацию нацизма, героизацию нацистских преступников и их пособников, отрицание Холокоста, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации» [6]. Понятно, что данные изменения даже более неоднозначные, чем диспозиция статьи 354.1 (непонятно, что понимать под героизацией, кого считать пособниками нацистов; почему вводится наказание за отрицание только Холокоста, ведь нацисты совершили множество преступлений), однако сам факт отнесения данных деяний к экстремистским преступлениям в 29-й главе УК более обоснован, чем помещение их в раздел 12 УК РФ.

Одна из самых важных проблем – проблема объективной стороны данного преступления. Деяние названо преступным по части первой статьи – «Распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». Проблемные моменты возникают и здесь – например, присоединение Прибалтики к СССР. МИД РФ рассматривает присоединение Прибалтики к СССР как соответствующее нормам международного права того времени. Однако представители Совета Европы утверждают, что это было незаконной оккупацией. Согласно диспозиции данной статьи, необходимо привлечь к уголовной ответственности всех, кто называл это оккупацией. Будет интересно посмотреть на возбуждение уголовных дел против ведущих политиков зарубежных стран. А это неизбежно – ведь в УК закреплён принцип равенства всех перед законом и судом, независимо от гражданства и должностного положения. Правосудие не может быть избирательным.

Теперь рассмотрим историю принятия данного закона. Законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (по вопросу установления уголовной ответственности за посягательство на историческую память в отношении событий, имевших место в период Второй мировой войны)» был направлен в Комитет Государственной Думы еще 06.05.2009 года. Без дела он лежал в архиве до марта 2014 года. Профильный комитет предложил принять законопроект к рассмотрению 11 марта. В первом чтении законопроект был рассмотрен 4 апреля. 24 апреля закон был направлен в Совет Федерации, подписан Президентом 5 мая [7]. Такие сложные законопроекты в спешке принимать нельзя. Очевидно, что активизировалась работа по его принятию в связи с событиями на Украине. А принят он был как раз перед днем Победы. Все это наводит на мысль о том, что данный закон носит, скорее всего, политический и демонстративный характер.

В заключение хотелось бы сказать, что стремление российского законодателя бороться с распространением нацизма похвально. Однако значительное несовершенство принимаемых им правовых норм может привести к нарушению прав граждан и трудностям в правоприменении.

Литература и примечания:

[1] Доклад МИД России «О ситуации с правами человека в ряде государств мира» // Миссионерско-апологетический проект «К Истине». URL: http://www.k-istine.ru/apologia/apologia_mid_humans_rights-2011.htm (дата обращения: 03.12.2014).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: текст с изм. и доп. на 1 февраля 2014 г. – М.: Эксмо, 2014. – С. 7.

[3] Большой толковый словарь русского языка. Ред. Кузнецов С.А. – СПб.: Норинт, 2000. – С. 1107.

[4] Реабилитация – Толковый словарь Ушакова // Энциклопедии & Словари. URL: <http://enc-dic.com/ushakov/Reabilitacija-65640.html> (дата обращения: 03.12.2014).

[5] Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изменениями и дополнениями) // Гарант – Законодательство (кодексы, законы, указы, постановления) РФ, аналитика, комментарии, практика. URL: <http://base.garant.ru/1518352> (дата обращения: 03.12.2014).

[6] Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=246065-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=246065-6) (дата обращения: 03.12.2014).

[7] Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=197582-5](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=197582-5) (дата обращения: 03.12.2014).

© П.В. Пошелов, Ю.С. Пестерева, 2014

**Т.Р. Саносян,
О.В. Карягина**
НОУ ВПО «ТИУЭ»,
г. Таганрог

СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ: ПУТИ ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ

Судебные ошибки как социально-правовое явление, деятельность судебных инстанций по их исправлению перманентно находятся в призме научного познания [1]. Иными словами, деятельность по эффективному исправлению судебных ошибок нижестоящих судов вышестоящими судами находится на так называемой стадии развития, и, к большому сожалению, приходится констатировать тот факт, что уровня знаний, достаточного для уверенной работы судов по выявлению и устранению судебных ошибок, в России пока нет. Сложившейся ситуации способствуют многие причины. Рассмотрим некоторые из них.

Судебная ошибка подавляющим большинством теоретиков и практиков понимается слишком узко, обычно не более чем ошибка конкретного судебного состава в сборе и оценке доказательства, в применении норм материального и процессуального права [2].

Однако сразу следует сказать о том, что такой подход к проблеме отделяет конкретный суд от общей социально-правовой деятельности, в то время как ошибочная работа судов как составной части государственного аппарата порой заранее может быть обусловлена ошибками в выборе государственной политики в целом. В данном случае вполне допустимо говорить о массовом обмане народа на государственном уровне. К примеру, вспомним массовое вынесение судами заведомо неисполнимых решений по взысканию «среднепотолочных» сумм в пользу так называемых обманутых вкладчиков (по существу, жертв мошеннических афер, осуществленных с молчаливого согласия правоохранительных структур), волна которых прошла по нашей стране в первой половине 90-х годов прошлого века.

Основная масса выявляемых вышестоящими судами ошибок имеет явно надуманный характер, поскольку обнаруженные «неправильности» формальны, а их игнорирование нисколько не влияет на конечный результат по делу.

Можно привести следующий яркий пример: в течение длительного периода времени в качестве существенной расценивалась ошибка, если следственные действия проводились следователем без принятия уголовного дела к своему производству. В таком случае состоявшиеся судебные постановления по делу отменялись, а уголовное дело возвращалось прокурору для проведения дополнительного расследования.

Сразу хотелось бы сказать, что в настоящее время такого механизма устранения судебных ошибок, как дополнительное расследование, законодателем не предусмотрено. Но может возникнуть вопрос, а значит ли сказанное, что суд оказывается заложником допущенной следователем ошибки и правосудие не свершится, поскольку следователь забыл вовремя подшить формальный акт, а прокурор, а затем и суд первой инстанции это проглядели.

Обратившись к практике Конституционного Суда РФ и изучив некоторую из таковой, мы увидим, что нет. Из Определения Конституционного Суда РФ от 2 февраля 2006 г. № 57-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности ч. 2 и 5 ст. 237 УПК РФ» следует, что суды, в том числе и по собственной инициативе, вправе «возвращать дело прокурору в случаях, когда в досудебном производстве допущены существенные неустраняемые в судебном производстве нарушения уголовно-процессуального закона, которые влекут лишение или стеснение гарантируемых законом прав участников уголовного судопроизводства, являются препятствием для рассмотрения уголовного дела, исключая возможность реализации судом возложенной на него Конституцией РФ функции осуществления правосудия». Иными словами, такой подход к решению проблемы в полной мере гарантирует «право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба».

Следует отметить, что судебная ошибка в широком понимании – разновидность ошибок, допускаемых органами государственной власти. При этом судебная ошибка может выступать как самостоятельным явлением в судебной деятельности, так и быть составным элементом ошибки государственной деятельности вообще.

Российская юридическая наука рассматривает судебные ошибки преимущественно в узком понимании – как логические ошибки в судебном правоприменении конкретного суда. При этом следует отметить, что предложенная наукой модель судебной ошибки все еще весьма далека от

совершенства, а природа судебных ошибок в современных условиях практически не изучена. То есть судебная ошибка, с научной точки зрения, находится на стадии изучения ее понимания всем обществом в целом.

Пути исправления судебных ошибок в значительной степени предопределены их природой. Значительное количество судебных ошибок носит технический характер. Безусловно, так как само понятие судебной ошибки находится на стадии научного изучения, то и методики их устранения будут расширяться по мере изучения тех или иных судебных ошибок. На данный момент, что касается непосредственно часто встречающихся ошибок, совершаемых судами, а именно технических, то организаторам судебной деятельности следовало бы разработать комплекс технологий, которые позволили бы существенно уменьшить количество таких ошибок.

Литература и примечания:

[1] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. С. 509-568.

[2] Казгериева Э.В. Логические ошибки в судебном правоприменении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

© Т.Р. Саносян, О.В. Карягина, 2014

***Д.В. Скрытченко,
А.В. Карягина,
НОУ ВПО «ТИУЭ»
г. Таганрог***

УЖЕСТОЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ МЕРА?

Рост терроризма в современном обществе обусловлен обострением экономического и социального неравенства как внутри государства, так и между государствами, безработицей, обеднением населения, разрушением культурных ценностей, распространением средствами массовой информации идей и взглядов, ведущих к насилию и нетерпимости, ухудшением качества физического и психического здоровья, низкой правовой культурой населения и неспособностью власти справиться с преступлениями.

После трагических событий в Волгограде в конце 2013 года Госдумой РФ был принят большой пакет антитеррористических поправок в действующее законодательство России. В частности, УК РФ был дополнен такими составами, как ст. 205.3. Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности; ст. 205.4. Организация террористического сообщества и участие в нем; ст. 205.5. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации. Введен также новый состав уголовного преступления – организация совершения преступлений террористической направленности, а равно организация финансирования терроризма. В соответствии с изменениями, внесенными Федеральным законом от 05.05.2014 № 130-ФЗ, по данным составам увеличен и срок наказания, вплоть

до пожизненного лишения свободы, также повышается уголовная ответственность и за заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Изменение претерпело само понятие террористического акта, а совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма теперь относится к обстоятельствам, отягчающим наказание. Кроме того, к лицам, совершившим преступления террористической направленности, не применяются сроки давности. Внесены изменения и в КоАП РФ, так, появились статьи «Финансирование терроризма» и «Неисполнение решения коллегиального органа, координирующего и организующего деятельность по противодействию терроризму». Кроме того, сотрудники органов ФСБ, при наличии у них оснований подозревать граждан и должностных лиц в совершении преступления, наделяются правом осуществлять личный досмотр граждан и находящихся при них вещей, а также принадлежащих гражданам транспортных средств и находящихся в них грузов.

На пути борьбы с данным социально опасным явлением государство начало относить к террористическим все большее количество преступлений, не влекущих такую опасность для общества, как убийство его членов. При этом не стоит забывать, что, кроме исполнителя, есть и заказчик террористических актов, направленных на захват, поджог, подрыв и другие действия, совершаемые в отношении мирного населения или различных представляющих значимость объектов инфраструктуры России. Для вербовки террористов используют разнообразные методы: неправильное толкование религии; привлечение лозунгом «За свободу во всем мире от тирании государств»; индивидуальная психологическая работа и т.д.

Однако, помимо «бескорыстных самоубийц», существуют еще и террористы, которым дорога собственная жизнь. И таких примеров достаточное количество, ведь далеко не у каждого пойманного террориста находят при обыске «пояс шахида», а этот факт доказывает лишь одно – они идут на теракты не из-за фанатичности и индивидуальной обработки личности, а только ради денег. Именно поэтому говорить о неправильном понимании постулатов религии как основном факторе распространения болезни терроризма не только в России, но и по всему миру не приходится. Современный, не связанный с самоубийством, терроризм является хорошо оплачиваемой профессией, и платят за него те, кому выгодно, чтобы в России в тот или иной момент времени был беспорядок.

Стоит заметить, что далеко не все ужесточения ответственности могут достигать цели исправления преступника-террориста. Так, например, ужесточение ответственности по ст. 205 УК РФ посредством увеличения срока заключения террориста не всегда будет достигать цели исправления такого рода осужденных, поскольку фанатично настроенных людей не переубедишь.

В целом, ужесточение ответственности за организацию и участие в террористических организациях и сообществе, полагаем, угрожает логике уголовного закона. Так, например, пожизненное заключение за обучение терроризму явно неадекватно общественной опасности преступления, а предоставление преступникам информации и средств невозможно считать организацией теракта, поскольку это характеристика пособника.

Учитывая события в Волгограде в конце 2013-го, проблемы дальнейшего пребывания террористов на территории России в 2014-м году, а также трагедии, произошедшей в московской школе № 236, когда школьник захватил школу и убил двух человек, законодательно следует пересмотреть нормы,

регламентирующие ответственность за данные преступления, поскольку они действуют не только в отношении террористов, но и их близких родственников, о степени вины которых сказано весьма расплывчато. Данные изменения должны преследовать цель исправления осужденного, а не провоцировать новые преступления и порождение новых преступников. И если данная цель недостижима, то может быть пора уже наконец-то задуматься о возвращении смертной казни в УК РФ, хотя бы в отношении не поддающихся исправлению лиц?

© Д.В. Скрытченко, А.В. Карягина, 2014

А.А. Солдатикова,

М.К. Апаньева

СГУ им. Н.Г. Чернышевского,

г. Саратов

К ВОПРОСУ О ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ

В практике примерно с 2000 годов получил довольно широкое распространение такой вид субъектов предпринимательской деятельности, как предпринимательские объединения.

Концентрация капитала и формирование предпринимательских объединений со сложной структурой управления – это общая черта, присущая экономике многих развитых стран. Создание различного рода объединений выступает как одно из средств повышения эффективности предпринимательской деятельности за счет получения отдельных конкурентных преимуществ [1].

Предпринимательское объединение – это объединение двух и более коммерческих организаций и (или) индивидуальных предпринимателей, между которыми существует экономическая и (или) организационная зависимость в форме участия в уставном (складочном, паевом) капитале (фонде) и (или) управлении хозяйственной деятельностью, образованное в целях защиты общих интересов, координации усилий в разрешении сложных проблем, реализации проектов и целевых программ и проводящее единую экономическую политику. Данное понятие достаточно емкое, так как содержит признаки предпринимательских объединений. В связи с этим предлагается краткое определение предпринимательского объединения – это объединение двух и более взаимосвязанных хозяйствующих субъектов, имеющих общие цели, соответствующие проводимой единой экономической политике.

Рассматривая виды предпринимательских объединений, можно выделить как правовые, так и экономические критерии их классификации. Основная классификация предпринимательских объединений производится по организационно-правовым формам. В соответствии с этим критерием выделяются холдинг, финансово-промышленная группа, простое товарищество. При этом под организационно-правовой формой объединения следует понимать правовую конструкцию (структуру) организации и управления объединением, а также взаимоотношения между его участниками.

В.А. Лаптев классифицирует предпринимательские объединения по способу организации и управления, среди которых выделяет вертикальные,

горизонтальные и смешанные объединения [3].

Объединения вертикального типа бывают двух видов:

1) холдинг, который в своей структуре содержит дочерние и зависимые организации, находящиеся в подчинении холдинговой головной компании;

2) финансово-промышленная группа, которая создана в форме холдинга вертикального типа либо путем заключения договора о создании финансово-промышленной группы, в обоих случаях возглавляемая головной компанией.

В таких объединениях исполнительные органы управления их участников подчиняются исполнительным органам головной компании.

Горизонтальный тип объединений реализуется путем создания объединений на основе договора простого товарищества, в соответствии с которым два и более хозяйствующих субъекта обладают равными правами и объединяют свои усилия для достижения определенных целей, например, для получения наибольшей прибыли.

Объединения смешанного типа встречаются в важнейших отраслях промышленности (нефтяной, газовой, металлургической и др.), когда два и более холдинга объединяются на основе договора простого товарищества, в результате чего образуется крупное предпринимательское объединение, которое сочетает в своей структуре и вертикальные, и горизонтальные элементы.

В зависимости от наличия/отсутствия воли участников-членов при образовании предпринимательского объединения выделяются объединения добровольные и принудительные.

Добровольные предпринимательские объединения образуются, как правило, путем заключения договоров (соглашений) между участниками объединения, например, между участниками финансово-промышленной группы или договора простого товарищества.

Объединением, образованным помимо воли его участников, выступает холдинг, в составе которого находятся организации-участники, вошедшие в него посредством приобретения (участия) холдинговой компанией долей уставных капиталов дочерних организаций либо при возникновении возможности холдинговой компании определять решения, принимаемые дочерними обществами.

Рассмотрим подробнее те предпринимательские объединения, которые были названы: простое товарищество, холдинг и финансово-промышленная группа.

В соответствии со ст. 1041 Гражданского кодекса РФ по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели [2]. Сторонами договора простого товарищества, заключаемого для осуществления предпринимательской деятельности, могут быть только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Прибыль, полученная товарищами в результате их совместной деятельности, распределяется пропорционально вкладам в общее дело. Если договор простого товарищества связан с осуществлением его участниками предпринимательской деятельности, товарищи отвечают солидарно по всем общим обязательствам. На практике договор простого товарищества не получил широкого распространения.

Холдинг – это объединение организаций, в котором дочерние организации

находятся в организационной или экономической зависимости от холдинговой головной (материнской) компании. Правовое положение холдинга законодательно нигде не урегулировано, поэтому функционирование холдингов в России представляет некоторую сложность.

Кроме того, согласно п. 1.1 Временного положения о холдинговых компаниях, таковыми признаются предприятия независимо от их организационно-правовой формы, в состав активов которых входят контрольные пакеты акций других предприятий [4].

Что же касается финансово-промышленных групп, то их правовой статус также нигде не закреплён, поскольку Федеральный закон «О финансово-промышленных группах» [6] был отменён другим Федеральным законом [5] в 2007 году.

И холдинги, и финансово-промышленные группы имеют широкое распространение в России, даже несмотря на отсутствие законодательного регулирования в данной области.

Литература и примечания:

[1] Беляева О.А. Предпринимательское право: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Б. Ляндреса. М.: ИНФРА-М, 2009. С.87.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 21 июля 2014 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[3] Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 165.

[4] О мерах по реализации промышленной политики при приватизации государственных предприятий: Указ Президента Российской Федерации от 16 ноября 1992 г. № 1392 (ред. от 26 марта 2003 г.) // Российская газета. 1992. № 251.

[5] О признании утратившим силу Федерального закона «О финансово-промышленных группах»: Федеральный закон от 22 июня 2007 г. № 115-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 26. Ст. 3088.

[6] О финансово-промышленных группах: Федеральный закон от 30 ноября 1995 г. № 190-ФЗ (утратил силу) // СЗ РФ. 1995. № 49. Ст.4697.

© А.А. Солдатикова, М.К. Ананьева, 2014

***Р.Р. Субхангулов,
А. Анфилатова,
УЮИ МВД России,
г. Уфа***

ВЫЯВЛЕНИЕ И РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КРИМИНАЛЬНЫМ БАНКРОТСТВОМ

Преступления в сфере банкротства – такая же неизбежная реальность, как и преступления против личности. Борьба с этими преступлениями осложнена тем, что они носят латентный характер, скрываясь под видом гражданских правоотношений.

Законодательно данные преступления закреплёны в Уголовном кодексе

Российской Федерации в статье 195 «Неправомерные действия при банкротстве», статье 196 «Преднамеренное банкротство» и в статье 197 «Фиктивное банкротство» [1].

Способы совершения таких преступлений указаны в диспозиции статей: 1) сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей; 2) сокрытие сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях; 3) передача имущества во владение третьим лицам; 4) отчуждение или уничтожение имущества; 5) сокрытие, уничтожение, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность кредитной организации; 6) неправомерное удовлетворение имущественных требований отдельных кредиторов за счет имущества должника – кредитной организации заведомо в ущерб другим кредиторам; 7) незаконное воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной организации; 8) уклонение или отказ от передачи арбитражному управляющему либо временной администрации кредитной организации документов, необходимых для исполнения возложенных на них обязанностей; 9) уклонение или отказ от передачи арбитражному управляющему либо временной администрации кредитной организации имущества, принадлежащего кредитной организации; 10) совершение действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность кредитной организации в полном объеме удовлетворять требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей; 11) заведомо ложное объявление руководителем или учредителем (участником) кредитной организации о ее несостоятельности.

Для того чтобы арбитражный суд принял заявление о признании должника банкротом, необходимо доказать наличие определенных признаков несостоятельности (банкротства): наступление факта банкротства и причинение материального ущерба в размере, превышающем 1,5 миллиона рублей, вывод ликвидного имущества, заключение сделок на заранее невыгодных условиях, увеличение кредиторской задолженности и т.д.

Основаниями выявления преступлений в сфере криминального банкротства служат:

1. По заявлению;
2. Оперативная информация, поступающая в уполномоченные органы от источников СМИ и по заявлению граждан либо организаций;
3. Налоговая проверка, которая может проводиться как планово, так и внепланово (анонимно);
4. Иные источники.

Поступившая в уполномоченные органы информация проверяется с помощью опроса свидетелей сотрудником налогового органа, руководителя, главного бухгалтера, иных работников предприятия, сбора документов, а также их исследования, анализа актива и пассива баланса, проверки контрагентов, акцента на вывод активов.

При исследовании документов перед оперативным сотрудником ставятся вопросы: анализ финансово-хозяйственной деятельности о неплатежеспособности организации, какова сумма ущерба, каков прогноз неплатежеспособности организации и другие.

Субъектами преступлений в сфере банкротства выступают руководители или учредительные лица организации, индивидуальные предприниматели [2].

После признания субъекта банкротом и наличия признаков

преднамеренного банкротства проводятся оперативно-розыскные мероприятия по сбору материала проверки и документированию правонарушений действий (опросы, наведение справок, проведение исследований документов).

После введения процедуры банкротства вся бухгалтерская документация находится на хранении у конкурсного управляющего, который может оказать сотрудничество либо противодействие сотрудникам ОВД. В связи с этим для начала необходимо установить место хранения документации и в последующем в рамках мероприятия «опросы, наведение справок, обследование помещений, зданий и сооружений» изъять интересующие документы.

Документами, подлежащими проверке, а затем передаче в оперативные органы, служат: учредительные, первичная бухгалтерская документация, книга приказов, журналы и протокола собраний и т.д. [3].

В налоговый орган поступает немного иная документация: бухгалтерская отчетность организации, сведения по уплате в бюджет обязательных платежей, копии учредительных документов.

Признаками преднамеренного банкротства являются: вывод ликвидного имущества, заключение сделок на заранее невыгодных условиях, увеличение кредиторской задолженности, уничтожение имущества, передача имущества третьим лицам, следовательно необходимо сделать акцент на вывод активов. С контрагентами нужно провести встречные проверки по сделкам, ухудшающим платежеспособность предприятия-«банкрота».

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что при совершении криминальных банкротств происходят незаконные деяния, начиная от присвоения денежных средств, имущества субъектами преступлений и заканчивая уходом от налогов через фиктивное банкротство. Банкротство усиливает социальную напряженность, увеличивает задолженность организаций по налогам и сборам.

Литература и примечания:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Субхангулов Р.Р. К вопросу обеспечения экономической безопасности сельскохозяйственного предприятия при производстве продукции // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 4. С. 8-13.

[3] Галикеев Р.Н., Субхангулов Р.Р. Состояние и способы технического обеспечения сельского хозяйства // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 1 (117). С. 108-112.

© Р.Р. Субхангулов, А. Анфилатова, 2014

***Е.С. Шаталова,
В.Е. Левченко,
НИУ «БелГУ»,
г. Белгород***

АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации 2002 года (далее – ГПК РФ) [1] закрепил аудио- и видеозаписи в качестве самостоятельных

доказательств, которые на сегодняшний день все чаще используются сторонами при разрешении гражданских дел.

В ранее действующем ГПК РСФСР [2] был четко определен круг средств доказывания (объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные доказательства, вещественные доказательства и заключения экспертов), среди которых отсутствовали аудио- и видеозаписи. Однако с развитием электроники и проникновением ее в быт людей расширилась возможность фиксирования фактов с помощью аудио- и видеозаписей, что привело к увеличению в судебной практике случаев, когда стороны просили исследовать фактические данные, имеющие отношение к делу, но представленные в форме, использование которой в достаточной мере не было урегулировано процессуальным законодательством. В связи с этим в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 01.12.1983 № 10 «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции» [3] было разъяснено, что в случае необходимости судом могут быть приняты в качестве письменных доказательств документы, полученные с помощью электронно-вычислительной техники. С учетом мнения лиц, участвующих в деле, суд может также исследовать представленные звуко- и видеозаписи. Это стало отправной точкой на пути регламентации аудио- и видеозаписей в качестве самостоятельных средств доказывания в гражданском процессе.

В ныне действующем ГПК РФ не содержится дефиниции аудио- и видеозаписей. В научных разработках аудиозапись определяется как материальный носитель, содержащий звуковую информацию, зафиксированную любым способом звукозаписи. Видеозапись – это материальный носитель, содержащий изобразительную и звуковую информацию, зафиксированную любым способом видеозаписи [4].

Аудио- и видеозаписи являются очень интересным, но также и весьма специфическим средством доказывания. Как и любое другое средство доказывания, оно имеет свои достоинства и недостатки. К первым необходимо отнести высокую степень документальности и наглядности информации. Недостатком же аудио- и видеозаписей как процессуального доказательства является возможность ведения скрытой записи и съемки. Кроме того, в современных условиях можно достаточно свободно монтировать видео- и аудиозаписи, а также полностью их фальсифицировать. Что же касается аудиозаписей, то здесь открываются широкие возможности для имитации голоса [5].

Однако данный факт не умаляет роли данного вида доказательств, ведь фальсифицированы могут быть и иные виды доказательств. К тому же в целях выяснения содержащихся в аудио- и видеозаписи сведений судом может быть привлечен специалист. В необходимых случаях суд может назначить экспертизу.

Еще одним из аргументов противников использования аудио- и видеозаписей в качестве доказательств выступает довод, что в процессе их получения, исследования могут быть нарушены нормы морали, тайна личной жизни, неприкосновенность, иные права личности, гарантированные Конституцией [6].

Чтобы определить законность порядка собирания доказательственной информации и возможность использования ее в гражданском процессе, ГПК РФ в ст. 77 предъявляет требования к лицам, представляющим аудио- и (или)

видеозаписи на электронном или ином носителе либо ходатайствующим об их истребовании, об указании сведений о том, когда, кем и в каких условиях осуществлялись записи.

Особые требования к аудио- и видеозаписям предъявляются не только процессуальным законодательством. Например, Закон РФ «О средствах массовой информации» [7] в ст. 50 говорит о том, что распространение сообщений и материалов, подготовленных с использованием скрытой аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки, допускается в следующих случаях:

1) если это не нарушает конституционных прав и свобод человека и гражданина;

2) если это необходимо для защиты общественных интересов и приняты меры против возможной идентификации посторонних лиц;

3) если демонстрация записи производится по решению суда.

Однако на практике в большинстве случаев именно средствами массовой информации нарушаются закрепленные в главе 2 Конституции Российской Федерации права граждан. В качестве примера нарушения конституционных прав можно привести следующий случай. В Судебную палату по информационным спорам при Президенте РФ обратились содержащиеся в колонии осужденные женщины с сообщением о том, что в телепередаче А.Г. Невзорова «Дикое поле» [8] (телеканал ОРТ) было нарушено их право на тайну частной жизни. В ходе рассмотрения обращения было установлено, что в передачу вошли материалы о сексуальном поведении осужденных. Проведение съемок осуществлялось без их согласия. В результате журналисту было объявлено замечание, а руководству ОРТ предложено рассмотреть вопрос о расторжении договора о распространении программы.

В гражданском процессе аудио- и (или) видеозапись может вестись как в рамках данного конкретного гражданского дела, так и вне гражданского процесса по находящемуся в производстве суда делу [9].

Для фиксации хода судебного заседания с помощью аудиозаписи (в отличие от видеозаписи, где такое разрешение должно быть обязательно) в рамках конкретного дела, как известно, разрешения суда не требуется (ч. 7 ст. 10 ГПК РФ, ч. 4 ст. 158 ГПК РФ). Кроме того, аудио- и видеозапись могут осуществляться по указанию суда для документирования хода производства судебного действия (ч. 3 ст. 184 ГПК РФ).

Если обратиться в данном плане к зарубежному опыту, то такие унифицированные правила, как Трансграничные принципы гражданского процесса, предусматривают, что судебные дела и записи судебных заседаний являются открытыми или должны быть иным образом доступны лицам, имеющим законный интерес или обратившимся с обоснованным запросом об этом в соответствии с законом суда [10].

Но в некоторых зарубежных странах судебные дела и записи судебных заседаний по общему правилу являются конфиденциальными, хотя они и могут быть раскрыты при наличии уважительных причин. Так, согласно абзацу 1 § 169 Закона Германии о судостроительстве (Gerichtsverfassungsgesetz (GVG)), судебное разбирательство проводится в открытом судебном заседании, решения и определения суда объявляются публично, однако аудио- и видеозапись, а также радио- и телетрансляция с целью демонстрации или опубликования происходящего в судебном заседании недопустима [11].

Резюмируя вышесказанное, приходим к выводу о том, что закрепление в

ГПК РФ аудио- и видеозаписей в качестве самостоятельных средств доказывания способствует правильному и объективному рассмотрению и разрешению гражданских дел, при этом существенно расширяя возможности установления фактических обстоятельств дела. Однако, чтобы достичь этого, данный вид доказательств обязательно должен быть всесторонне, полно и профессионально грамотно исследован экспертами, а заключение экспертов, в свою очередь, надлежаще оценено судом.

Также в связи с участвовавшими случаями нарушения правовых норм, охраняющих личную жизнь граждан, считаем необходимым внесение дополнений в ст. 77 ГПК РФ в части недопустимости использования аудио- и видеозаписей, каким-либо образом нарушающих конституционные права человека и гражданина, в качестве доказательств по гражданскому делу.

Литература и примечания:

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // Российская газета. 2002. 20 ноября.

[2] Закон РСФСР от 11.06.1964 «Об утверждении Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с кодексом) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1 декабря 1983 года «О применении процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел в суде первой инстанции» с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда СССР № 3 от 3 апреля 1987 года «О строгом соблюдении процессуального законодательства при осуществлении правосудия по гражданским делам» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (РФ) по гражданским делам. М.: Юристь, 1996.

[4] Гражданский процесс: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М.К. Треушников. М.: Издательский Дом «Городец», 2011. С.311.

[5] Власов А.А. Вещественные доказательства в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 12.

[6] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2009. 21 января.

[7] Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.07.2013) «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. 08 февраля.

[8] Решение № 32 Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ «О нарушении в программе Невзорова А.Г.».

[9] Галяшина Е.И., Галяшин В.Н. Фонограммы как доказательства по гражданским делам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1.

[10] Смола А.А. Актуальные вопросы реализации принципа гласности судебного разбирательства в арбитражных судах Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2012. № 5.

[11] Вдовина Е.И. Принцип гласности в гражданском процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 196.

© Е.С. Шаталова, В.Е. Левченко, 2014

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ (1949-2009 гг.)

Образование Китайской Народной Республики в октябре 1949 г. означало создание новой государственности на территории Китая и начало модернизации страны. При этом к моменту провозглашения КНР у руководства Китайской коммунистической партии (КПК) не было разработанной стратегии социально-экономического развития, решать неотложные задачи приходилось на практике. В этих условиях государство остро нуждалось в качественных специалистах.

Для реализации важнейшей задачи создания системы просвещения в стране руководящие органы обратились за помощью к Советскому Союзу как к первому социалистическому государству, добившемуся больших успехов в области образования. Китайское руководство, осознавая имеющиеся серьезные недостатки в системе обучения и просвещения в стране, предпринимает активные шаги по созданию новой системы образования. Начиная с 1949 года, мы можем выделить следующие исторические этапы в обучении китайских студентов в России:

1-й этап (1949-1960 гг.). Советский Союз был первой страной мира, признавшей КНР на следующий день после ее учреждения. 14 февраля 1950 г. СССР и КНР подписали Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Дружба с СССР была объявлена главным приоритетом внешней политики нового Китая. Для осуществления целей и задач по революционному воспитанию и образованию молодежи крупнейшей в мире (по населению) социалистической страны – Китая – советское руководство активно приглашает в свои университеты и институты китайских студентов. После учебы студенты возвращались в Китай и уже сами готовили новые кадры для развивающейся экономики [1]. Обобщенные статистические данные, отражающие количество обучавшихся в СССР и вернувшихся на родину китайских студентов, отражены в таблице 1:

Таблица 1 – Количество китайских студентов, направленных за границу Министерством просвещения КНР и вернувшихся на родину (1950-1960 гг.; чел.)

Годы	Кол-во студентов, направленных за границу	Количество студентов, вернувшихся на родину	Кол-во студентов, уехавших в СССР	Кол-во студентов, вернувшихся из СССР
1950	35			
1951	380		375	
1952	231		220	
1953	675	16	583	
1954	1518	22	1475	7
1955	2093	104	1932	103
1956	2401	258	2085	250

1957	529	347	438	339
1958	415	670	378	645
1959	576	1380	460	1287
1960	441	2217	317	2072
Итого	9294	5041	8163	4703

2-й этап (1960-1966 гг.). После смерти И.В. Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущева отношения между двумя странами ухудшаются. Лидеры накопили разногласия по целому ряду вопросов внешней и внутренней политики, в частности, по китайско-индийскому конфликту, Варшавскому договору, строительству социалистической экономики и т.д. В 1960 г. в КНР в официальной печати была опубликована статья с критикой политики Советского Союза. Советское руководство обвинило Пекин в развертывании антисоветской кампании и 18 августа 1960 г. отозвало из КНР всех советских специалистов и студентов. Между двумя странами участились пограничные конфликты и территориальные споры. Несмотря на произошедшую в СССР в октябре 1964 г. смену политического руководства (Хрущев был направлен в отставку), напряжение в российско-китайских межгосударственных отношениях нарастало, и в своем официальном письме от 22 марта 1966 г. КПК заявила о своем отказе направить делегацию на XXIII съезд КПСС, что явилось беспрецедентным случаем в отношениях между коммунистическими партиями и означало окончательный разрыв отношений. Оставшиеся в СССР китайские студенты и аспиранты были в кратчайшие сроки отправлены поездом на родину [2]. Общая численность прибывших в СССР в эти годы и вернувшихся на родину китайских студентов представлена в таблице 2:

Таблица 2 – Количество китайских студентов, направленных за границу Министерством просвещения КНР и вернувшихся на родину (1961-1965 гг.; чел.)

Годы	Кол-во студентов, направленных за границу	Кол-во студентов, вернувшихся на родину	Кол-во студентов, уехавших в СССР	Кол-во студентов, вернувшихся из СССР
1961	124	1403	74	1429
1962	114	980	55	828
1963	32	426	20	207
1964	650	191	3	122
1965	454	199	54	115
Итого	1374	3199	206	2621

3-й этап (1966-1977 гг.). В августе 1966 г. выходит постановление ЦК КПК о «Великой пролетарской культурной революции». Начинаются репрессии против интеллигенции, экономическая и культурная жизнь в Китае была дезорганизована. Этот этап можно охарактеризовать как период абсолютного отсутствия каких-либо контактов в области образования и обучения между двумя странами. На межгосударственном уровне это был период кульминационного обострения отношений, охарактеризовавшийся провокациями у стен советского посольства в Пекине и у Мавзолея в Москве, наращиванием группировок китайских войск на границе с СССР, а также серьезными пограничными инцидентами, наиболее трагичным из которых был конфликт на о. Даманском в

марте 1969 г. Решающей в развитии вектора отношений между двумя странами стала встреча главы советского правительства А. Косыгина и премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая 11 сентября 1969 г. в пекинском аэропорту. Стороны договорились о предотвращении вооруженного конфликта и продолжении переговоров в целях мирного решения пограничных вопросов. Эта встреча в какой-то мере погасила напряженность в отношениях между странами, но не привела к потеплению отношений. Не произошло и восстановления контактов в области образования: так, начиная с 1972 г., китайских студентов направляли на учебу и аспирантские стажировки в Англию, Францию, Канаду, но в Советский Союз не было осуществлено никаких поездок [3].

4-й этап (1978-1990 гг.). В 1978 г. в Китае начинается период «реформ и открытости». Начавшиеся экономические реформы в стране открыли путь и для преобразований в области просвещения. Были расширены каналы отправки китайских студентов и аспирантов за границу. В советско-китайских отношениях был сделан шаг в сторону нормализации. В политике китайского руководства была принята новая внешнеполитическая линия, в свою очередь, советским руководством было заявлено о готовности договориться о мерах по улучшению отношений с КНР. Была предпринята «политика малых шагов»: участились дипломатические контакты, стали расширяться торгово-экономические связи. После прихода к власти М.С. Горбачева в 1985 г. и деидеологизации отношений расширяется приграничная торговля КНР и СССР, возобновляются культурные обмены. Был принят совместный «План сотрудничества КНР и СССР в области образования на 1988-1990 гг.», согласно которому начался широкий обмен студентами, аспирантами и стажерами, развернут процесс взаимного приглашения преподавателей и ученых, а также обмен опытом в области методики преподавания различных курсов и дисциплин [4]. Состоявшийся в мае 1989 г. визит М.С. Горбачева в Китай завершил процесс нормализации двусторонних отношений.

5-й этап (1991-1999 гг.). К началу 1990-х гг. обстановка на границе была нормализована, что обусловило возникновение широкого пассажиропотока в обе стороны границы. Это был этап заключения значительного количества межправительственных и межрегиональных договоров и соглашений, немалая часть которых, хотя так и осталась на бумаге, тем не менее способствовала развитию приграничной торговли, культурных и иных обменов. Был подписан «План сотрудничества КНР и СССР в области образования на 1991-1995 гг.», реализация пунктов которого способствовала углублению отношений между двумя странами, расширению сотрудничества между вузами [5]. Именно в этот период российские университеты устанавливают контакты и подписывают первые (после этапа «холодной войны») соглашения и договоры о сотрудничестве в области образования и просвещения. Интенсивно развиваются отношения между приграничными учебными заведениями Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Однако связи еще носят в целом неупорядоченный характер.

6-й этап (1999-2009 гг.). Начало XXI века характеризуется упрочением российско-китайских связей на межгосударственном уровне, установлением отношений стратегического партнерства и взаимодействия. Отношения главы РФ В.В. Путина и руководителей четвертого и пятого поколений в Китае основаны на взаимовыгодном сотрудничестве, взаимопонимании и поддержке по основным вопросам внешней политики. В области образования этот этап характеризуется

качественным углублением контактов и связей, выходом взаимодействия по обучению китайских студентов в России на более высокий уровень. Заключаются соглашения на уровне Министерств и Департаментов образования обеих стран, разрабатываются и реализуются новые программы обучения («2+2», «1+3» и др.), открываются магистратуры и аспирантуры для китайских студентов. Активно расширяются вузовские связи дальневосточных российских территорий и северо-восточных провинций КНР. На Дальнем Востоке китайские студенты приезжают в города Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, Биробиджан, Комсомольск. Одним из наиболее привлекательных городов Дальнего Востока для китайских студентов является Благовещенск, потому что он находится на границе с Китаем – всего 800 м отделяют его от приграничного Хэйхэ. В настоящее время в ведущем вузе г. Благовещенска – Благовещенском государственном педагогическом университете обучается более 200 китайских студентов.

В заключение необходимо отметить, что за 50-летний период исторический процесс образования и просвещения китайских студентов в России прошел несколько этапов и в настоящее время характеризуется более глубоким и качественным взаимодействием, прочной основой и системным углублением. Выход процесса обучения китайских студентов в России на новый качественный уровень стал возможным благодаря фундаментальной методической базе и высокому качеству российского образования, его основательности и преемственности. Только при условии сохранения этих характеристик и составляющих будет возможно дальнейшее поступательное развитие процесса обучения китайских студентов в нашей стране.

Литература и примечания:

- [1] Ван Ци. Проект «156 объектов» и особенности китайско-советских отношений в 1950-е гг. (на кит. яз.). Дандай Чжунго ши яньцзю. 2003. № 2. С. 110.
- [2] Гу Нин. Китайская политика сдерживания и изолирования: истоки, реакция, значение (на кит. яз.). Шицзе лиши. 1997. № 1. С. 46.
- [3] Син Гуанчэн. Межправительственные соглашения Советского Союза за 70 лет – от Ленина до Горбачева (на кит. яз.). Дандай Чжунго ши яньцзю. 2002. № 4. С. 251.
- [4] Советско-китайские отношения от нормализации до добрососедства (1989-1992) (на кит. яз.). Дандай Чжунго ши яньцзю. 2004. № 2. С. 104.
- [5] Элисон Г. Советско-китайские отношения: 20-летний опыт. Пекин, 1989. С. 120; Ни Сяоюань, Роберт Р. Треугольник китайско-советско-американских отношений (1970-1980-е гг.). (на кит. яз.). Пекин, 1993. С. 169.

© Янь Мэйвэй, О.В. Залесская, 2014

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

*Материалы I Всероссийской (заочной) научно-практической конференции
(с международным участием)*

*Том 4 (секции «Физико-математические науки» и «Юридические науки»)
г. Нефтекамск, 5 декабря 2014 г.*

Подписано в печать 6.12.2014 г. Формат 60х84/16

Усл. печ. л. 7,00. Тираж 100 экз. Заказ 4.

Редакционно-издательский отдел

ООО «Наука и образование»

452681, РБ, г. Нефтекамск, ул. Дорожная, 15а

Отпечатано в редакционно-издательском отделе

ООО «Наука и образование»

Телефон 8 (937) 333-86-86

E-mail: vostretsow@yandex.ru